

ISSN 2225-0018

№ 7

ВОЯДЖЕР:
МИР И ЧЕЛОВЕК
Юбилейный выпуск

- *Археология*
- *История*
- *Социология*

Самара
Самарский государственный технический университет
2016

УДК 316.6
ББК Ю622
В 33

Вояджер: мир и человек: теоретический и научно-методический журнал. – № 7. Спецвыпуск к 50-летию Д.Е. Быкова. – Самара: Самарский государственный технический университет, 2016. – 178 с.

ISSN 2225-0018

Под общ. ред. д.т.н., профессора Быкова Д.Е.

Ответственный редактор д.и.н., профессор Богачев А.В.

Редакционная коллегия: д.т.н., профессор Быков Д.Е., д.п.н., профессор Юсупова О.В., д.х.н., д.т.н., профессор Бичуров Г.В., д.т.н., профессор Ненашев М.В., д.б.н., профессор Сачков С.А., д. псих. н., профессор Агафонов А.Ю., к. филол. н., доцент Тимошук Н.А., к. психол. н., доцент Доброва В.В., к. п. н, доцент Трофимов В.Н., д.ф.н., доцент Малышев В.Б., д.и.н., доцент Семенова Е.Ю. (зам. ответственного редактора), к.и.н., доцент Тузова О.В., к.и.н., доцент Бирюкова А.Б.

Экспертный совет: д.и.н., профессор Дубман Э.Л., к.и.н., доцент Мышкин В.Н., к.и.н., доцент Захарова Л.Б., д.и.н., профессор Курятников В.Н., к.и.н., доцент Федотов В.В.

Ответственный секретарь Кондрашина А.Г.

© А.В. Богачев – название и концепция
издания
© Авторы, 2016
© Самарский государственный
технический университет, 2016

Вояджер: № 7/2016
мир и человек

Теоретический и научно-методический журнал
Основан в 2011 г.
Выходит 2 раза в год
Под общей редакцией д.т.н., профессора Быкова Д.Е.

СОДЕРЖАНИЕ

КУРЯТНИКОВ В.Н. «Университет – это, в первую очередь, люди...»
(К 50-летию ректора СамГТУ Д.Е. Быкова)5

Археология

БОГАЧЕВ А.В., ЛАКОЦЕНИН Д.В. Новые находки раннесредневековых удил
близ 23 км г. Самары..... 17
КАЗАКОВ Е.П. Погребальные маски волжских болгар в системе древностей
угров 32
МАТВЕЕВА Г. И., НИКИТИНА А. В. Бахилловское селище эпохи Великого
переселения народов на территории Самарской Луки (по материалам
исследований Г.И. Матвеевой 1992 г.)..... 56

История и социология

ВОЛОШИНА О.Б. Учительство Куйбышевской области
(вторая половина XX в.) 72
МОРОЗОВ В.Ю. Трансформация и милитаризация Совнархозов Самары,
Саратова, Симбирска после ликвидации власти КОМУЧА..... 89
КИРИЧЕНКО О.В. Русский мир Сергея Александровича Есенина..... 110
ТУЗОВА О.В. К вопросу о национально-исторических традициях: на
примере советской музыкальной культуры в период Великой
Отечественной войны 1941-1945 годов..... 124
ФЕДОТОВ В.В. Эвакуационные процессы в Мордовской АССР
в 1941-1948 гг..... 133
КАНДАУРОВ С.П. Веротерпимость: опыт межконфессионального
взаимодействия в Самарском регионе..... 139
ПЕТИНОВА Т.М. Некоторые характеристики актуальной читательской
культуры студенческой молодежи 160
Аннотации на английском языке171
Авторы статей175
Список сокращений177

CONTENTS

KURYATNIKOV V.N. «The university is, first and foremost, people...» (To the 50th birthday of the rector SamGTU D.E. Bykov)	5
---	---

Archeology

BOGACHEV A.V., LAKOCENIN D.V. New finds of early medieval bits near 23 km of Samara	17
KAZAKOV E. P. Burial mask at the Volga Bulgaria in the system of antiquities Ugric peoples.....	32
<u>MATVEEVA G.I.</u> , NIKITINA A.V. Bakhilovskoe settlement era of the Great migration on the territory (based on studies G.I. Matvevoi 1992 year).....	56

History and sociology

VOLOSHINA O.B. Teaching Kuibyshev region (the second half of the XX cen.)....	72
MOROZOV V.Y. Transformation and militarization of Sovnarkhoz's of Samara, Saratov, Simbirsk after elimination of power of the KOMUCH.....	89
KIRICHENKO O. V. Russian world of Sergei Alexandrovich Yesenin	110
TUZOVA O.V. National-historical traditions in soviet musical culture during the Great Patriotic war 1941-1945	124
FEDOTOV V.V. Evacuation processes in Mordovia ASSR in 1941-1948.....	133
KANDAUROV S. P. Tolerance: the experience of interreligious cooperation in the Samara region.....	139
PETINOVA T. M. Some characteristics of the current reading culture of student's youth.....	160
Summaries	171
The authors of the articles	175
List of abbreviations	177

**«УНИВЕРСИТЕТ – ЭТО, В ПЕРВУЮ ОЧЕРЕДЬ, ЛЮДИ...»
(К 50-ЛЕТИЮ РЕКТОРА САМГТУ Д.Е. БЫКОВА)**

Статья посвящена деятельности ректора Быкова Д.Е. Раскрывается многогранная деятельность руководителя крупнейшего вуза Поволжья.

Ключевые слова: СамГТУ, Д.Е. Быков, ректор, кафедра, наука, история

2009 год отмечен в истории Самарского государственного технического университета сменой руководства. Владимир Васильевич Калашников, проработав на ответственном посту ректора почти 10 лет, вывел технический университет в число одного из лучших в России. В условиях жесточайшей конкурентной борьбы был сделан стремительный рывок от 70-го к 31-му месту в рейтинге ведущих вузов страны. Университет характеризовался стабильным и динамичным развитием. Эти основополагающие базовые принципы необходимо было не только сохранить, но и придать им новый импульс.

8 мая 2009 года Ученый совет заслушал доклад ректора В.В. Калашникова «Объявление выборов ректора ГОУ ВПО «СамГТУ» и постановил объявить выборы ректора Самарского государственного технического университета и разместить соответствующие объявления в газете «Волжская коммуна» и на сайте СамГТУ (Текущий архив, 2009). В числе претендентов на должность ректора оказалось четыре человека: В.М.Анисимов, Д.Е. Быков, А.С. Ведерников, А.А. Пимерзин. Аттестационная комиссия Минобрнауки России утвердила кандидатами на должность ректора ГОУ ВПО СамГТУ Д.Е. Быкова и А.А. Пимерзина. Это были достойные кандидаты, работающие в университете и хорошо знающие его проблемы. Они отвечали критериям, предъявляемым к претендентам на должность ректора, и были выдвинуты коллективами сотрудников и профессорско-преподавательским составом. Дмитрий Евгеньевич Быков – декан нефтетехнологического факультета, заведующий кафедрой химической технологии и промышленной экологии; д.т.н., профессор. Андрей Алексеевич Пимерзин – проректор по учебно-методическому обучению и качеству обучения, заведующий кафедрой химической технологии переработки нефти и газа, д.х.н., профессор.

Направления своей будущей деятельности кандидаты на должность ректора СамГТУ обнародовали в программах. Перед голосованием Владимир Васильевич Калашников призвал всех голосовать за Д.Е. Быкова: «Мне кажется он будет двигателем прогресса нашего университета. Вы поверили мне десять лет назад, поверьте и сейчас. Я советую вам голосовать за него (Выборы ректора, 2009. С.1).

На состоявшейся 13 ноября 2009 года конференции научно-педагогических работников, представителей других категорий работников и обучающихся тайным голосованием на должность ректора Самарского государственного технического университета был избран Дмитрий Евгеньевич Быков. Его соперник Андрей Алексеевич Пимерзин вошел в команду вновь избранного ректора и вскоре занял должность проректора по учебной работе.

Дмитрий Евгеньевич Быков хорошо известен в научных кругах Российской Федерации и за рубежом как крупный ученый, занимающийся вопросами экологии. Под его руководством успешно защищены 2 докторских и 7 кандидатских диссертаций. На его счету 182 научные и учебно-методические работы. Он был руководителем отдела проблем технологической безопасности Самарского научного центра РАН. Является председателем докторского диссертационного совета Д 212.217.06 при СамГТУ.

Д.Е. Быков стал 16-м ректором вуза, закон об учреждении которого был Высочайше утвержден последним русским императором Николаем II сто лет назад. Сам Дмитрий Евгеньевич считает, что его ректорская должность – «это возможность реализовать свои силы, свои способности на благо того университета, который ты закончил, который ты любишь всем сердцем».

Ректор – должность ответственная. Им может быть только человек, который любит университет, с уважением относится к работающим в нем людям, высокодуховный. «На этом месте, – считает Дмитрий Евгеньевич, – надо служить людям, своему университету и, конечно, своему Отечеству.<...> С Запада брать все лучшее и нести сюда в Россию».

Нельзя не учитывать преемственность, опыт, накопленный предшественниками, работавшими в этой должности. С большим уважением новый ректор относится к тому наследству, которое досталось от В.В. Калашникова. Он понимает, что «ректор, конечно, должен быть менеджером и разбираться в экономике». В экономике, в бухучете, как считает Д.Е. Быков, он приобрел хороший практический опыт. Ко времени

избрания на должность ректора СамГТУ он знал уже и законодательство. Важным обстоятельством было и понимание психологии коллектива: «чтобы этот коллектив создавать, настраивать как единое целое на работу». Укреплять его предполагал посредством развития не только вертикальных, но и горизонтальных связей. Для того, чтобы процесс шел успешно, говорит он, «надо создавать условия, чтобы коллектив занимался научной работой, учил студентов и создавал генерируемые инновации». В этом состоит преемственность с тем курсом, который был заложен при прежних ректорах.

Он никогда не хотел быть руководителем. Со школьных лет увлекался химией, мечтал связать с ней свою жизнь. Неслучайно его выбор остановился на химико-технологическом факультете Куйбышевского политехнического института, славившегося научными школами, сильным профессорско-преподавательским составом, блестящими выпускниками.

Д.Е. Быков осуществил юношескую мечту, стал химиком, закончив в июне 1988 года Куйбышевский политехнический институт (КПТИ) по специальности «Технология основного органического и нефтехимического синтеза». Выпускник, оставленный по распределению в КПТИ, посчитал необходимым в 1989-1990 гг. получить дополнительное высшее образование на специальном отделении МГУ им. М.В. Ломоносова по химии низких температур. В 1991 г. там же успешно защитил кандидатскую диссертацию на соискание ученой степени кандидата химических наук по теме «Низкотемпературное хлорирование хлоролефинов».

Его путь в науку начинался со студенческих лет, тогда же приобретались и первые навыки трудовой деятельности в СКБ «Символ» и на кафедре «Технология основного органического и нефтехимического синтеза, СК и пластмасс» Куйбышевского политехнического института им. В.В. Куйбышева. Его становление как химика связано с Куйбышевским политехническим институтом, с кафедрой, которую возглавлял д.х.н., профессор А. М. Рожнов. В настоящее время её возглавляет д.х.н., профессор С.В. Леванова. Когда-то она взяла в свою группу Д.Е. Быкова; под ее руководством он подготовил и защитил кандидатскую диссертацию. Светлана Васильевна Леванова открыла Дмитрию Евгеньевичу путь в науку, которая в то время вступила в полосу хронического кризиса. Несмотря на это, он не терял надежды на перемены к лучшему. Пройдя традиционный для начинающего исследователя карьерный путь от инженера (1988) до старшего научного сотрудника

(1993), Дмитрий Евгеньевич решил опробовать свои силы в производственной сфере. Повлияла на этот шаг и ситуация резкого сокращения объемов научно-исследовательских и хозяйственных работ, проводившихся на базе научно-исследовательского сектора кафедры технологии основного органического и нефтехимического синтеза, СК и пластмасс Самарского государственного технического университета.

С 1993 по 1995 он заведует лабораторией в научно-производственной фирме «Экос». Главным направлением ее деятельности являлась разработка природоохранных и рабочих проектов по очистке сточных вод и переработке отходов. Внедрение разработок с трудом, но пробивало путь в реальную экономику области. Экологические проблемы необходимо было решать, а значит, подлежало изменению сознание руководителей предприятий, инженеров, служащих и рабочих. В Самаре экологическое направление среди ученых только зарождалось. В те годы, как об этом вспоминал уже в 2014 году Д.Е. Быков, «бурное развитие не только в Самарской области, но и в России в целом получила тема по переработке отходов». В начале 90-х годов в Самарском городском Совете народных депутатов, например, неоднократно обсуждался вопрос о строительстве завода по переработке отходов – городских свалок не хватало, проблема все более обострялась.

У Д.Е. Быкова зародилась мысль о создании лаборатории. Она была реализована в Самарской государственной архитектурно-строительной академии на кафедре водоснабжения и водоотведения, на которую он был принят на работу в должности доцента в 1995 году. Созданная здесь гидрохимическая лаборатория через год приобрела статус экспертной городской гидрохимической лаборатории.

Проблемой переработки отходов химических производств Д.Е. Быков вместе с коллегами из политехнического института занимался, еще работая в группе С.В. Левановой. Масштабы работ в СГАСА были неизмеримо большими. «Мы занимались различными видами отходов, – отмечал Д.Е.Быков, – причем во многих случаях близко подходили друг к другу и переплетались понятия сточных вод и отходов. И порой приходилось перерабатывать отходы, которые получались при очистке сточных вод. Мы занимались решением экологических задач».

В сферу деятельности экспертной гидрохимической лаборатории вошли совершенно различные производства. Создавались технологии переработки отходов с АвтоВаза, пищевых и ряда других производств. В конечном счете «была создана, – как считает Дмитрий Евгеньевич, –

система исследований и разработки технологии переработки промышленных отходов». Он гордится этим и удовлетворен, что реализовал себя как специалист, профессионал, инженер, технолог и конечно как ученый. Тонны отходов, отравлявшие землю и атмосферу, обезвреживались и нередко становились исходным материалом для химической и других отраслей промышленности, переставали представлять опасность для окружающей среды и людей. Не меньшую радость приносила очистка сточных вод, когда ядовитые отходы превращались в процессе очистки в чистую воду.

Разработка технологий новых процессов, их реализация на практике всегда приоткрывают новое, раздвигают границы познания о том вреде, который своей деятельностью человек приносит природе. «Я люблю разбираться в процессах, – говорит Д.Е.Быков, – я химик и люблю свою работу, свою специальность, и мне это очень нравится». Он с удовольствием, если ему представляется возможность, посещает предприятия, участвует в отработке и внедрении новых процессов: «там все живое, практичное, конкретное».

Специалистом высочайшего уровня он признан как в России, так и за рубежом. В 2006-2007 годах Д.Е.Быков входил в состав рабочей группы по совершенствованию законодательства РФ в области обращения с отходами при Комитете по науке, образованию, здравоохранению и экологии Совета Федерации Федерального Собрания РФ, неоднократно выступал на парламентских слушаниях по вопросам обращения с отходами в Совете Федерации. Многие предложения, выдвинутые им, вошли в модельный закон для стран СНГ «Об отходах производства и потребления». Более десяти лет Д.Е. Быков является аттестованным экоаудитором. В 2005-2007 гг. в качестве эксперта участвовал в совместной программе ЮНЕСКО и Евросоюза «Кабри-Волга»-сотрудничество на берегах Волги. Признанием высокого профессионализма Д.Е. Быкова как эколога на международном уровне стало награждение его в 2007 году медалью Эйлера Европейской экологической академии.

Докторская диссертация на тему «Разработка комплексной многоуровневой системы исследования и переработки гетерофазных промышленных отходов» (ученая степень присуждена 9.июля 2004 г.) подвела промежуточный итог проделанной работе, показала значимость темы, необходимость проведения подобных исследований и внедрения их результатов в реальную экономику не только Самарской области, но и

других регионов России. Практический опыт на данном направлении, полученный на кафедрах водоснабжения и водоотведения СГАСА и на кафедре химической технологии и промышленной экологии СамГТУ окончательно утвердил его в правильности выбора темы, сделанного им в 90-е годы прошедшего столетия.

В родной СамГТУ Д.Е. Быкова пригласили в 2001 году, предложив принять участие в конкурсе на замещение вакантной должности заведующего кафедрой «Химическая технология и промышленная экология». Он его успешно прошел. В 2008 году «по настоянию Владимира Васильевича Калашникова» стал деканом нефтетехнологического факультета, обязанности которого исполнял до конца 2009 года.

Со временем Д.Е. Быков расширил рамки деятельности по экологическому направлению. Он стал организатором и руководителем Научно-аналитического центра промышленной экологии СамГТУ и Независимого аттестационно-методического центра «Экотехбезопасность», на базе которого проводится подготовка высококвалифицированных специалистов для крупных промышленных предприятий РФ в сфере экологической безопасности и промышленной экологии. С его приходом существенно возросли объемы проводимых научно-исследовательских работ: «Сейчас разработки ученых могут и должны войти составляющей частью в бизнес», – уверен Д.Е. Быков.

Высшие учебные заведения, как и вся страна, вступили в период рыночных отношений. Появились как сложные проблемы, так и дополнительные возможности для упрочения позиций университета. «Рынок, – считает ректор, – заставит всех работать. Либо ты на рынке труда, на рынке продукции, на рынке инноваций, либо ты живешь, и твоя деятельность востребована – либо ты падаешь, падаешь и падаешь. Поэтому недостаточно рассчитывать только на федеральный бюджет, на госзадание, потому что это тот минимум, с которого начинается университет. Благосостояние университета начинается тогда, когда появляется внебюджетный проект в университете. А рынок – это основа. Мы работаем для рынка труда. Наши специалисты после окончания университета должны быть конкурентоспособными».

Тесные связи вуза с предприятиями на протяжении десятков лет позволили техническому университету в наши дни приобрести хорошее оборудование, в том числе станочные парки, промышленные установки, построить в конечном счете технопарки. В СамГТУ появилась возможность «для производства высокотехнологичной наукоемкой продукции». Это

оборудование задействовано и в учебном процессе, а студенты имеют возможность узнать о новых его образцах и соприкоснуться с ними не только на производственной практике, но и непосредственно в университете. «Это наша специфика, – отмечает ректор, – позволит нам развиваться и дальше».

В развитие материально-технической базы Самарского государственного технического университета за более чем трехлетний период, когда им руководит Д.Е. Быков, вложены огромные средства. Наблюдается устойчивая положительная тенденция роста по всем показателям деятельности вуза. Расходы СамГТУ в 2010-2012 гг. составили соответственно 1471,1 млн руб., 1729,5 млн руб. и 1819,3 млн руб. Среднемесячная заработанная плата по университету за указанные выше годы составила 13,2; 20,3 и 23,4 тыс. руб.

В университете идет активная работа по организации новых кафедр, открытию новых, востребованных на рынке труда специальностей и профилей подготовки. За период 2010-2012 гг. организовано 12 кафедр и открыто 86 профилей по 43 направлениям бакалавриата, 12 новых специальностей и наряду с 5 реализуемыми, лицензированы еще 15 программ магистратуры.

Одна из проблем вуза — недостаточное количество мест в общежитиях. В университете учится много иногородних студентов. Устроенность с жильем для них была решающим фактором при выборе вуза. В 2014 году в СамГТУ в студгородке вводится в строй общежитие на 300 мест. Такое же по количеству мест — в филиале СамГТУ в г. Новокуйбышевске. Эта тема с осени юбилейного года перестанет волновать абитуриентов СамГТУ.

В декабре 2011 года университет успешно прошел процедуру государственной аккредитации (Текущий архив, 2013). На конференции научно-педагогических работников и представителей других категорий работников и обучающихся СамГТУ, которая состоялась 16 декабря 2011 г., Д.Е. Быков поставил перед коллективом вуза задачу: университет должен стать исследовательским не по форме, а по сути. Он акцентировал внимание собравшихся на получении университетом дополнительных внебюджетных средств. Если они будут составлять примерно 50 процентов, которые поступают от образовательной деятельности, вуз почти перестанет зависеть от выделения федеральных средств, начнет обеспечивать себя сам, приобретет «автономию» (Быков, 2011. С. 1-2).

В 2013 году цель, о которой ректор говорил два года тому назад, приобрела конкретные контуры. «Не имея официального статуса национально-исследовательского университета, – отмечал в конце года Д.Е. Быков, – наш вуз стал национально-исследовательским не по форме, а по сути» (Не по форме, 2013. С. 1). Вуз получил признание не только региональных, но и федеральных властей. В конце 2013 г. было подписано соглашение о сотрудничестве СамГТУ с ОАО «РИТЭК» (нефтедобывающим предприятием в составе НК «Лукойл», специализирующимся на внедрении инновационных технологий). Это событие стало значимым в жизни университета.

Успехи университета — это итог огромных усилий всего коллектива — считает ректор. Я многим обязан, говорит он, своим учителям и наставникам: д.х.н., профессору, зав. кафедрой «Технология органического и нефтехимического синтеза» Светлане Васильевне Левановой, к.т.н., доценту, зав. кафедрой «Водоснабжение и водоотведение» Самарской государственной архитектурно-строительной академии Александру Кузьмичу Стрелкову, профессору МГУ Владимиру Валентиновичу Смирнову, доктору технических наук, профессору, зав. кафедрой ТТХВ, президенту СамГТУ Владимиру Васильевичу Калашникову. «В общем-то в жизни мне повезло – говорит Д.Е. Быков. – Мне попадались люди, преподавшие мне уроки. Я, конечно, очень благодарен Владимиру Васильевичу Калашникову. Он помогает в решении многих вопросов. К нему отношусь не только как к бывшему ректору, но и как к человеку, обладающему опытом руководителя, и просто замечательному человеку, который старше и опытнее в житейских вопросах. Ему я доверяю, и с ним можно многое обсудить».

В 2007 году Д.Е. Быков стал лауреатом проекта «Профессиональная команда страны», в 2012 году получил звание «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации».

Как и у любого человека, у ректора СамГТУ Дмитрия Евгеньевича Быкова есть увлечения. Ничто человеческое ему не чуждо. В свободные часы он с удовольствием музицирует: «на гитаре, а также немножко на фортепиано и других музыкальных инструментах». Любит проводить время с друзьями, особенно на Волге. Он признается: «Мне нравится наблюдать за природой. Я эколог. Всем сердцем люблю свой край, свою Волгу». Его главное хобби – поварское искусство, есть у него и собственные рецепты. Он повар в четвертом поколении, собственно, «каждый химик немного повар». Он поделился идеей написать книгу о

поварском искусстве. После выхода на пенсию, как считает он сам, такая книга увидит свет.

А пока он возглавляет крупнейший вуз Поволжья. Недавно состоялась его поездка в Швейцарию. Дмитрий Евгеньевич встречался с бароном Эдуардом Александровичем Фальц-Фейном – русским аристократом первой волны эмиграции. Пребывая в возрасте 102 лет, барон с легкой грустью вспоминал Россию, свое детство, императора Николая II. Ему, кавалеру ордена Андрея Первозванного, было интересно услышать от ректора о техническом университете в Самаре и его предшественнике – политехническом институте, закон об учреждении которого был Высочайше утвержден последним российским самодержцем 3 июля (по старому стилю) 1914 года. На фотографии, которую он показывал Д.Е. Быкову, Фальц-Фейн, тогда еще пятилетний мальчик, запечатлен вместе с Николаем II. Трудно представить, но тому, из XX-го столетия мальчику, уже исполнилось 102 года. Давно покинув Россию, он пронес любовь к ней через всю жизнь. Незабываемые минуты общения с царем сохранились в памяти барона. На протяжении многих десятилетий Фальц-Фейн помогал вернуть в Россию вывезенные и украденные из страны раритеты и ценности, иногда выкупая их на аукционах. При его помощи в страну возвращен архив следователя Соколова, расследовавшего обстоятельства убийства в Екатеринбурге царской семьи. Барон Э.А. Фальц-Фейн с благодарностью принял в дар из рук Д.Е. Быкова книгу «История родов российского дворянства», в которой имелись сведения о его родителях и потомках рода. Так в Лихтенштейне соприкоснулось прошлое и настоящее из жизни России. Один из последних представителей дворянской элиты дореволюционной России барон Фальц-Фейн узнал о предстоящей встрече векового юбилея Самарского государственного технического университета.

Подготовка, координация, проведение юбилейных торжеств в СамГТУ легли на плечи ректора Д.Е. Быкова. Наряду с Н.Н. Пановым, С.М. Муратовым, Ю.П. Самаринным, В.В. Калашниковым он – из числа ректоров — выпускников политехнического.

P. S.

2014 год оставил яркий след в истории университета. Празднование вековой даты со дня его основания наглядно показало роль первых лиц, возглавлявших вуз. Благодаря поддержке со стороны ректората СамГТУ, инициировавшего написание книги о ректорах, увидела свет книга. (Курятников, Барсова, 2014). В ней впервые была опубликована статья о

ректоре СамГТУ, д.т.н., профессоре Дмитрие Евгеньевиче Быкове. В книге, в том числе на основе впервые опубликованных документов, показана роль ректоров (директоров) технического вуза, которые всегда были на высоте решаемых задач. Славные традиции, заложенные в десять предыдущих десятилетий, продолжают и сегодня.

Не стал исключением и Дмитрий Евгеньевич Быков. Об этом свидетельствует награждение его «за достигнутые трудовые успехи, многолетнюю добросовестную работу и активную общественную деятельность» в юбилейный для университета 2014 год государственной наградой «Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации».

В этом же году коллектив СамГТУ должен был ответить на вопрос о том, кто будет возглавлять технический университет в последующие пять лет? На пост ректора претендовали два кандидата — проректор по научной работе М.В.Ненашев и действующий ректор Д.Е.Быков. Делегаты конференции, состоявшейся 21 ноября 2014 года, подавляющим большинством голосов проголосовали за действующего руководителя. Решение конференции научно-педагогических работников, представителей других категорий работников и обучающихся университета легло в основание приказа Минобрнауки России от 10 декабря 2014 года «Об утверждении в должности ректора Быкова Д.Е.» с 16 декабря 2014 года по 15 декабря 2019 года.

За время, прошедшее после повторного избрания Д.Е.Быкова ректором, в жизни технического университета произошли существенные перемены. «Мы никогда ни на кого не рассчитывали, всегда всего добивались сами», – говорил он в ноябре 2014 года, выступая перед делегатами конференции (Воробьева, 2014. С. 2). И 2015-й, а затем наступивший 2016 год еще раз доказали правоту слов ректора СамГТУ. Университет плодотворно осваивал новые области рынка образовательных, научно-технических и инжиниринговых услуг. Так, нефтяные компании «Роснефть» и «Лукойл» приняли решение применять технологические разработки университета по повышению нефтеотдачи пластов на скважинах Самарской и Оренбургской областей. С Минобороны РФ и МВД было достигнуто соглашение о финансировании разработок СамГТУ и их применении для специальных целей. Совместно с НПЦ «ПАЛС» и КБ «Талисман» образован консорциум «Научно-производственная группа МАКО», которая будет участвовать в создании

концепции разработки и внедрения подводных аппаратов в России. Заключено 59 международных договоров.

Вырос средний балл ЕГЭ поступающих в 2015 году в СамГТУ, превысив 62, а значит, университет получил более сильных студентов по сравнению с предыдущими годами. Филиал СамГТУ в г. Новокуйбышевске получил лицензию на право вести образовательную деятельность по заявленным направлениям подготовки студентов. Существенно улучшил показатели Сызранский филиал вуза. Эффективно работают многие научные коллективы, развивается студенческая наука.

И все же главным результатом прошедшего 2015 года, как считает ректор, стало присвоение СамГТУ статуса опорного вуза. На пути к нему университет должен был пройти непростой путь, о чем Д.Е.Быков проинформировал членов Ученого совета в сентябре того же года. «Предполагается, – отметил он, – что в сентябре Министерство образования и науки РФ объявит конкурсный отбор опорных региональных вузов. Однако к участию в нем будут допускаться только объединенные университеты, возникшие в результате слияния нескольких вузов» (Воробьева, 2015. С. 2). Тогда же Ученый совет СамГТУ высказался за объединение с Самарским государственным архитектурно-строительным университетом (СГАСУ). 30 декабря 2015 года Министр образования и науки РФ Д. Ливанов подписал приказ №1560 о реорганизации СамГТУ и СГАСУ в форме присоединения строительного университета к техническому. Менее чем через месяц, 22 января 2016 года Экспертный совет Министерства науки и образования определил одиннадцать победителей конкурса университетов, претендовавших стать опорными. В их числе оказался и СамГТУ. «Мы рады, – отмечал Д.Е.Быков, – что вошли в число 11 опорных вузов страны, подтвердив уже существовавший у наших учебных заведений статус: и СамГТУ и СГАСУ занимают значительное место в Самарском регионе. Нами подготовлена большая программа развития объединенного университета. Необходимо ее выполнить, а значит, нашим преподавателям и студентам нужно еще больше и упорнее работать» (Опорное попадание, 2016. С. 1).

Такая работа уже началась и идет во все возрастающих масштабах. Возглавляет ее д.т.н., профессор Дмитрий Евгеньевич Быков. 4 августа 2016 года он перешагивает полувековой рубеж. Пожелаем юбиляру, который войдет в историю СамГТУ и Самарской области как первый ректор опорного вуза региона, здоровья и долгих лет служения на благо России и Самарского государственного технического университета. «За

годом год уносится навек»,– писал поэт Николай Рубцов, – но остается в этой жизни человек, и прежде всего — своими делами, которые оценят потомки.

Литература

Быков Д.Е. «Как мы сработаем, так и будем жить» // Инженер: Газета Самарского государственного технического университета, 2011. Вып. от 29 декабря 2011 г.

Воробьева Т. «Всегда всего мы добивались сами» // Инженер: Газета Самарского государственного технического университета, 2014. Вып. от 4 декабря 2014 г.

Воробьева Т. «Стремимся к устойчивому развитию» // Инженер: Газета Самарского государственного технического университета, 2015. Вып. от 4 сентября 2015 г.

Выборы ректора СамГТУ // Инженер: Газета Самарского государственного технического университета, 2009. Вып. от 27 ноября 2009 г.

«Не по форме, а по сути», или что достиг СамГТУ в 2013 году // Инженер: Газета Самарского государственного технического университета, 2014. Вып. от 24 января 2014 г.

Курятников В.Н., Барсова А.А. Создавая славу политеху. Ректоры Самарского технического университета. 100 лет. 1914-2014. Самара, 2014. – 224 с.

Опорное попадание // Инженер: Газета Самарского государственного технического университета, 2016. Вып. от 29 января 2016 г.

Текущий архив СамГТУ. Протоколы Ученого совета СамГТУ от 08.05.2009 г.

Текущий архив СамГТУ. Протокол заседаний Ученого совета СамГТУ № 7 от 29.03.2013 г.

НОВЫЕ НАХОДКИ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ УДИЛ БЛИЗ 23 КМ Г. САМАРЫ

Статья вводит в научный оборот новые находки удил VIII – IX вв., случайно обнаруженных близ 23 км г. Самары.

Ключевые слова: удила, конская упряжь, раннее средневековье, венгры, болгары.

Цель настоящей публикации – введение в научный оборот серии находок (удил) обнаруженных школьниками в строительном котловане близ 23 км г. Самары и спустя годы отданных одному из авторов настоящей статьи с целью последующей их передачи в СОИКМ им. П.В. Алабина.

Надо сказать, что это далеко не первые артефакты, происходящие из этого района. Д.А. Сташенковым уже публиковались вещи, случайно обнаруженные там же в результате строительных работ в 2007 – 2011 годах (Сташенков, 2012. С. 91 – 101; Археологические, 2012; Кочкина, Сташенков, 2014). Это фрагменты сабли, металлические детали портупей, железный нож, наконечники стрел, удила, железные цепочки, оковки колчана, железные пряжки. Анализ находок позволил автору публикации соотнести их с угро-мадьярскими древностями Поволжья и Приуралья: «Большая часть предметов находят аналогии как в материалах Больше-Тиганского и Танкеевского могильников на территории Татарстана, так и в комплексах «обретения родины» на территории Венгрии. В свете новых данных представляется весьма вероятным, что территория Самарского Поволжья входила в зону традиционных кочевых маршрутов мадьярских племен» (Сташенков, 2012. С. 96).

Представляется, что новые находки удил близ 23 км г. Самары следует рассматривать в этом же культурно-хронологическом контексте.

Если говорить об условиях их обнаружения, то, по словам гражданина, передавшего находки, все детали конской упряжи находились в непосредственной близости друг от друга – «лежали в одной куче». Так же было отмечено, что все эти артефакты «были в чем-то сыпучем белом» (известняковая крошка?).

Летом 2016 года археологам было передано 7 комплектов удил. Удила – приспособление для взнуздывания лошади, рабочая часть узды, которая непосредственно воздействует на губы животного.

Находка № 1. Железные удила, состоящие из двух звеньев грызел, трензельных колец и S-видных псалиев.

Грызла (длина одного звена – 10 см, другого – 12 см) имели округлые в сечении стержни, заканчивающиеся на внешнем конце двумя взаимоперпендикулярными округлыми кольцевидными отверстиями, в одно из которых (Дм внутренней окружности – 1,8 см) был просунут стержень псалия, в другой (Дм внутренней окружности – 0,9 см) – трензельное кольцо.

Псалии S-видной формы имели высоту 20 см (расстояние между концами дуги). В средней части каждого была накована трапецевидная пластина (ширина у основания 4,0 см), имевшая два отверстия. Через первое (полуовальное) в подвижном состоянии проходило внутреннее кольцо грызел. Через второе (прямоугольное со скругленными углами – 1,3 x 0,6 см) должен был продеваться ремешок поводьев. Сечение псалиев прямоугольное на концах и округлое (Дм 1,3 см) в средней части. Один из концов каждого псалия был оформлен в виде ажурной головки коня (длина от «уха» до кончика «носа» – 4,2 см).

Подвижные трензельные кольца (Дм внутренний – 2,5 см; сечение – 0,3 – 0,5 см) были продеты во внешние округлые отверстия грызел.

Следует отметить хорошую сохранность отдельных частей удил (в частности, конских головок), которая, вероятно, явилась следствием консервации, связанной с белым налетом-патиной на них.

Находка № 2. Железные удила, состоящие из двух звеньев грызел, трензельных колец и S-видных псалиев. Морфология данных удил сходна с описанной выше находкой № 1. Однако, вследствие значительно большей коррозированности, отдельные, изначально подвижные детали (псалии, одно из двух трензельных колец), перестали быть таковыми.

Грызла (длина одного звена – 10,5 см, другого – 10,8 см) имели округлые в сечении стержни, заканчивающиеся на внешнем конце двумя взаимоперпендикулярными округлыми кольцевидными отверстиями, в одно из которых (Дм внешней окружности – около 2,0 см) был просунут стержень псалия, в другое (Дм внутренней окружности – 0,6 см) – трензельное кольцо.

Псалии S-видной формы имели высоту 20 – 20,4 см (расстояние между концами дуги). В средней части каждого была накована

трапециевидная пластина (ширина у основания около 2,5 см), в отличие от находки № 1 усложненная внешними вырезами, имевшая два отверстия. Через первое (в настоящее время залеплено окислами металла) в подвижном состоянии проходило внутреннее кольцо грызел. Через второе (прямоугольное со скругленными углами – 1,0 х 0,4 см) должен был продеваться ремешок поводьев. Сечение псалиев прямоугольное (1,4 х 0,7 см) и на концах, и в средней части. Один из концов каждого псалия был оформлен в виде ажурной головки коня (длина от «уха» до кончика «носа» – 4,3 см). «Ухо» одной из конских головок уничтожено коррозией.

Подвижные трензельные кольца (Дм внутренний – 2,0 см; сечение – 0,3 см) были продеты во внешние округлые отверстия грызел.

Находка № 3. Железные удила, состоящие из двух звеньев грызел, трензельных колец и прямых стержневидных псалиев.

Грызла (длина одного звена – 9,3 см, другого – 10,3 см) имели округлые (местами с гранями от проковки) в сечении стержни, заканчивающиеся двумя взаимоперпендикулярными округлыми кольцевидными отверстиями, в одно из которых (Дм внутренней окружности – 1,7 см) был просунут стержень псалия, в другой (Дм внутренней окружности – 0,8 см) – трензельное кольцо.

Псалии стержневидной формы имели высоту 14,7 – 15,3 см. В средней части каждого была накована трапециевидная пластина, усложненная внешними вырезами (ширина у основания 4,0 см), имевшая два отверстия. Через первое (полуовальное) в подвижном состоянии проходило внутреннее кольцо грызел. Через второе (прямоугольное со скругленными углами – 1,3 х 0,6 см) должен был продеваться ремешок поводьев. Сечение псалиев прямоугольное (местами – ромбическое) на концах и округлое (Дм 1,2 см) в средней части. Уплощенные концы псалиев слегка расширялись и имели или полуовальное (на одном псалии) или подтреугольное (на другом) окончание 1,5 – 1,7 см шириной.

Подвижные трензельные кольца (Дм внутренний – 2,0 см; сечение – 0,3 – 0,5 см) были продеты во внешние округлые отверстия грызел. Одно из двух колец отсутствовало.

Находка № 4. Железные удила, состоящие из двух звеньев грызел, трензельных колец и прямых стержневидных псалиев.

Грызла (длина одного звена – 9,8 см, другого – 10,5 см) имели округлые (местами с гранями от проковки) в сечении стержни, заканчивающиеся двумя взаимоперпендикулярными округлыми кольцевидными отверстиями, в одно из которых (Дм внутренней

окружности – 1,3 см) был просунут стержень псалия, в другой (Дм внутренней окружности – 0,8 см) – трензельное кольцо. Интересно отметить, что оба внутренние кольца грызел имели с одной и той же стороны пазы-углубления для фиксации, накованной на стержни удила плоской трапециевидной пластины с двумя отверстиями (см. ниже).

Псалии (один сломан) стержневидной формы имели высоту 13,8 см. В средней части каждого была накована плоская трапециевидная пластина, усложненная внешними вырезами (ширина у основания 4,3 см), имевшая два отверстия. Через первое (полуовальное) в подвижном состоянии проходило внутреннее кольцо грызел. Через второе (прямоугольное со скругленными углами – 1,0 x 0,4 см) должен был продеваться ремешок поводьев. Сечение псалиев округлое (Дм 1,2 см) в средней части. Средняя часть псалиев была несколько заужена в целях устойчивой фиксации во внутреннем кольце грызел (имеется отчетливо видимый уступчик).

Подвижные трензельные кольца были продеты во внешние округлые отверстия грызел. Одно кольцо было заметно меньше другого (Дм внутренний – 1,7-2,7 см; сечение – 0,5 см). Следует отметить слабую коррозированность изделия, возможно связанную с наличием на его деталях налета белой патины.

Находка № 5. Железные удила, состоящие из двух звеньев грызел, трензельных колец и S-видных псалиев. Морфология данных удил, не совсем, но сходна с описанными выше находками № 1 и № 2. Удила сильно коррозированы, вследствие чего изначально подвижные отдельные детали (псалии) перестали быть таковыми.

Грызла (длина одного звена – 10,7 см, другого – 10,6 см) имели округлые в сечении стержни, заканчивающиеся на внешнем конце двумя, лежащими в одной плоскости округлыми кольцами-отверстиями (восьмеркообразные), в одно из которых (Дм внешней окружности – около 2,0 см) был просунут стержень псалия, в другой (Дм внутренней окружности – 0,6 см) – трензельное кольцо.

Псалии S-видной формы (конец одного обломан) имели высоту около 19,8 см (расстояние между концами дуги). В средней части каждого была накована трапециевидная пластина, усложненная внешними вырезами (ширина у основания около 3,4 см), изначально имевшая два отверстия. Через первое (в настоящее время залеплено окислами металла) в подвижном состоянии проходило внутреннее кольцо грызел. Через второе (прямоугольное со скругленными углами – 1,1 x 0,3 см) должен был

продеваться ремешок поводьев. Сечение псалиев прямоугольное (1,3 x 0,4 см) и на концах и в средней части. Один из концов каждого псалия был оформлен в виде ажурной головки коня (длина от основания «уха» до кончика «носа» – 4,3 см).

Подвижные трензельные кольца (Дм внутренний – 1,8 см; сечение – 0,3 см) были продеты во внешние округлые отверстия грызел.

Находка № 6. Железные удила, первоначально состоявшие из двух звеньев грызел, трензельных колец и прямых стержневидных псалий. Однако, в нашем распоряжении оказалась ровно половина изделия.

Грызла (длина сохранившегося звена – 9,5 см) имели подквадратные в сечении стержни, заканчивающиеся двумя взаимоперпендикулярными округлыми кольцами-отверстиями, в одно из которых (Дм внутренней окружности – 1,2 см) был просунут стержень псалия, в другой (Дм внутренней окружности – 0,8 см) – трензельное кольцо. Интересно отметить, что внутреннее кольцо грызла было заужено с двух противоположных сторон (следы сношенности?).

Псалий стержневидной формы имел высоту 16,2 см, был слегка изогнут в середине и имел несколько утолщенные концы. В средней его части была накована плоская трапециевидная пластина, усложненная неглубокими внешними вырезами (ширина у основания 2,6 см), имевшая два фасолевидных отверстия. Через первое (1,3 x 0,4 см) в подвижном состоянии проходило внутреннее кольцо грызел. Через второе (1,2 x 0,4 см) должен был продеваться ремешок поводьев. Сечение псалия округлое (Дм 1,2 см) в средней части заужено (Дм 0,8 см). На стержне видны пазы, в которые вставлены концы трапециевидной пластины.

Подвижное трензельное кольцо (Дм внутренний – 2,2 см) было продето во внешнее округлое отверстие звена грызел. Кольцо с одной стороны имело утолщение до 0,5 см.

Следует отметить слабую коррозированность изделия, возможно связанную с наличием на его деталях налета белой патины.

Находка № 7. Железные удила, первоначально состоявшие из двух звеньев грызел, трензельных колец и прямых стержневидных псалиев. Однако в нашем распоряжении оказалась ровно половина изделия.

Грызла (длина сохранившегося звена – 9,7 см) имели подквадратные в сечении стержни, заканчивающиеся двумя последовательно расположенными в одной плоскости округлыми (восьмеркообразными) отверстиями, в одно из которых (Дм внутренней окружности – 1,3 см) был

просунут стержень псалия, в другой (Дм внутренней окружности – 0,8 см) – трензельное кольцо.

Псалий стержневидной формы имел высоту 15,4 см. В средней его части была накована плоская трапециевидная пластина, усложненная неглубокими внешними вырезами (ширина у основания 3,8 см), имевшая два отверстия: одно – полуовальной, другое – подпрямоугольной формы. Через первое (1,2 x 0,6 см) в подвижном состоянии проходило внутреннее кольцо грызел. Через второе (1,1 x 0,4 см) должен был продеваться ремешок поводьев. Сечение псалия округлое (Дм 0,6 см) без видимых расширений и сужений.

Подвижное трензельное кольцо (Дм внутренний – 2,2 см) было продето во внешнее округлое отверстие звена грызел.

Сохранность удил удовлетворительная.

Удила аналогичные описанным были достаточно широко распространены в Восточной Европе VIII – IX вв. Если говорить о территориально близких аналогиях, то подобные изделия известны в праболгарских комплексах новинковского типа на Самарской Луке (Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998. Рис. 29 – 30; Матвеева, 1997. Рис. 116), в погребениях раннеболгарского Больше-Тарханского могильника Среднего Поволжья (Генинг, Халиков, 1964. С. 53 – 54. Табл. IX), в материалах ломоватовской и неволинской культур Прикамья (Голдина 1985. С. 60 – 61. Табл. XXXI; Голдина, 2012. С. 50. Табл. 193 – 194; Голдина, Водолаго, 1990. С. 87. Табл. L), а также в протомадьярских древностях Нижнего Прикамья (Больше-Тиганский могильник) и Предуралья (Халикова, 1976. С. 164. Рис. 5, 18; Мажитов, 1981. Рис. 15, 17; 21, 5, 11, 21; 22, 2, 9, 11; 24, 8; 26, 11; 27, 14; 31, 17; 36, 9; 42, 26).

Хотим обратить внимание на то, что все удила нашей выборки – двукольчатые, т.е. с восьмеркообразным двойным внешним кольцом (в пяти случаях кольца «восьмерки» были взаимоперпендикулярны, а в двух – находились в одной плоскости).

В этой связи, уместно вспомнить ценное наблюдение А.А. Гавриловой, заметившей, что «подобные удила чаще изготавливали в Приуралье (Неволинский могильник), иногда в Западной Сибири, в районах обитания племен лесостепных, угорских, отличия которых от степных уже отмечались» (Гаврилова, 1965. С. 81).

К слову, у пришедших на Среднюю Волгу из степных районов «новинковцев», такого рода удила составляют не более половины от всей

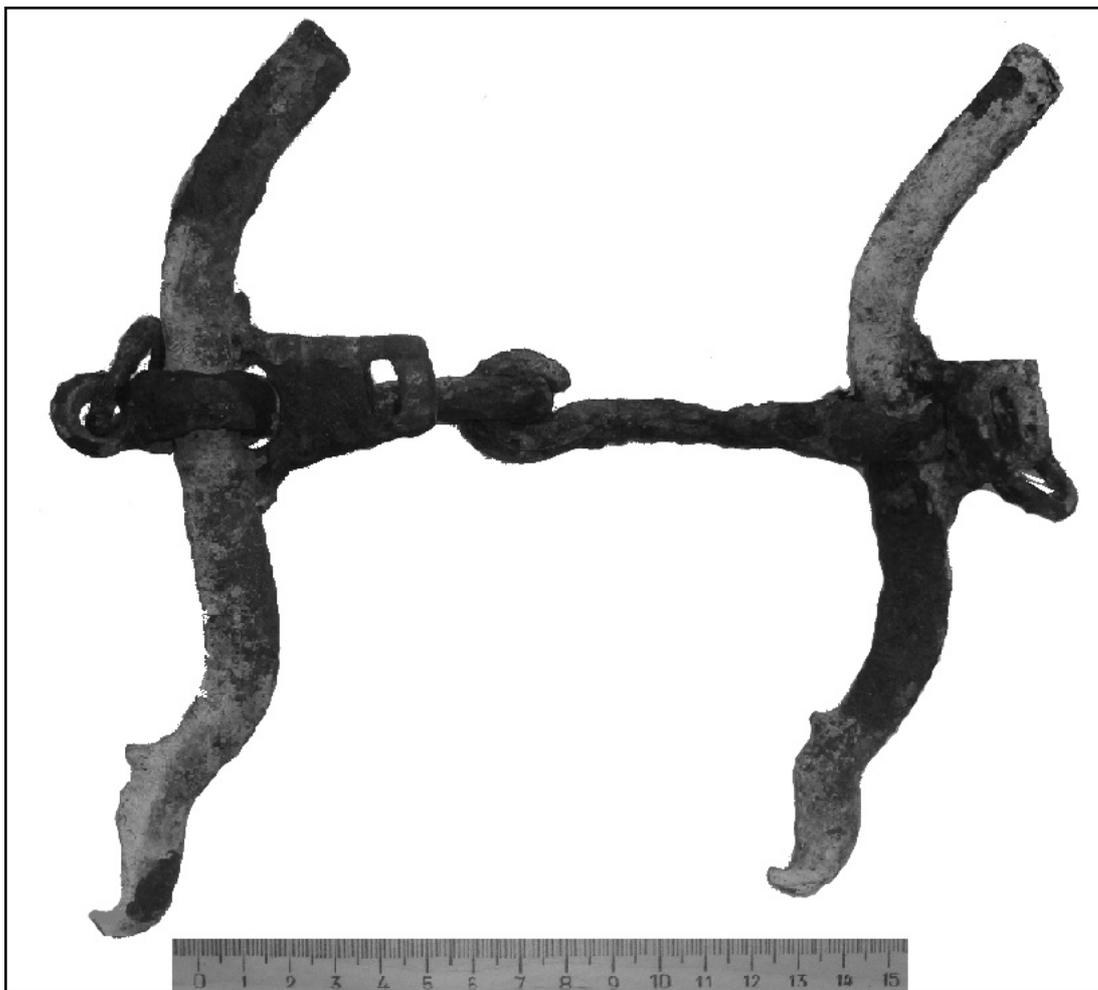
выборки. Отсутствуют у них и S-видные псалии, увенчанные конскими головками. И в погребениях «больше-тарханцев», мигрировавших в регион из степей Восточной Европы, удила с конскими головками не обнаружены. Однако, у проживавших на Каме «ломоватовцев» и «неволинцев» они есть.

На наш взгляд, все это подтверждает вывод А.А. Гавриловой об угорских истоках такого рода изделий.

Заметим, что удила с S-видными псалиями с конскими головками практически идентичные нашим происходят из погребений IX в. с остатками трупосожжений из могильника Дюрсо близ Новороссийска (Дмитриев, 2003. Табл. 91, 9).

В свое время, один из авторов настоящей статьи предпринял попытку картографировать украшенные зернью золотые серьги с овальным кольцом и булавообразным напуском на стержне (Багаутдинов, Богачев, Зубов, 2006. Рис. 5). В результате было установлено, что таковые «в массе своей происходят из двух регионов – из районов Северного Кавказа и из районов Прикамья и Среднего Поволжья..., что подчеркивает особую связь этих регионов во второй половине I тысячелетия» (Багаутдинов, Богачев, Зубов, 2006. С. 405).

Анализ деталей конской упряжи, найденных близ 23 км г. Самары, расширяет наши представления о характере взаимодействия и межрегиональных связях этносов Восточной Европы в IX веке.

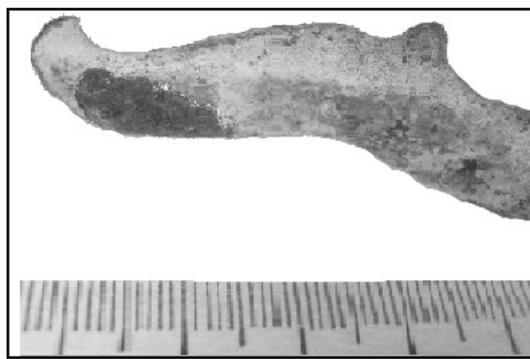
1

2

3

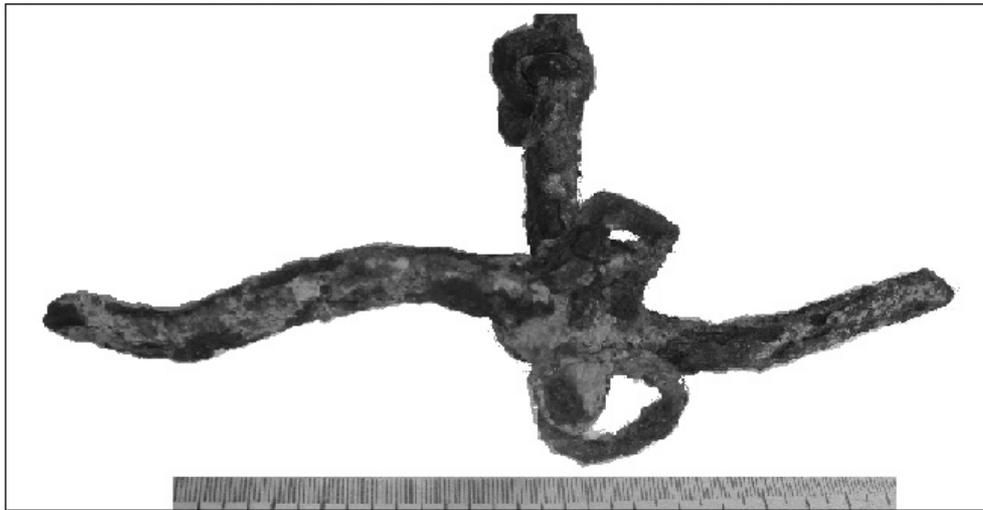

4

Рис. 1. Фотографии находки № 1.

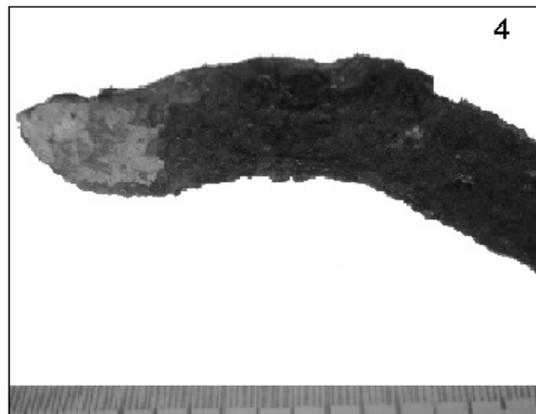
1

2

3

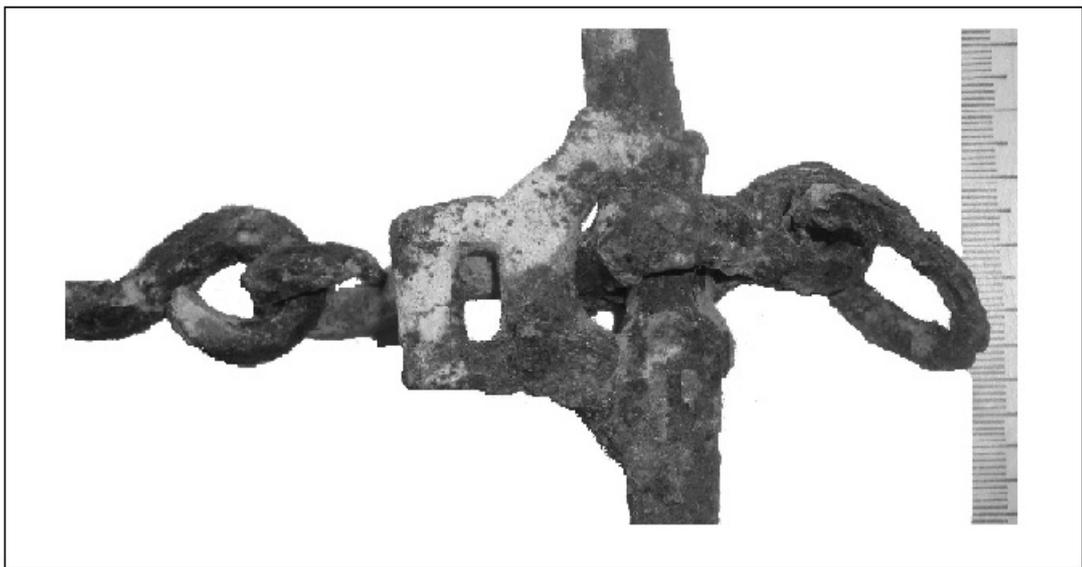

4

Рис. 2. Фотографии находки № 2.

1

2

Рис. 3. Фотографии находки № 3.

Рис. 4. Фотографии находки № 4.

1

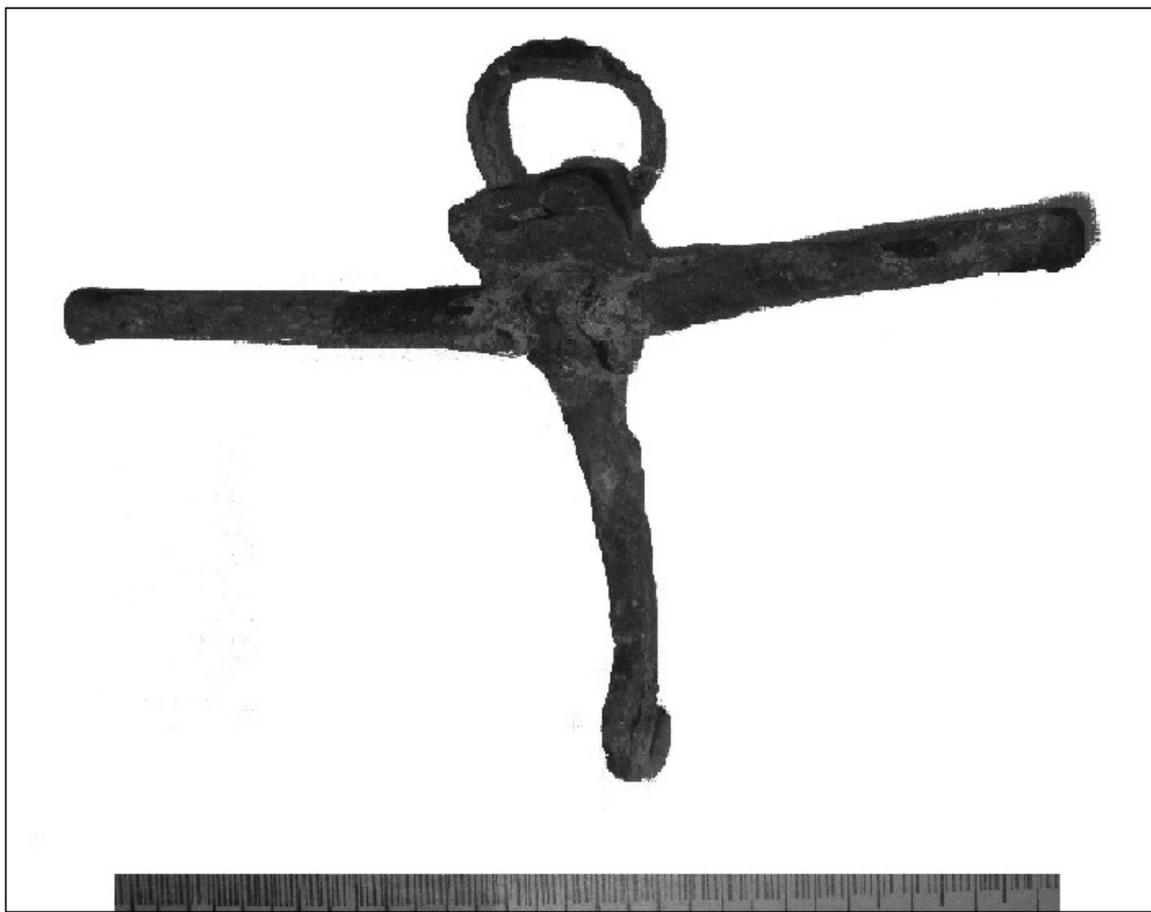

2

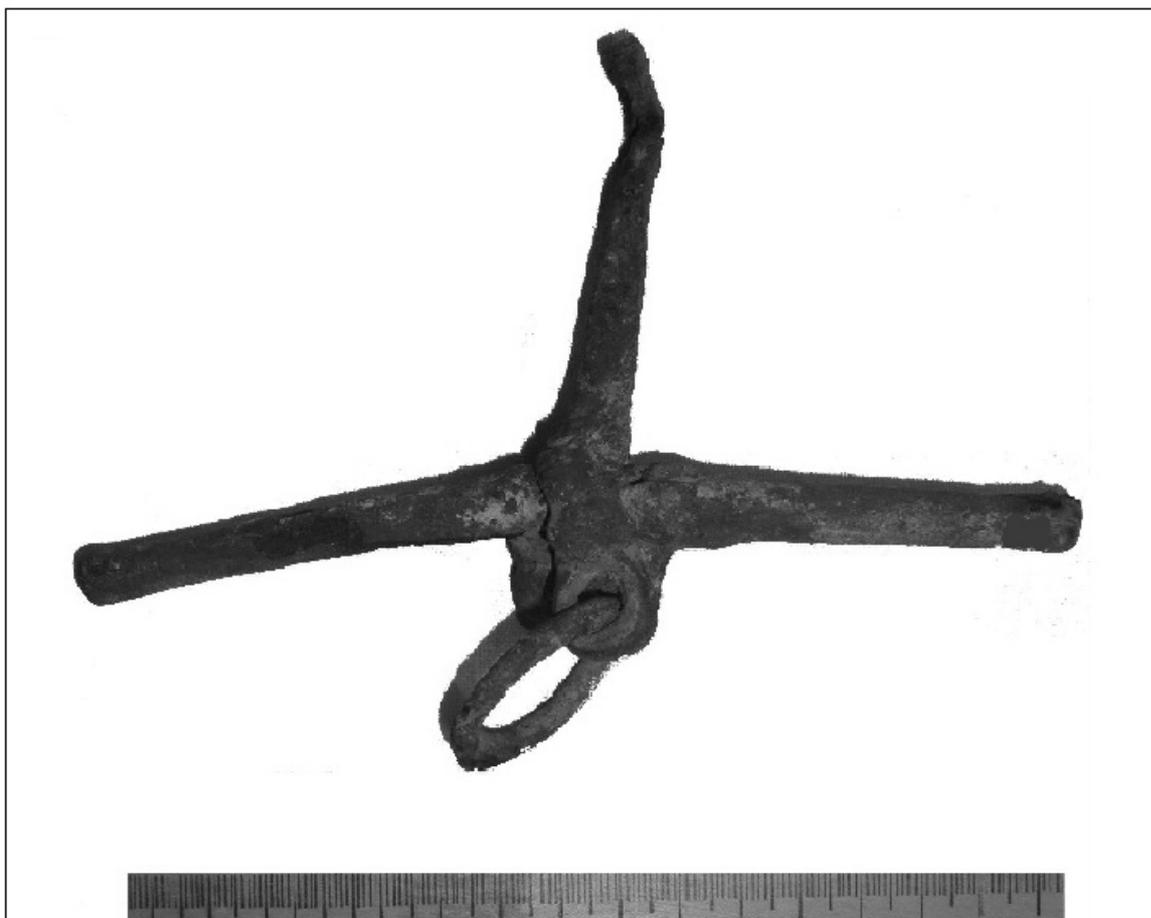

3

Рис. 5. Фотографии находки № 5.

1

2

Рис. 6. Фотографии находки № 6.

Рис. 7. Фотографии находки № 7.

Литература

Археологические памятники Самары. – Составители Д.А. Сташенков, А.Ф. Кочкина. Самара, 2012.

Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э. Праболгары на Средней Волге (у истоков истории татар Волго-Камья). Самара. 1998.

Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э. Средневековые комплексы могильника Просвет I // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 4. Самара. 2006.

Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.-Л. 1965.

Генинг В. Ф., Халиков А. Х. Ранние болгары на Волге. М. 1964.

Голдина Р. Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск. 1985.

Голдина Р.Д. Неволинский могильник VII – IX вв. в Пермском Предуралье. Ижевск, 2012.

Голдина Р. Д., Водолаго Н. В. Могильники неволинской культуры в Приуралье. Иркутск. 1990.

Дмитриев А.В. Могильник Дюрсо – эталонный памятник древностей V – IX веков // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья IV – XIII века. М. 2003.

Кочкина А.Ф., Сташенков Д.А. По Самаре с археологом. Путеводитель по археологическим памятникам. Самара, 2014.

Мажитов Н.А. Курганы Южного Урала VIII – XII вв. М., 1981.

Матвеева Г.И. Могильники ранних болгар на Самарской Луке. Самара. 1997.

Сташенков Д.А. Новые археологические исследования на территории города Самары. Самара, 2012.

Халикова Е.А. Больше-Тиганский могильник // СА. №2. 1976.

Халикова Е.А. Ранневенгерские памятники Нижнего Прикамья и Приуралья // СА. №3. 1976.

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ МАСКИ ВОЛЖСКИХ БОЛГАР В СИСТЕМЕ ДРЕВНОСТЕЙ УГРОВ

Статья посвящена анализу погребальных масок ранней Волжской Болгарии, связанных с глубокими и сложными представлениями языческого населения. Выявлено, что они привнесены уграми Урало-Прикамья участвовавшими в формировании этноса и культуры волжских болгар. Определенно, что атрибуты таких масок сформировались в глубокой древности в Центральной Азии, а в эпоху средневековья широко практиковались многими народами этого региона: уграми, селькупам, тюрками и др.

Ключевые слова: Ранняя Волжская Болгария, идеологические представления языческого населения IX-X вв., погребальные маски, миграции племен Восточной Европы в эпоху средневековья.

Одним из важнейших проявлений языческой культуры волжских болгар являются погребальные маски, связанные со сложными и глубокими идеологическими представлениями. Первые погребения с масками были открыты в Танкеевском могильнике, как, собственно, и сам некрополь, летом 1961 г. отрядом Е.П. Казакова. В 1961-1966 и последующие годы под руководством А.Х. Халикова, Е.П. Казакова, Е.А. Халиковой на некрополе проведены широкие раскопки в результате которых изучено около 1200 захоронений. Одним из неожиданных и своеобразных элементов культуры их и было применение погребальных масок.

В 1964 г. с характеристикой их выступил Е.П. Казаков, прочитав доклад на IV Уральском археологическом совещании в г.Перми. В 1968 г. он был опубликован (Казаков, 1968. С. 230 – 239). В нем, среди 430 захоронений по результатам раскопок некрополя 1961, 1962, 1964 гг. было выявлено 16 погребений с погребальными масками. Они состояли из шелкового покрытия лица умершего и нашитой на него серебряной, иногда с позолотой, личины с прорезью для глаз и рта (Казаков, 1968. С. 231).

В статье указаны аналогии маскам в средневековых памятниках Верхнего Прикамья, Башкирии, Венгрии. Функции их получают свое определение в этнографии обских угров. Отмечено также вероятная

генетическая связь таких изделий с масками таштыкской культуры Южной Сибири (Казаков, 1968. С. 236 – 237).

Указанная работа была первой, где погребальные маски указаны как один из наиболее существенных реперов языческой культуры угорского мира Евразии. Лишь три десятилетия спустя снова появились специальные статьи посвященные интерпретации средневековых погребальных масок в Прикамье и Приуралье.

Так, в 2002 г. опубликована статья Л.И. Ашихминой, которая изучила захоронения эпохи тюркских каганатов, в подкурганых захоронениях ванвиздинской культуры на территории Республики Коми. Ею были выявлены остатки масок в виде золотых и серебряных наротников и наглазников, под которыми сохранялся слой органики, возможно от лицевого покрытия (Ашихмина, 2002. С. 41 – 42). В 2003 г. вышла работа Е.Ф. Герман, посвященной типологии средневековых масок Волга-Камья (Герман, 2003. С. 140 – 141).

В указанных двух последних больших по объему статьях авторы привлекали сравнительно малый круг аналогий. В то же время Л.И.Ашихмина полагала, что маски определяли социальный статус погребенных, а Е.Ф. Герман пыталась предложить свою хронологию этой категории находок.

В первом десятилетии XXI века в г. Перми выходит ряд примечательных монографий А.М. Белавина и Н.Б. Крыласовой. В них основательно рассматриваются культура, хозяйство, образ жизни населения Верхнего Прикамья в эпоху средневековья. Новаторским было то, что в отличие от работ исследователей края второй половины XX в. (В.А.Оборин и др.) население края они связывали не с пермскими финнами, а с уграми. Основывалось это на интерпретации важных элементов культуры отражавших глубинные идеологические представления угров: погребальном обряде, культовых вещах, круглодонной керамики с гребенчато-шнуровой орнаментацией и, конечно, масках. На становление такого понимания указанных авторов несомненное влияние оказали труды казанских археологов, которые уже с 70-80 гг. XX в. считали данные элементы культуры, органически присущие прикамскому населению, участвовавшему в формировании этноса и культуры волжских болгар, угорскими.

В 2009 г. вышла коллективная монография А.М. Белавина, В.А. Иванова, Н.Б.Крыласовой «Угры Предуралья в древности и средние века» (Белавин, Иванов, Крыласова, 2009). В ней рассмотрены фундаментальные

вопросы становления и развития культуры населения региона во времени и пространстве. В числе других освещаются и проблемы связываемые с масками, которые исследователи соотносят с уграми (Белавин, Иванов, Крыласова, 2009. С. 106 – 112). Ими приведено 50 образцов металлической составляющей погребальных масок (Белавин, Иванов, Крыласова, 2009. С. 120 – 122. Рис. 23 – 26), в том числе 4 экз. из Танкеевского могильника.

В настоящее время в Урало-Поволжском регионе выявлено два десятка памятников, где зафиксировано более сотни лицевых покрытий из серебра и золота. Наибольшее число их происходит из Танкеевки. Здесь, не считая разрушенных, встречено 45 серебряных с позолотой личин с прорезями для глаз и рта (рис.1 – 14). С помощью отверстий по краям они были пришиты на лицевое покрытие (рис. 4, 2; 5) из китайского шелка (еще одно доказательство об участие болгар в товарообмене по Великому шелковому пути). В погр. 141 Деменковского могильника на Верхней Каме, В.Ф. Генинг также зафиксировал, что голова погребенного была обернута шелковой китайской тканью, на которой находился наглазник (Генинг, 1964. С. 145). При этом вокруг прорези для глаз выполнен орнамент в виде ряда подтреугольных вдавлений.

Большинство металлических накладок масок изготовлялось из серебра, которое было сакральным металлом для угров. Маски выполняли, судя по идеологическим представлениям, двойную функцию. Закрывая лицо умершего сородичи как бы изолировались от «шонгота» или «душитени», которая являлась первой в пантеоне, реанкарнации угров. Однако по их представлениям это существо в виде мертвого человека может выходить из могилы с белым блестящим лицом, может быть деятельным, даже есть и пить. Поэтому вторая функция масок – показать важнейшие атрибуты этого деятельного существа: глаза, рот (Казаков, 1968. С. 237 – 238). Представление о «живом» покойнике, о «могильной душе – is hog», встающей по ночам из могилы» хорошо освещено в работах этнографов (Чернецов, 1959. С. 120). Они отмечали, что в угорском мире широко распространен обычай закрывать лицо умершего шкурой оленя мехом во внутрь, а на место глаз и рта нашивать пуговицы или другие материалы.

По археологическим материалам в Урало-Поволжье насчитывается около двух десятков типов металлической части масок. Это разные по размерам личины, получины, наглазники, наротники и т.д. (рис. 2, 3,11,12) Главной целью их было – показать глаза и рот погребенных. В Танкеевке практически применялись только личины. На некоторых из них фиксируются формы носа, бровей. На одном, из образцов в басманной

технике изображены брови, усы (рис.4,3). Представляется, что личину пытались сформировать или пришить на лице умершего.

В Прикамье и Башкирии широко применялись наглазники и наротники (рис. 11, 12), что возможно, объясняется дефицитом серебра (Белавин, Иванов, Крыласова, 2009. С.120. Рис. 23). В Большетиганском раннеболгарском могильнике также отмечены наглазники. В одном случае наглазник заменен подпрямоугольной пластиной из золота, как в Веслянском могильнике (Археология Республики Коми, 1997. С. 418. Рис.6,8). Задача отметить части лица погребенного все равно достигалась.

В Предуралье несмотря на сильную тюркизацию и мусульманизацию, угорское население представленное памятниками постпетрогромской и чияликской культур XII-XIV вв. сохраняло еще многие элементы языческой культуры, в том числе и маски. Последние довольно сильно изменялись. Лицо умершего покрывалось кожей, а на ней крепилась довольно крупная круглая бляха из белой бронзы – имитация серебра (рис.14А, 2; 14Б, 1). Когда мышечные ткани сгнивали кожа вместе с бляхой смещалась на шейные позвонки погребенных, или на верхнюю часть груди. Также лицевые покрытия отмечены в погр.4, 22 Кишертского (рис. 14А, 2) (Пастушенко, 2006. С. 40-70), погр. 74, 75 Дербёшкинского (Ютина, 2007. С.73-98), погр. 22 Азметьевского (Казаков, 1978. С.75) (рис. 14Б, 1) могильников. В последнем под бляхой, съехавшей с лицевой части, находился и толстый кусок кожи. Такая же бляха отмечена в погр.87 могильника Такталачук.

Иногда бляхи более мелкие по размерам накладывались на каждый глаз погребенного. Они отмечены в Кушулевском могильнике Башкирии (Мажитов, 1962. Табл. XV, 5) , Селянинском могильнике сылвинской культуры (Генинг, 1951. С.28. Рис. 27). На территории Среднего Урала в бассейне р. Пышма в двух погребениях Пылаевского могильника XI-XII вв. отмечены пластины уложенные на месте глаз и рта – остатки погребальных масок (Кутаков, Старков, 1997).

В XIII-XIV вв., в памятниках чияликской культуры, отмечаются наиболее поздние проявления такой обрядности. В Азметьевском, Кушулевском, Такталачукском могильниках, которые, видимо, оставлены представителями племени эней, проживающими в низовьях р. Белой, на месте рта, отмечены лишь обломки серебряных и бронзовых пластин, иногда с пробитым отверстием (Казаков, 1978. С.81-82).

В направлении поиска истоков рассматриваемого обряда важные данные предоставляют этнографические и археологические материалы

народов Сибири, предки которых с глубокой древности обитали в таежных лесах и уникальных местностях Центральной Азии. На указанной обширной территории известны десятки некрополей от Томского Приобья до приполярной тундры, в которых изучены погребения с самыми различными масками. Среди них широко известные Барсов городок, материал которого переиздан (Арне, 2005), «Басандайка» («Бассандайка», 1947) (рис. 15), Халас-Погор, новые могильники у г.Сургуты и др.

Вполне возможно, что указанный обряд сформировался уже в палеоазийскую эпоху. Например, С. К.Кузнецов указывает в своей статье, что коможи и алеуты проживают в русской Аляске и хоронили своих вождей и шаманов в пещерах в сидячем положении и с масками на лице (Кузнецов, 1905. С. 75-118).

В эпоху бронзы этот обряд во многом получил свое завершение. С.В.Киселев, отмечает маски в глазковской культуре, расположенной по берегам рек Лены и Ангары.

Но особенного развития погребальные лицевые покрытия достигли в таштыкскую эпоху (Кызласов, 1960). Это время, которое связывают с гуннской эпохой, в центральной Азии существуют государственные и племенные традиции, происходит взаимодействие древнетюркских, угорских, самодийских и других народов. Заметное влияние на них оказывала китайская цивилизация. Таштыкские маски, даже в глиняном и терракотовом исполнении, близки танкеевским даже в том, что под них подкладывали китайский шелк (Казаков, 1968. С. 237).

В гунно-тюркское время у многих тюркских племен, как и угров использовались на лицах погребаемых шелковые покрытия и металлические наглазники (рис. 16) (Казаков, 2007. С. 24-25). У киданей они существовали до XI в. (Ивлиев, 1990. С. 42-69). В Венгрии издана статья М. Бейко о существовании наглазников у уйгур (устное сообщение И. Фодора).

В целом маски, отражающие фетишизацию наиболее информативной части человека – лица, обладающее категориями, связанные с духовным миром, с «душой» в виде речи, зрения, слуха, применяли практически все народы мира. Многие использовали их в погребальной обрядности. Можно указать на золотые лицевые покрытия в неолитическом Варнинском могильнике Болгарии, черноглиняные (?) лицевые покрытия в погребениях эпохи бронзы Северного Причерноморья, золотые накладки на лицо в античных некрополях

Причерноморья и многие другие. Но угорские маски отмечаются усложненной структурой, отражающей идеологические представления населения. По представлениям обских угров они выполняют две функции: 1 – матерчатое покрытие изолирует существо в виде мертвого тела от живых сородичей, 2 – металлические личины отображают важнейшие функции (глаза, рот, иногда уши) – этого деятельного существа в виде мертвого тела – шонгота или «души-тени», который, по представлениям может действовать как живое существо.

Исследование функции погребальных масок, началу которого положили раскопки Танкеевского могильника, позволило совершенно по другому рассматривать этнокультурную ситуацию в Волго-Уральском регионе. Такие большие культуры как ломоватовская, полонская, ванвиздинская несомненно имеют угорское, а не финно-пермское происхождение. Последние только в XI в., отступая под воздействием усиливающейся северо-восточной Руси – вытеснили угров за Урал и оставили в Прикамье и Предуралье свои культуры: родановскую, чепецкую, вымскую.

Изучение вышеуказанного элемента погребального обряда позволило также утверждать, что он был присущим не только местным уграм, но и кочевым угорским племенам, оставившим памятники кушнаренковской культуры и некрополи мадьяр.

Локализация и хронология погребальных масок позволяют также отмечать глобальные военно-политические события, вызвавших массовую миграцию угорских племен на новую территорию. Так образование Первого тюрского каганата во второй половине VI в. привело к появлению на широкой территории северо-востока Европы вышеуказанных угорских культур. Конфронтация печенегов и мадьяр, спровоцированная «борьбой за веру» в Хазарии, вынудила мадьяр «завоевать Родину» в Паннонии. Здесь в X в. они при захоронении закрывали лица умерших кожей, а глаза и рот отмечали металлическими накладками (Диенеш, 1993. С.112). При своей последней остановке в Ателькузу на правом берегу р. Днепра они оставили захоронения с типичными угорскими элементами, в том числе и погребальными масками (Казаков, 2002. С.53-59) (рис. 13).

Рис. 1. Погребальная маска на лицевой части человека в погребении из Танкеевского могильника.

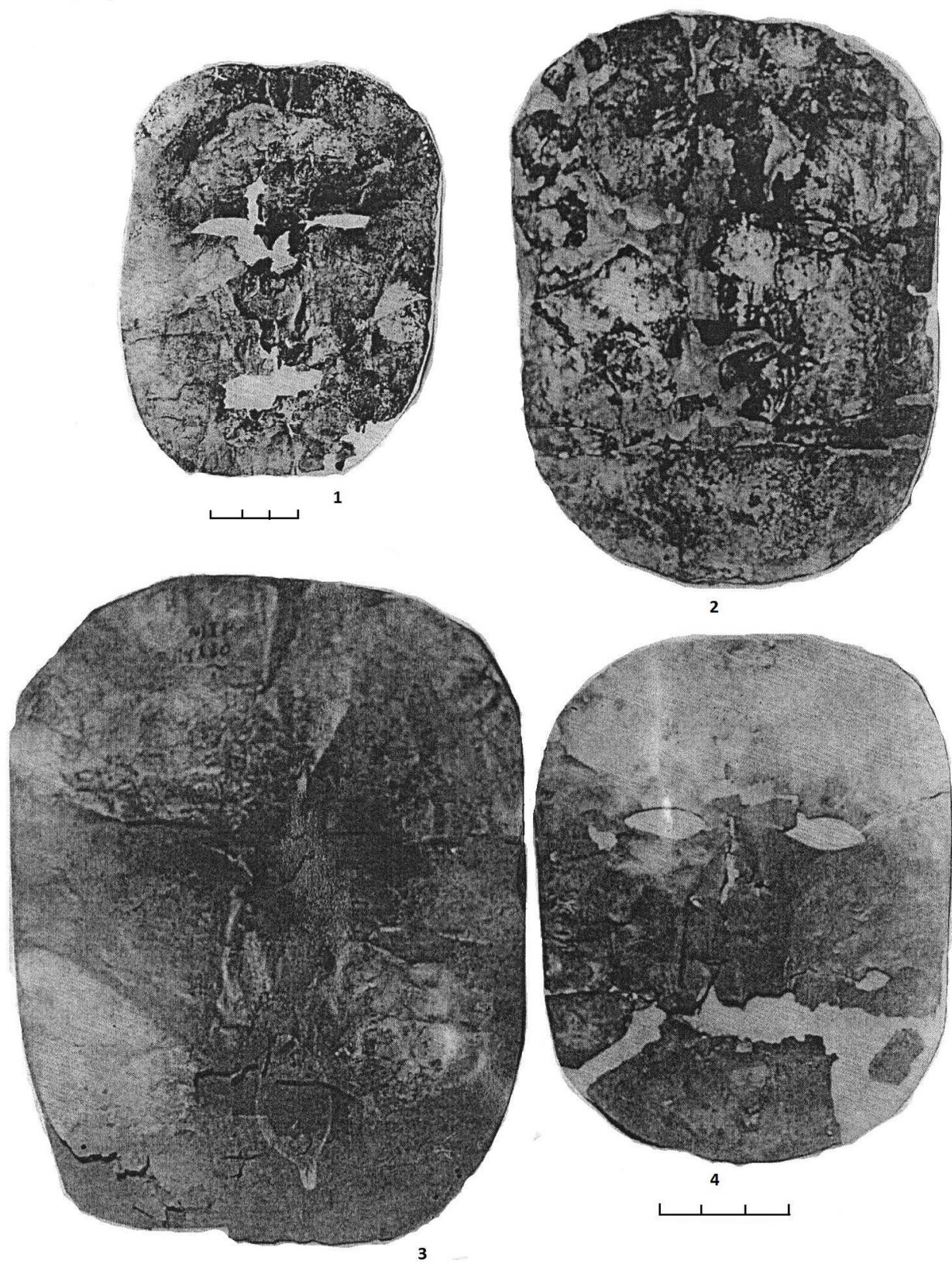

Рис. 2. Серебряные личины из Танкеевского могильника

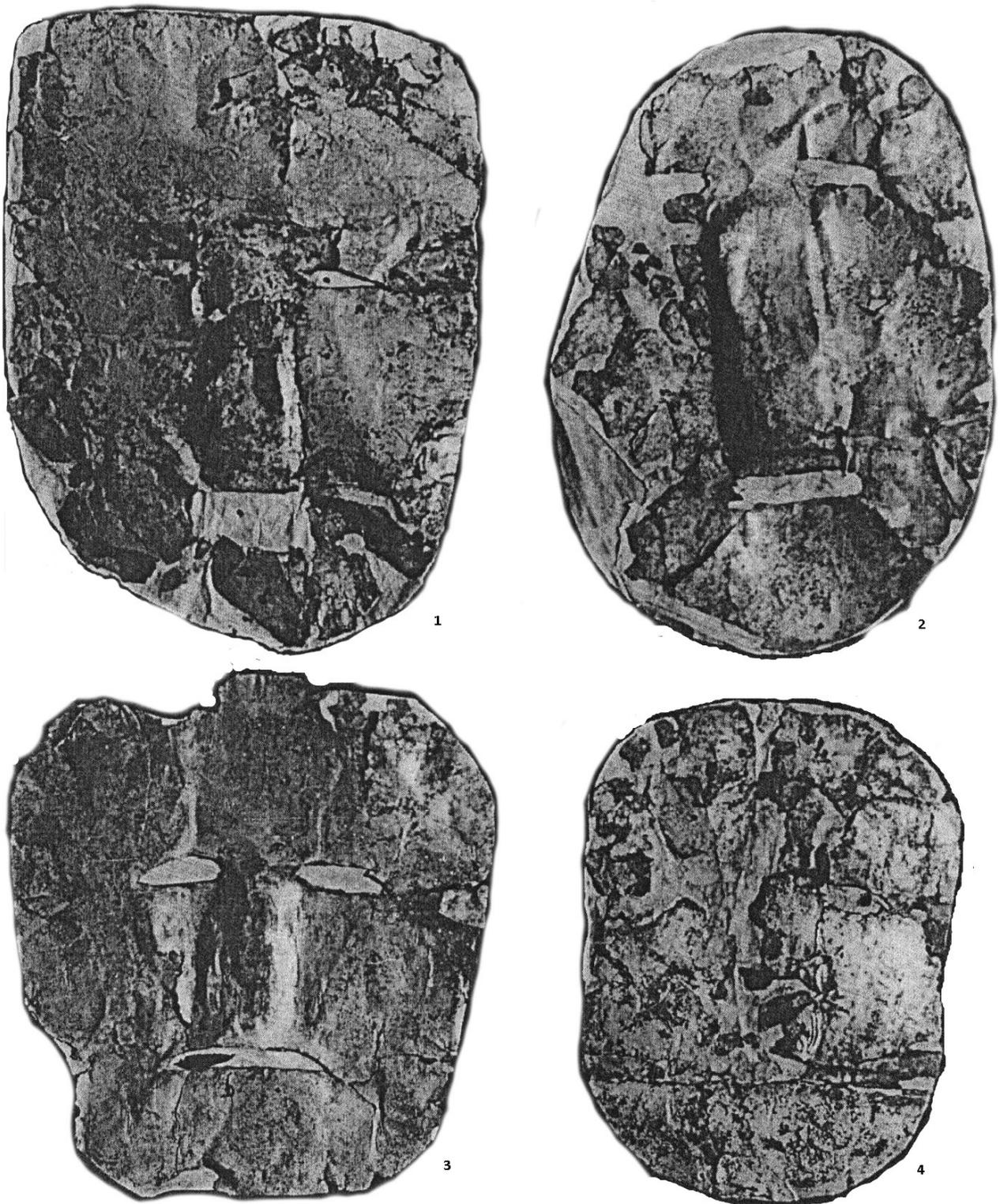

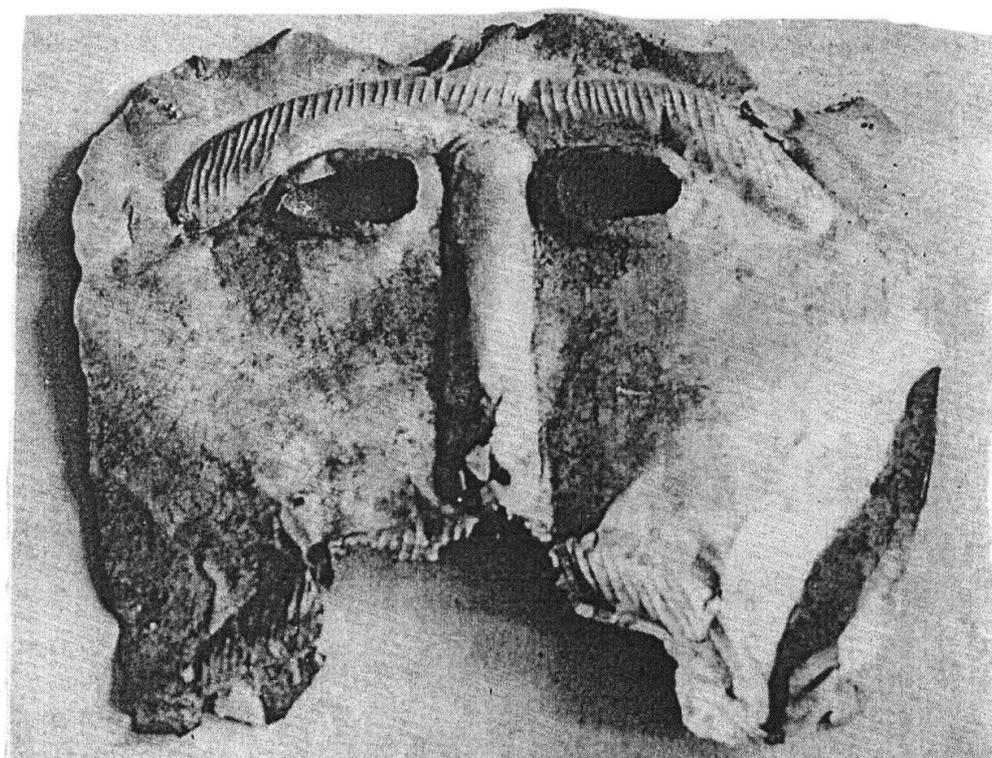
Рис. 3 Серебряные личины, отражающие некоторые черты лица умершего

1

2

3

Рис. 4. Серебряные личины (№1, 2) и шелковая подкладка под личину (№2) из Танкеевского могильника.

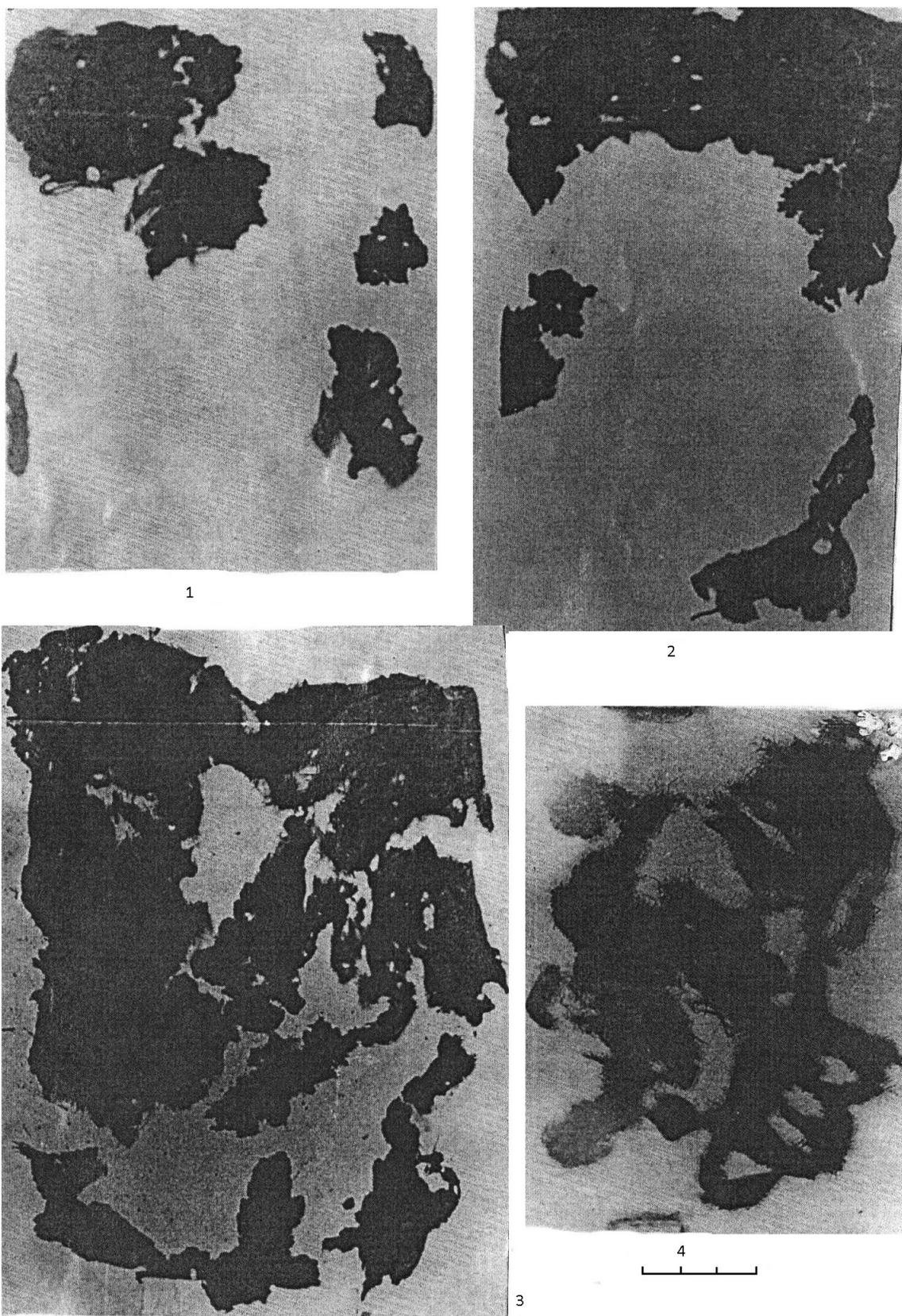

Рис. 5. Фрагменты шелковых подкладок под серебряные личины из Танкеевского могильника.

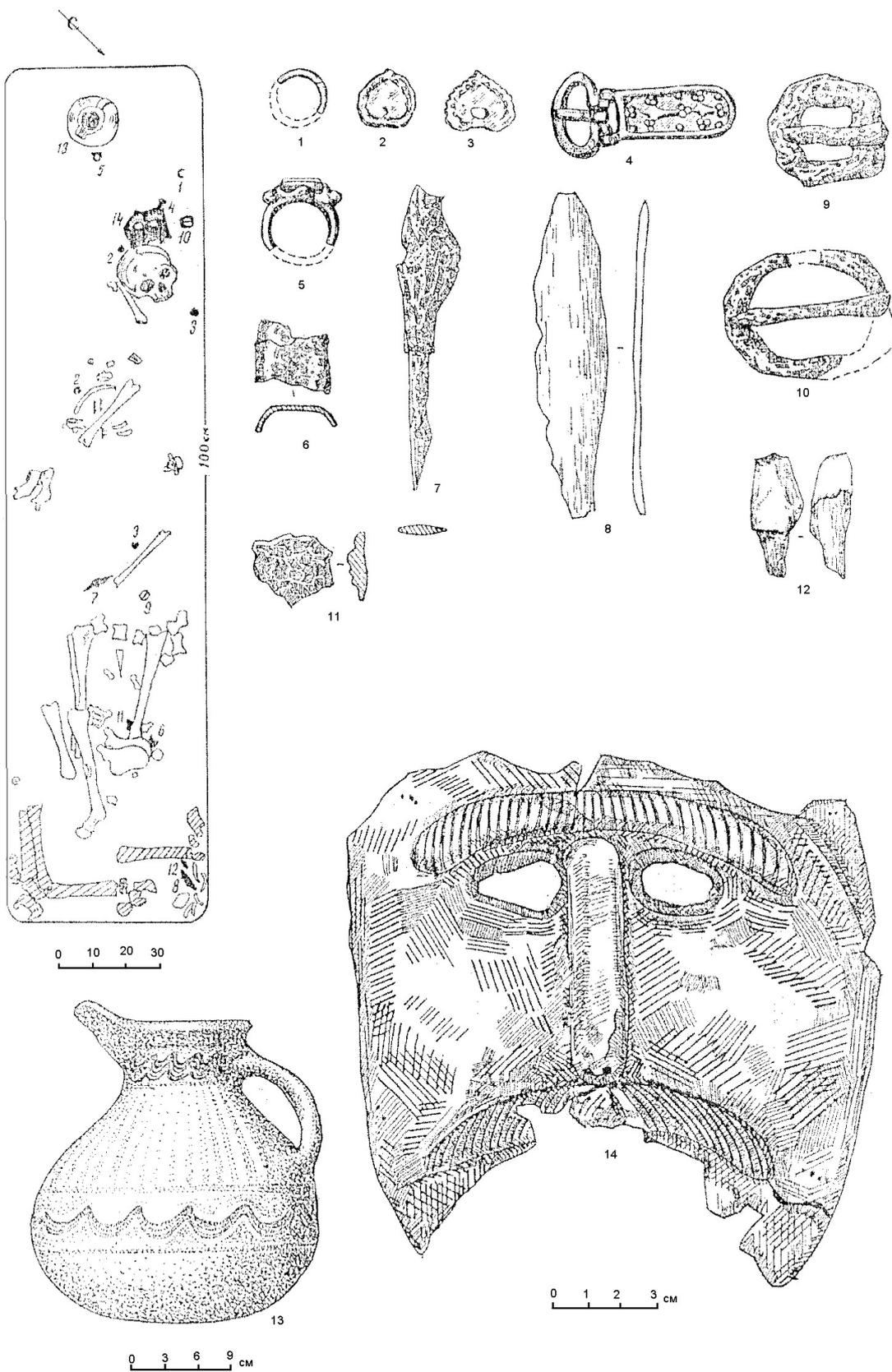

Рис. 6. План и вещевой комплекс погребений 1092 Танкеевского могильника.

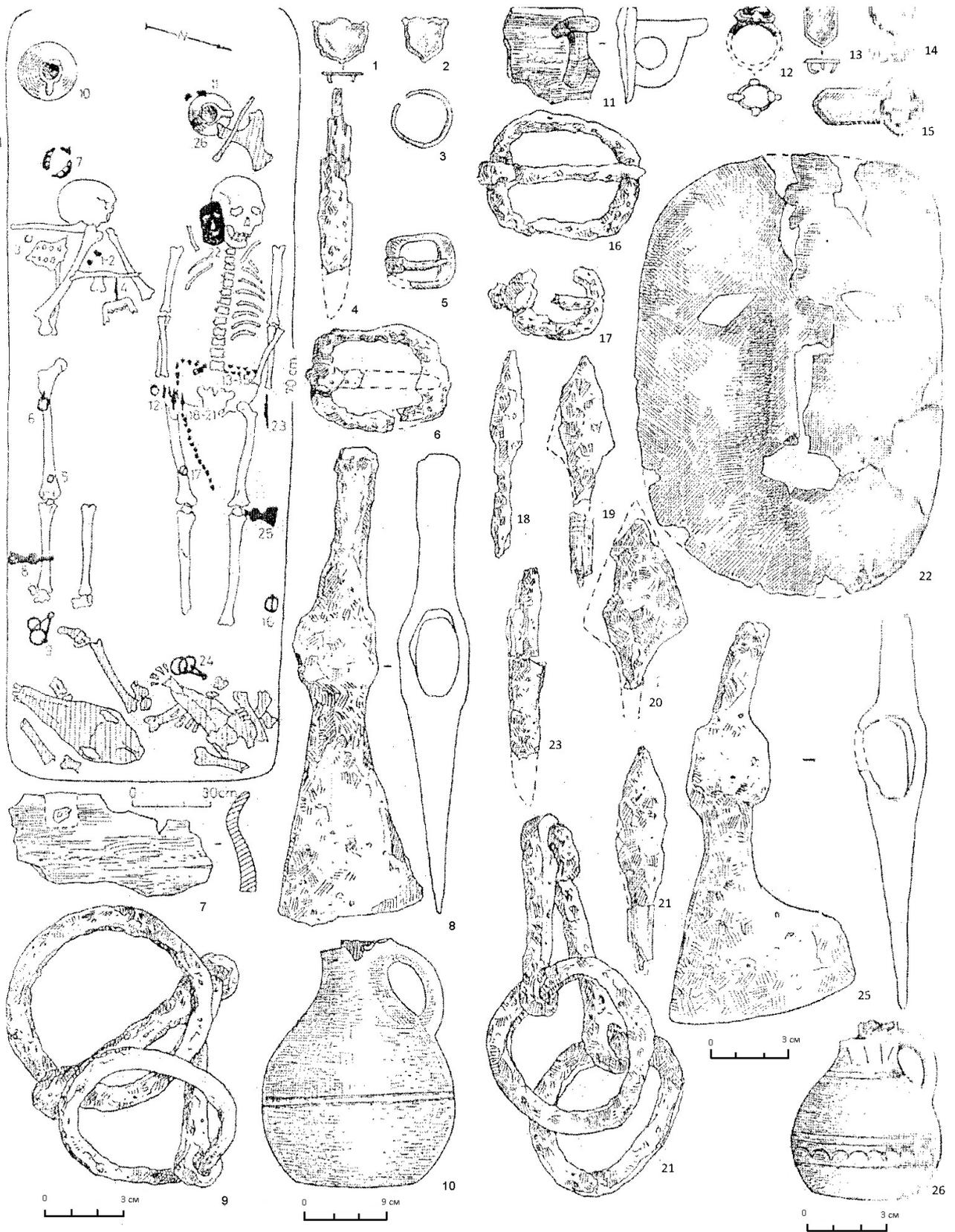

Рис. 7. План и вещевой комплекс погребения 351 Танкеевского могильника.

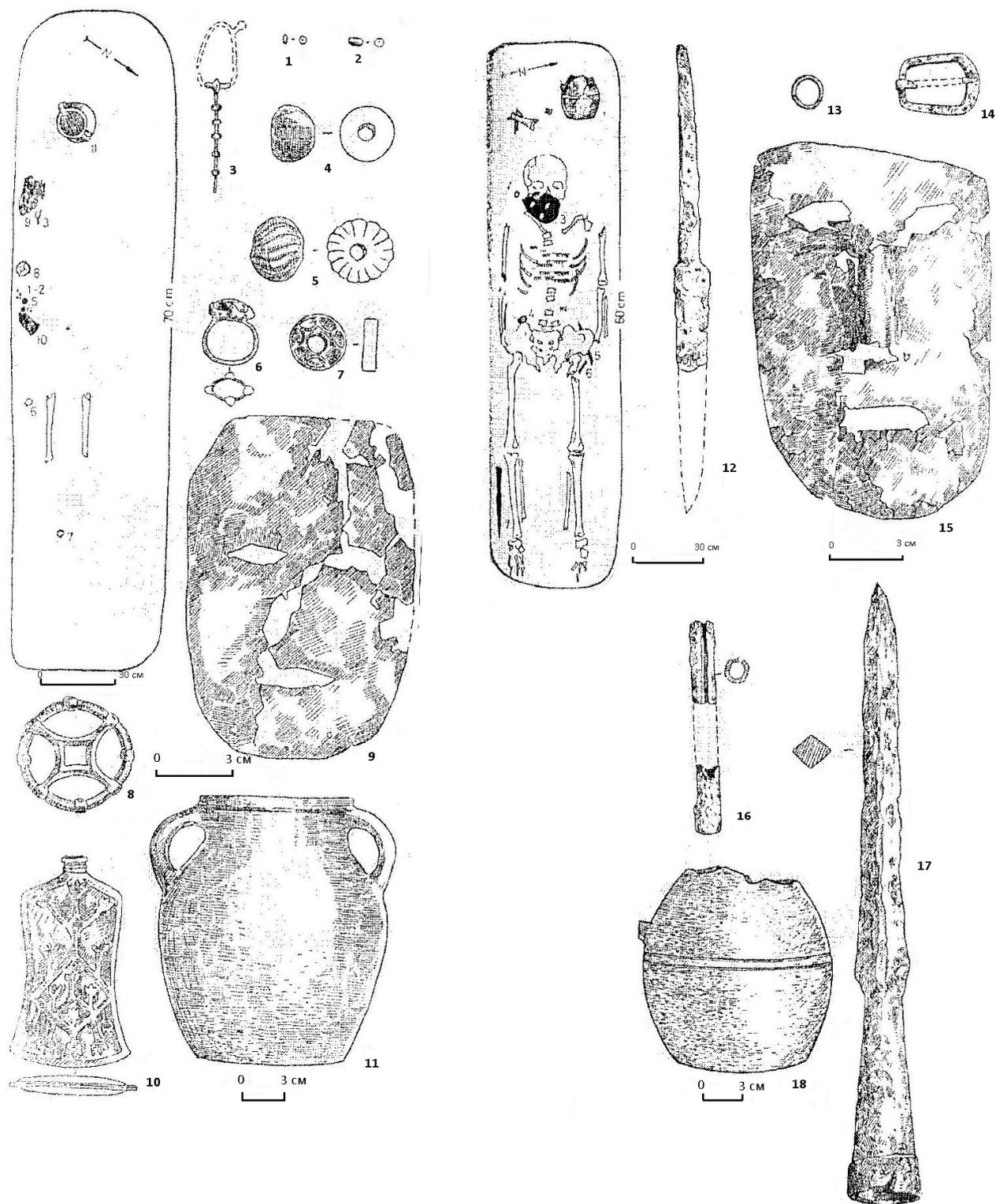

Рис. 8. План и вещевой комплекс погребения 300а и погребения в Танкеевского могильника.

Рис. 9. План и вещевой комплекс погребения 709 Танкеевского могильника.

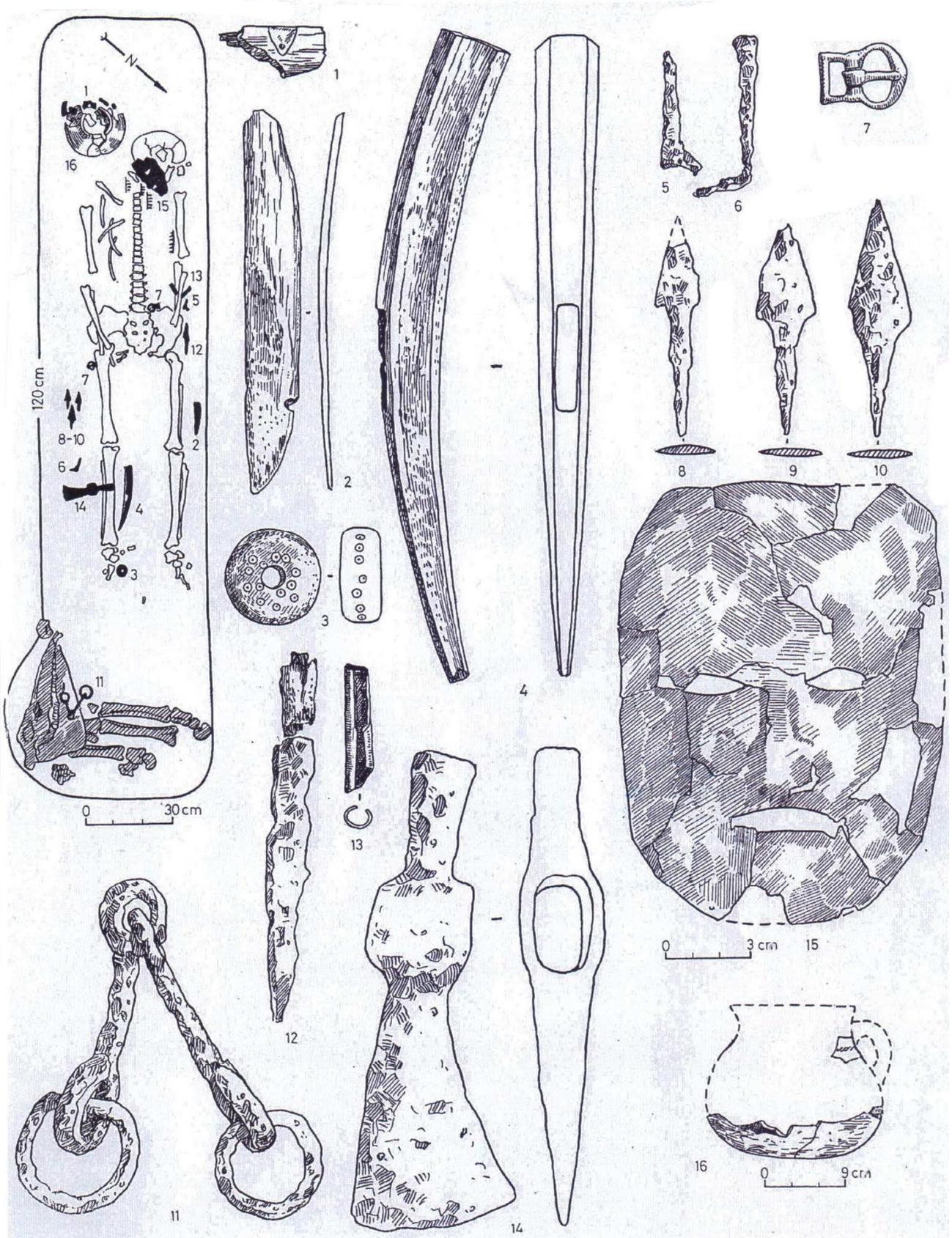

Рис. 10. План и вещевой комплекс погребения 770 Танкеевского могильника.

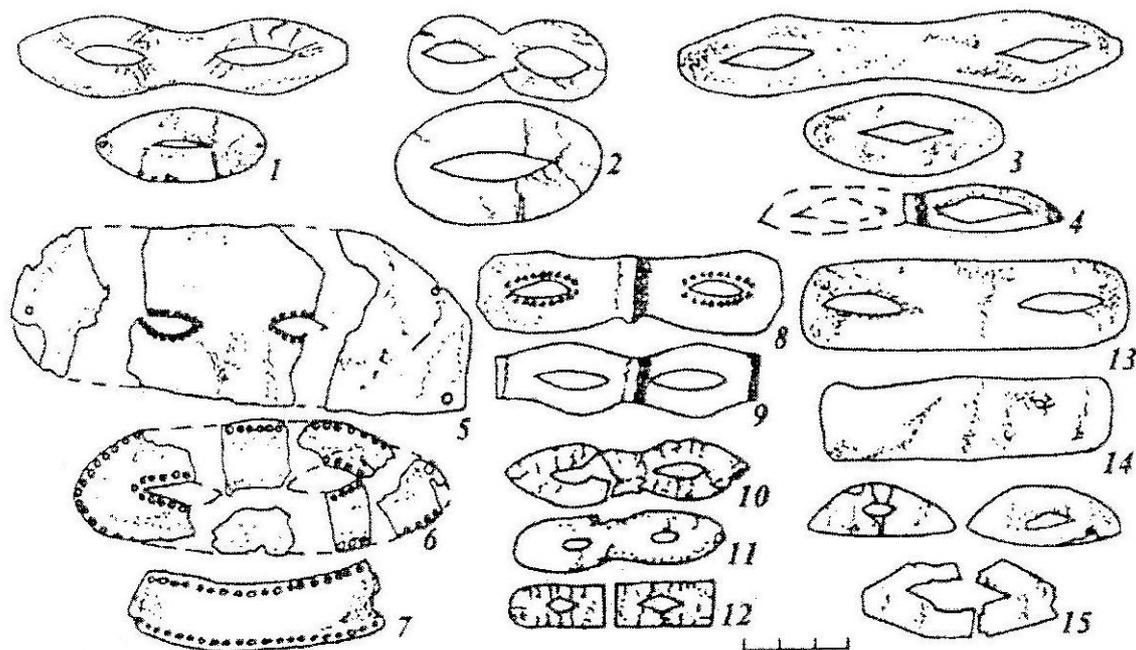

Рис. 11. Серебряные личины, «наглизники» и «наротники» погребальных масок из Верхнего Прикамья. (по работе А.М. Белавина и др.).

1 – Верх-Сая, 2 – Ракамаз (Венгрия), 3 – Горбунятский, 4 – Плесинский, 5-7 – Баяновский, 8-9 – Деменковский, 10-12 – Стерлитамакский, 13-14 – Веслянский, 15 – Борганъоль (2 – по И.Фодору, 3 – по Р.Д. Голдиной, Н.В. Водолаго, 4 – по В.Ф. Генингу, Р.Д. Голдиной, 5-7 – раскопки А.В. Данича, 8-9 – по В.Ф. Генингу, 10-12 – по Н.А. Мажитову, 13-15 – по «Археология республики Коми»).

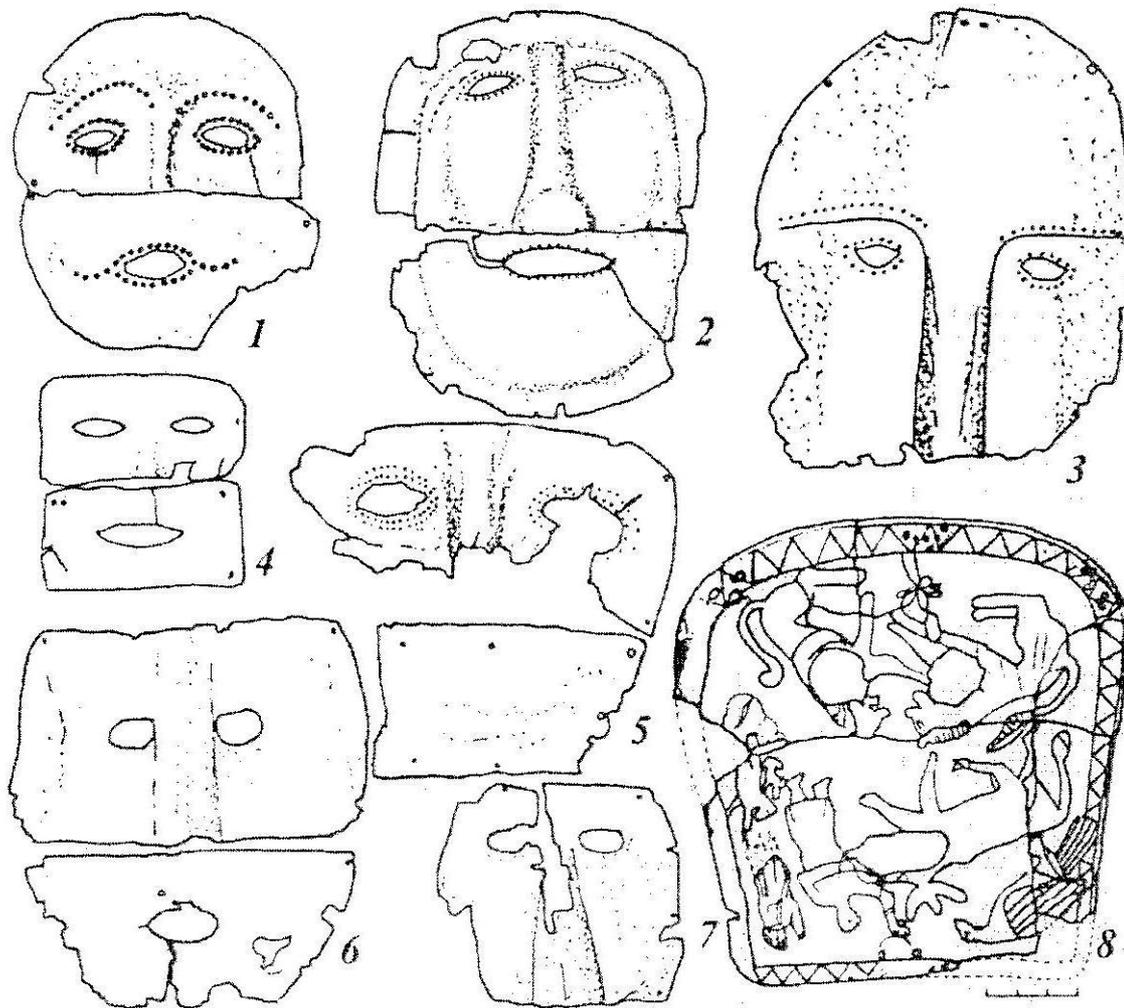

Рис. 12. Серебряные полуличины от погребальных масок Верхнего Прикамья.

(по работе А.М. Белавина и др.)

Маски-полуличины. 1, 3-4, 7-8 – Пермский край, 2, 5-6 – Баяновский могильник.

(1, 3-4, 7-8 – из браконьерских сборов, 2, 5-6 – раскопки А.В. Данича)

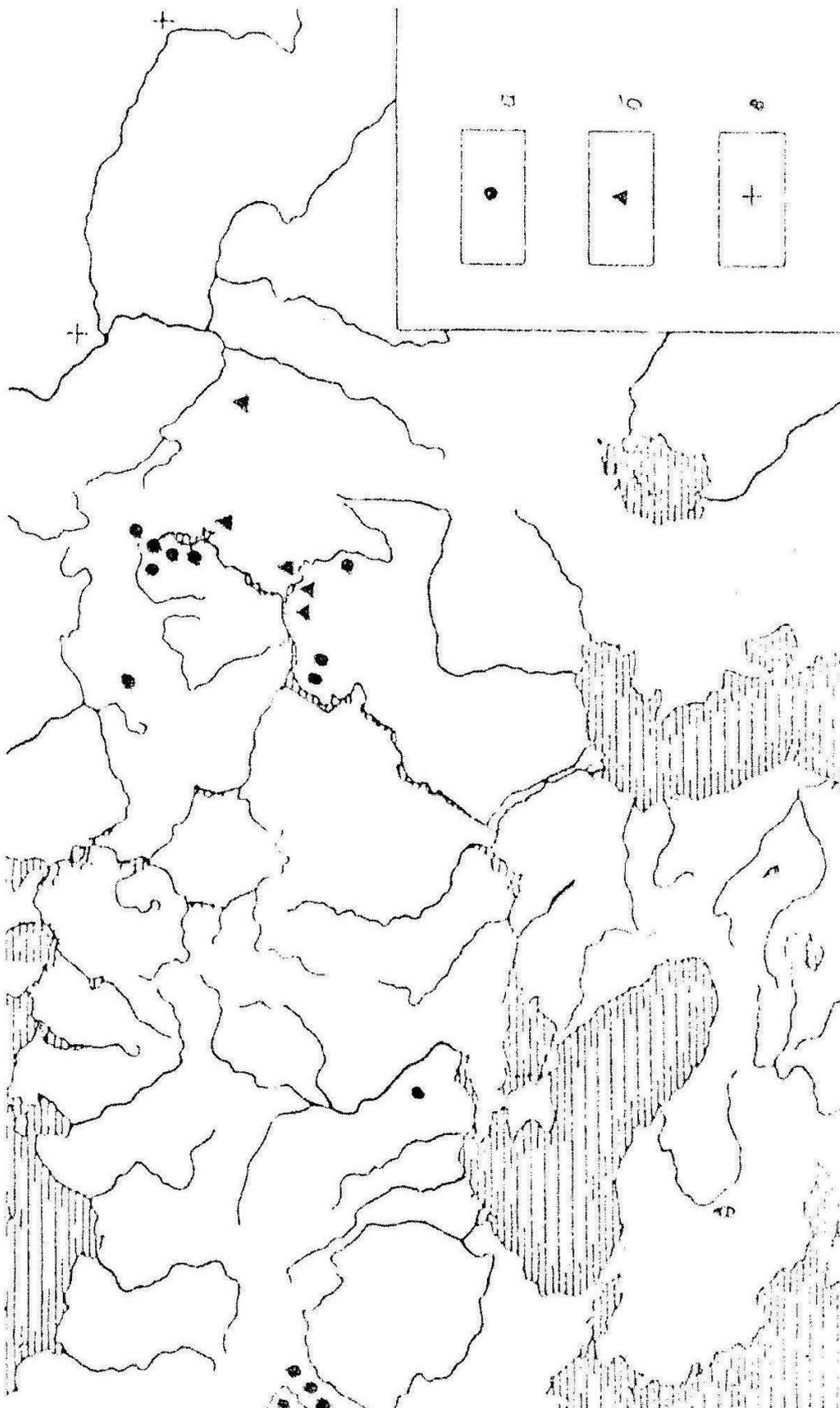

Рис. 13. План расположения погребальных масок угров
в средневековых памятниках Евразии.

Локализация памятников с погребальными лицевыми покрытиями в Евразии:
а – вторая половина VI – X вв.; б – XI – XIV вв.; в – маски обских угров.

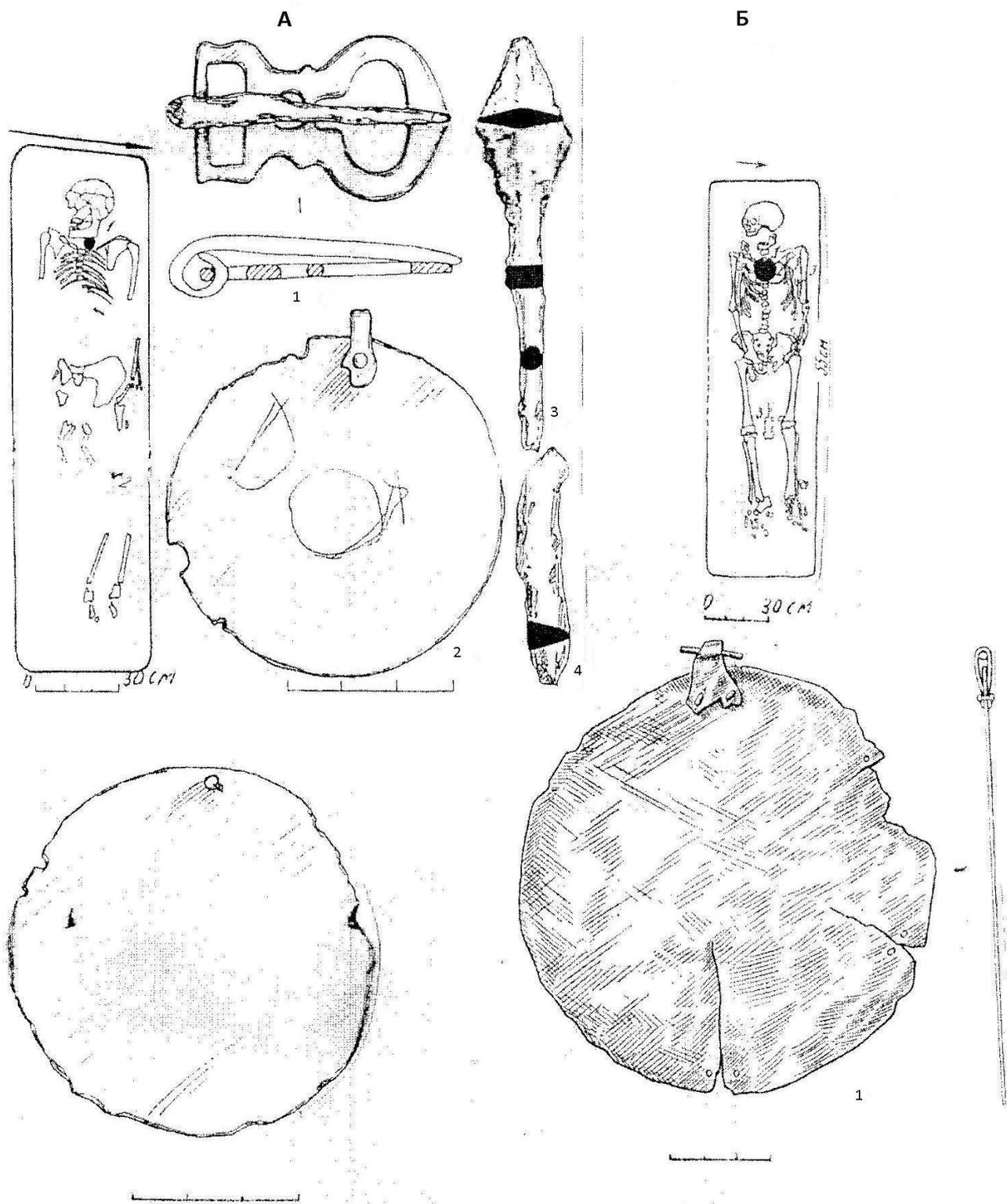

Рис. 14А. Круглые металлические лицевые покрытия из Кишертского могильника постпетрогромской культуры XI-XII вв.

Рис. 14-Б. Кожаное покрытие и наложенная на него бронзовая круглая бляха от погребальной маски из погребения 22 I Азметьевского могильника чияликской культуры XIV в.

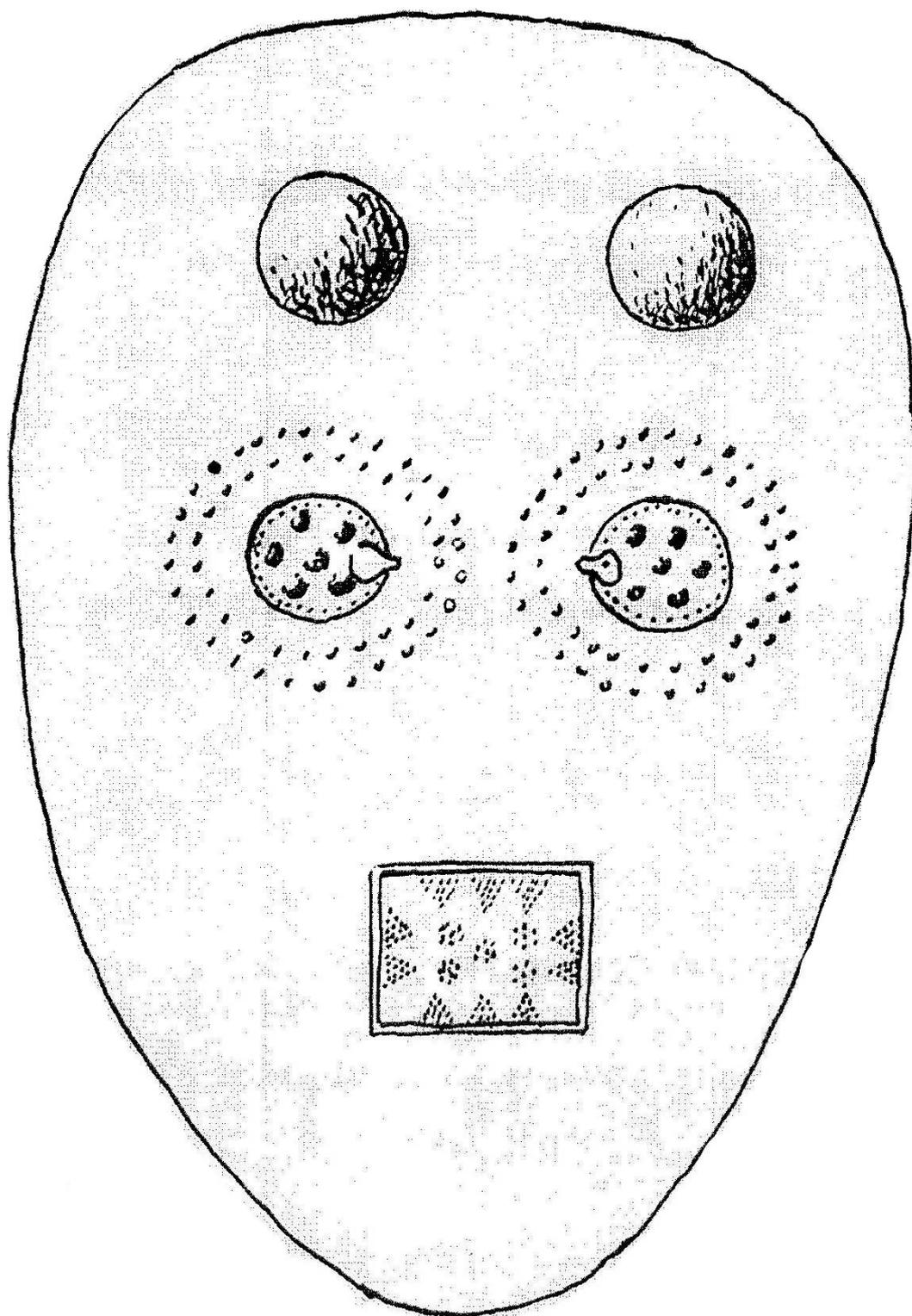

Рис. 15. Погребальная маска из средневекового угорского могильника «Басандайка» Западной Сибири.

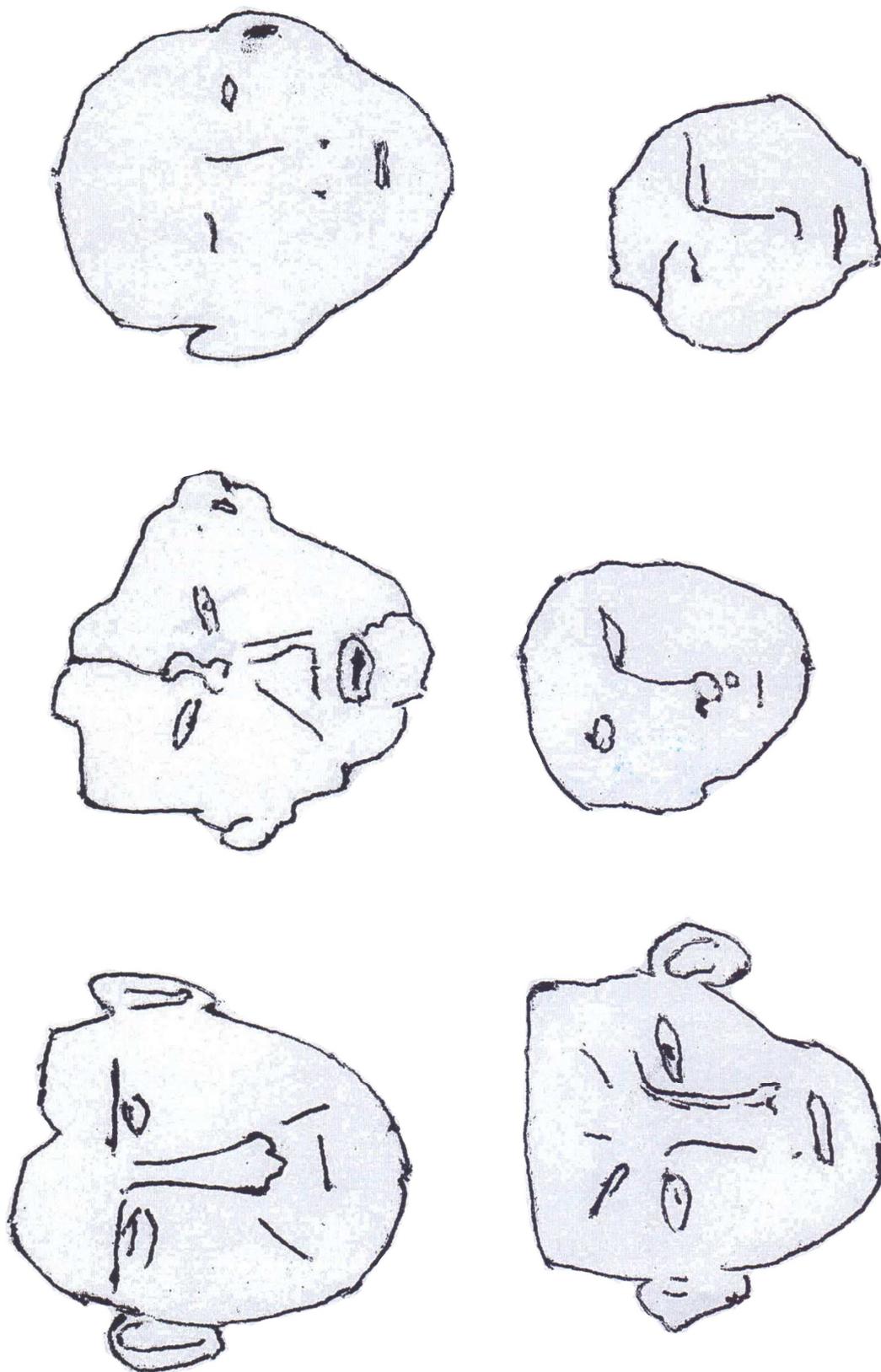

Рис. 16. Погребальные маски средневековых тюркоязычных кочевников центральной Азии.

Литература

Арне Т.И. Барсов городок. Западносибирский могильник железного века. Екатеринбург – Сургут, 2005.

Археология Республики Коми. – М., 1997.

Ашихмина Л.И. О функции металлических масок в курганах эпохи великого переселения народов на евразийском Северо-Востоке // Новые идеи и концепции в минералогии. Материалы III международного минералогического семинара. – Сыктывкар, 2002.

«Бассандайка» // Сборник материалов и исследований по археологии Томской области. – Томск, 1947.

Белавин А.М., Иванов В.А., Крыласова Н.Б. Угры Предуралья в древности и средние века. – Уфа, 2009.

Генинг В.Ф. Отчет об археологической экспедиции в бассейне р.Сылвы, произведенной в 1951 г. по поручению Кунгурского краеведческого музея // Архив ИА АН СССР, р -1, № 589.

Генинг В.Ф. Деменковский могильник-памятник ломоватовской культуры // ВАУ. Вып.6. Екатеринбург, 1964.

Герман Е.Ф. Металлические погребальные лицевые покрытия Волго-Камья эпохи средневековья // Международное (XVI-e) археологическое совещание. Пермь, 2003.

Диенеш И. Об одном элементе погребального обряда угорской эпохи у венгров- завоевателей родины // Archaeologica i ertesito. I – Budapest, 1993.

Ивлиев А.Л. Погребения киданей // Центральная и соседние территории в средние века. – Новосибирск, 1990.

Казаков Е.П. О назначении погребальных лицевых покрытий Танкеевского могильника (об одном элементе погребального обряда) // Ученые записки, №191. Труды Камской археологической экспедиции. Пермь, 1968.

Казаков Е.П. Памятники болгарского времени в восточных районах Татарии. – М., 1978.

Казаков Е.П. О локализации мадьяр // Вопросы древней истории Волго-Камья. – Казань, 2002.

Казаков Е.П. Волжские болгары, угры и финны в IX-XIV вв.: проблемы взаимодействия. – Казань, 2007.

Кузнецов С.К. Погребальные маски, их употребление и значение // ИОАИЭ, Т. XXII. Вып.2. Казань, 1905.

Кутаков Ю.М., Старков А.В. Пыласовский грунтовый могильник (предварительная публикация) // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Вып. 1. Свердловск, 1997.

Кызласов Л.Р. Таштыкская эпоха в истории хаккасско-минусинской котловины. М., 1960.

Мажитов Н.А. Научный отчет о результатах археологической экспедиции за 1962 г. Архив ИА АН СССР, р-1, № 2531.

Пастушенко И.Ю. Кишертский могильник в бассейне реки Сылвы // FU, №9. Казань, 2006.

Чернецов В.Н. Представление о душе у обских угров // ТИЭ (Новая серия). Т.51. – С.119.

Ютина Т. Исследования Дербёшкинского могильника в Актанышском районе Республики Татарстан // FU, №10. – Казань, 2007.

**БАХИЛОВСКОЕ СЕЛИЩЕ ЭПОХИ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ
НА ТЕРРИТОРИИ САМАРСКОЙ ЛУКИ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ИССЛЕДОВАНИЙ Г.И. МАТВЕЕВОЙ 1992 Г.)**

В статье опубликованы материалы раскопок раннесредневекового Бахилловского селища на Самарской Луке.

Ключевые слова: *именьковская культура, раннее средневековье, керамика.*

Цель исследования

Территория Среднего Поволжья в раннее средневековье была заселена оседлыми племенами именьковской культуры. Значительный ряд памятников был исследован отрядом САЭ, находящимся под руководством Г. И. Матвеевой, в том числе селище Бахилово в 1992 году. Данная статья посвящена введению в научный оборот материалов, полученных при работах на памятнике. Источниками для написания статьи стали научный отчёт и полевая документация, составленная Г.И. Матвеевой, а также коллекция находок, находящихся на хранении в археологических фондах СамГУ.

Исследование селища

Селище расположено в 1,5 км к западу от села Бахилово и в 3,6 км к востоку от г. Жигулёвск Ставропольского района Самарской области. При работах в 1992 году границы селища были определены в пределах пологого северного склона Бахилловского оврага, пересекающего Жигулёвское плато, обозначенная протяжённость вдоль склона — 240 м. С севера и с юга овраг окружён возвышенностями, покрытыми лесом, которые могли бы представлять естественные границы памятника (рис. 2:1). Территория памятника с запада, севера и востока окружена руслом пересохшего ручья (рис. 1). По результатам современного осмотра удалось выявить, что подъёмный материал распространяется и южнее и юго-восточнее указанного ранее участка. Поверхность селища имеет плавное повышение к югу.

На момент раскопок 1992 года слой селища подвергался регулярному разрушению в результате распашки. Ещё больший ущерб культурному слою нанесли земляные работы, неоднократно проводившиеся на территории памятника: через селище проходит канализационный коллектор, две линии электропередач и телеграфный

кабель, с запада на восток селище пересекает грунтовая дорога Жигулёвск-Бахилово. В настоящее время также большая часть памятника подвергнута хозяйственной эксплуатации, и лишь небольшие участки задернованы. Селище является одиночным, ближайшим памятником именьковского времени является городище Лысая Гора, расположенное в 8 км к З-СЗ от бахиловского поселения. В настоящее время незначительное количество подъёмного материала выявлено и в долине нынешнего села Бахилова Поляна в 5,5 км к северу от бахиловского селища.

Памятник был выявлен отрядом Средневожской археологической экспедиции Самарского университета в мае 1992 года во время обследования трассы газопровода Рождественно-Жигулёвск. В том же году в связи со строительством газопровода экспедицией Самарского государственного университета по руководством Г. И. Матвеевой были проведены раскопки. Раскоп был заложен в центре зоны наиболее интенсивного распространения подъемного материала и располагался в 10 м к югу от колодцев канализационного коллектора. Из-за недостатка средств часть селища, подвергаемая разрушению, осталась недоисследованной.

Раскоп состоял из 41 квадратов размером 2х2 м, общая площадь раскопа составила 164 м², и была заложена 1 линия стратиграфического разреза шириной 0,6 м. Поверхность раскопа имела естественный уклон в сторону запада, перепад высот поверхности с востока на запада составлял 80 см. Мощность культурного слоя варьируется в пределах от 60 до 100 см. В процессе раскопок была выявлена следующая стратиграфия: верхняя часть культурного слоя состояла из современного пахотного горизонта мощностью 20-28 см, под ним располагался плотный суглинок коричневого цвета мощностью 35-70 см, плавно переходящий в желто-коричневую материковую глину.

Строительные объекты

В культурном слое было выявлено 15 объектов нескольких типов: хозяйственные и столбовые ямы, котлованы жилищ (рис. 2). Самыми распространёнными являются **ямы хозяйственного назначения** (№ 1, 2, 4-9, 13).

Сооружение № 1 представляет собой яму усечено-конической формы глубиной 140 см, округлую в плане. Так как большая её часть находилась за границами раскопа, размеры восстановить невозможно. Заполнение ямы состояло из мелко гранулированного гумусированного суглинка

чёрно-коричневого цвета с мелкими вкраплениями материковой глины, а также встречено 44 фрагмента керамики именьковской культуры и 18 костей.

Сооружение № 2 представляет собой яму чашевидной формы глубиной 50 см, бесформенную в плане размерами 75x60 см. Заполнение ямы состояло из гумуссированного суглинка серого цвета, в котором были встречены очень мелкие фрагменты керамики и костей животных.

Сооружение № 4 представляет собой яму цилиндрической формы глубиной 159 см и диаметром 196 см. Заполнение ямы состояло из гумуссированного суглинка чёрно-коричневого цвета, в котором встречались прослойки золы и сажи. По стенкам ямы наблюдались остатки древесного тлена. В заполнении встречено 579 фрагментов керамики именьковской культуры и 20 костей животных и 18 костей рыб.

Сооружение № 5 представляет собой яму цилиндрической формы глубиной 107 см и диаметром 175 см. С севера к яме примыкало округлое углубление (ступенька). Заполнение ямы сложено из нескольких компонентов: в верхней части находился переотложенный слой материковой глины, под ним слой древесного тлена, основное заполнение состояло из гумуссированного суглинка коричневого цвета, на дне обнаружены следы сажи. В заполнении встречено 107 фрагментов керамики именьковской культуры, кости животных и 1 пряслице.

Сооружение № 6 представляет собой яму глубиной 95 см округлой в плане формы, расширяющейся к низу. Диаметр ямы на уровне выявления 160-170 см, диаметр дна – 170-190 см. Заполнение ямы состояло из рыхлого гумусированного суглинка чёрно-коричневого цвета с включениями материковой глины и угля. В заполнении встречались мелкие фрагменты керамики и костей животных, кусочки янтаря.

Сооружение № 7 представляет собой яму колоколовидной формы глубиной 159 см и диаметром 190 см. Заполнение ямы состояло из гумусированного суглинка чёрно-коричневого цвета с включениями материковой глины. По стенкам ямы наблюдались остатки древесного тлена. В заполнении встречено 34 фрагмента керамики именьковской культуры, 1 пряслице, в верхней части заполнения – железный нож.

Сооружение № 8 представляет собой яму округлой в плане формы глубиной 53 см и диаметром 184-198 см. Заполнение ямы состояло из гумусированного суглинка чёрно-коричневого цвета с включениями материковой глины. В яме встречено 27 фрагментов керамики именьковской культуры и кости животных.

Сооружение № 9 представляет собой яму колоколовидной формы глубиной 130 см и диаметром 158-166 см. С северо-запада к яме примыкало углубление-ступенька. Заполнение ямы состояло из гумусированного суглинка чёрно-коричневого цвета с включениями материковой глины. В заполнении был обнаружен развал крупного сосуда горшковидной формы и ещё 55 фрагментов керамики именьковской культуры. В яме обнаружено 2 человеческих зуба.

Сооружение № 13 представляет собой яму неправильной в плане формы с неровным дном. Размер устья ямы приблизительно 145x90 см. Заполнение ямы состояло из гумусированного суглинка серого цвета с включениями материковой глины. В заполнении встречено 49 фрагментов керамики именьковской культуры и 3 кости животных.

Помимо хозяйственных, встречено 4 ямы, использовавшихся как основания **столбовых конструкций** (№ 3, 11, 12, 15). Диаметры ям – 54, 80, 66, 40 см, глубина 46, 29, 29, 15 см соответственно. Заполнение всех ям состояло из коричневого гумусированного суглинка, а среди находок встречены лишь единичные очень мелкие фрагменты керамики.

Сооружения 10 и 14 являлись **котлованами отапливаемых построек**. *Сооружение № 10* имело размеры 386x310 см и ориентирован по линии СВ – ЮЗ. С северо-восточной стороны котлован имел подпрямоугольную форму, с юго-западной – округлую. Он был углублен в материк на 20-23 см, его стенки были слегка наклонные, а дно плоское. В западной части постройки выявлен очаг в виде овального пятна прокалённой глины размером 125x64 см и толщиной 4-5 см. В заполнении котлована встречено 24 фрагмента керамики именьковской культуры.

Котлован *сооружения № 14* попал в раскоп лишь частично, однако известно, что он имел ширину 415 см, подпрямоугольную форму и ориентирован по линии СВ – ЮЗ. Котлован углублен в материк на 15-18 см, стенки наклонные, а дно плоское. В западной части постройки на полу выявлено пятно прокалённой глины диаметром не меньше 160 см (пятно большей частью уходило за пределы раскопа), мощностью 10 см. В заполнении сооружения встречено 117 фрагментов керамики именьковской культуры и 20 костей животных. Сооружение было прорезано сверху ямой № 13, что может свидетельствовать о некотором их хронологическом разрыве. Других фактов перекрытия зафиксировано не было, поэтому о соотношении других объектов говорить сложно. Следов пожара и разрушения автором раскопок не отмечено. Характер сложения

культурного слоя поселения, свидетельствует о его непродолжительном существовании.

Вещевой комплекс раскопа

Найденные в раскопе находки свидетельствуют о функционировании на поселении нескольких производств.

Наиболее распространенное из них – ***гончарное***. По полевой документации удалось восстановить, что изначальная численность коллекции керамики составляла около 4500 единиц. К моменту настоящего исследования она дошла лишь в составе 1480 единиц. Основная часть керамики – 1448 фрагментов относится к именьковской культуре, эпохи Великого переселения народов. Вся керамика имеет характерный для именьковской культуры облик — черепки толщиной 0,7-1 см имеют грубую бугристую поверхность, с большим количеством выступающих зёрен шамота и пустот от выгоревшей органики. Лишь 2% сосудов имеют ровную заглаженную поверхность или лощение. Технологические особенности керамического комплекса уже рассматривались нами отдельно (Никитина, 2015). Материал мелко фрагментирован и формы сосудов практически не поддаются реконструкции, в связи с чем посуду можно разделить на несколько условных категорий, опираясь в основном на их размерные характеристики.

1) Крупные сосуды для хранения и/или транспортировки (предположительный объём — 4-9 л). Среди них выделяются горшковидные ёмкости крупных размеров с сильно расширенным устьем, небольшой прямой или слегка отогнутой шейкой и высоко расположенным "ребром" (максимальным расширением сосуда) (сосуды № 7, 14, 18, 22, 38, 40) и один сосуд с высокой прямой шеей, округлобокими плечами и узким дном (сосуд № 4).

2) Горшковидные сосуды средних размеров и пропорций с размытыми функциями (предположительный объём — 0,8-2,5 л). Эта группа сосудов имеет наиболее широкое распространение не только среди именьковской культуры, но и среди большинства племён Восточной Европы эпохи Великого переселения народов. Их размеры распределяются достаточно однородно. Диаметры устья такие: 9-10, 12, 14-16, 18, 20-21, 24-25. Высота точно известна только у одного сосуда – 7,5 см (№8). Нужно отметить, что большая часть сосудов имеет расширение устья больше или равное расширению тулова, что сближает их формы с мисками.

3) Миниатюрные сосудики (до 200 мл) (сосуды № 16, 17, 27, 35, 54, 61, 62). Всего обнаружено 7 экземпляров: 3 из них имеют горшковидную форму, 2 – форму напёрстка, форму двух других восстановить невозможно. Самый маленький сосуд имеет высоту – 1,9 см и диаметр устья – 2,5 см, самый крупный – ок.6 и 9 см соответственно.

4) Керамические диски, предположительно, выполнявшие роль сковород, толщиной около 1 см, имеющие по краю бортик высотой не более 0,5 см. Диаметры сковород – 34, 29, 27 и 30 см (сосуды № 1, 9, 21, 37, соответственно диаметрам).

В небольших количествах присутствуют следы **металлургического производства**. Обнаружены бессистемно располагавшиеся по всему раскопу куски шлака и 31 фрагмент сильно раздувшейся и ошлакованной, вероятно, технологической керамики. На кв. 16 найден тигель конусообразной формы с остеклованной внешней поверхностью (рис. 7:9), что указывает на то, что плавка осуществлялась не просто в тигле, а производилась внутри печи. Внутри тигля сохранились следы некоего сплава, содержащего медь (возможно бронза или латунь). В слое поселения обнаружен фрагмент керамического предмета (скорее всего в форме параллелепипеда) (рис. 7:8), вероятно являвшегося частью сопла из металлургического горна (или печи). Остатки самого устройства в пределы раскопа не попали. К данному производству возможно относится и найденный в раскопе кусок породы с содержанием меди. Несмотря на это изделия из металла немногочисленны. Среди них два обломка железной проволоки, округлой в сечении и толщиной до 2 мм (рис. 9:17), два железных кольца диаметром 2,2 и 2,5 см, в сечении округлые до 4 мм (рис.9:18, 19). Назначение ещё двух железных предметов определить не удалось (рис. 9:14, 15) (не исключено и современное происхождение).

Ещё одним распространённым видом домашнего производства являлось **прядение**. Следы от него на поселении представлены 10 целыми 4 фрагментами пряслиц (рис. 9:1-13). Типологически пряслица разделяются на две неравные группы. К первой группе относятся усечено-биконические со сглаженными очертаниями, высотой 1,4-1,8 см, диаметром 3,1-3,4 см. Формы пряслиц обтекаемые – углы и рёбра сглажены. Ко второй группе относятся усечено-биконические пряслица с четко выделенным ребром. Высота пряслиц 1,1-1,3 см и диаметр — 2,3-2,6 см. Прядельный инвентарь именьковской культуры не поддаётся классификации и имеет лишь набор общих идентифицирующих признаков

(это – усечено-биконическая форма и определённый диапазон размеров), остальные же характеристики индивидуальны для каждого отдельного памятника.

На период существования поселения указывает только одна стеклянная бусина сапфирового цвета, изготовленная из однослойной тянутой палочки, одноцветная без декора. Она имеет форму параллелепипеда со срезанными вершинами, размерами 0,8x0,75x0,7 см, диаметр отверстия – 1,9 мм. Соответствует типу IVA49 по Е. В. Голдиной (Голдина, С. 32, 59-60, 144), имеющему очень широкий хронологический диапазон IV-IX вв. н.э., или тип IVA56, датирующийся VI в. н.э. (Там же, С. 32, 140). Автор раскопок Г. И. Матвеева относил селище к наиболее ранним памятникам на Самарской Луке (Матвеева, 2000. С. 104). Хотя строгих хронологических индикаторов обнаружено не было, в качестве косвенных признаков данную точку зрения может подкреплять небольшая мощность культурного слоя, слабо углубленные с неправильными очертаниями постройки, а также небольшой размер поселения и его одиночное расположение.

Кроме именьковских, на поселении обнаружены и материалы других культур. На 1 горизонте 36 квадрата обнаружено 2 фрагмента керамики салтовской культуры относящиеся к одному сосуду (рис. 8:10). Сосуд имел гладкую тщательно заглаженную поверхность, украшенную сетчатым лощением. Кроме того, в коллекции присутствуют 16 фрагментов керамики монгольского золотоордынского времени, относящиеся к 7 сосудам. Ввиду немногочисленности данного материала, сделать выводы о характере попадания этих находок в слой сложно.

Итак, выявленные на селище Бахилово материалы, убедительно свидетельствует о том, что поселение входит в число памятников, оставленных населением именьковской культуры, однако ввиду небольшого масштаба раскопок, немногочисленности полученных находок, отсутствия чётких хроноиндикаторов, расширить наши представления о данном памятнике могут лишь новые полевые исследования.

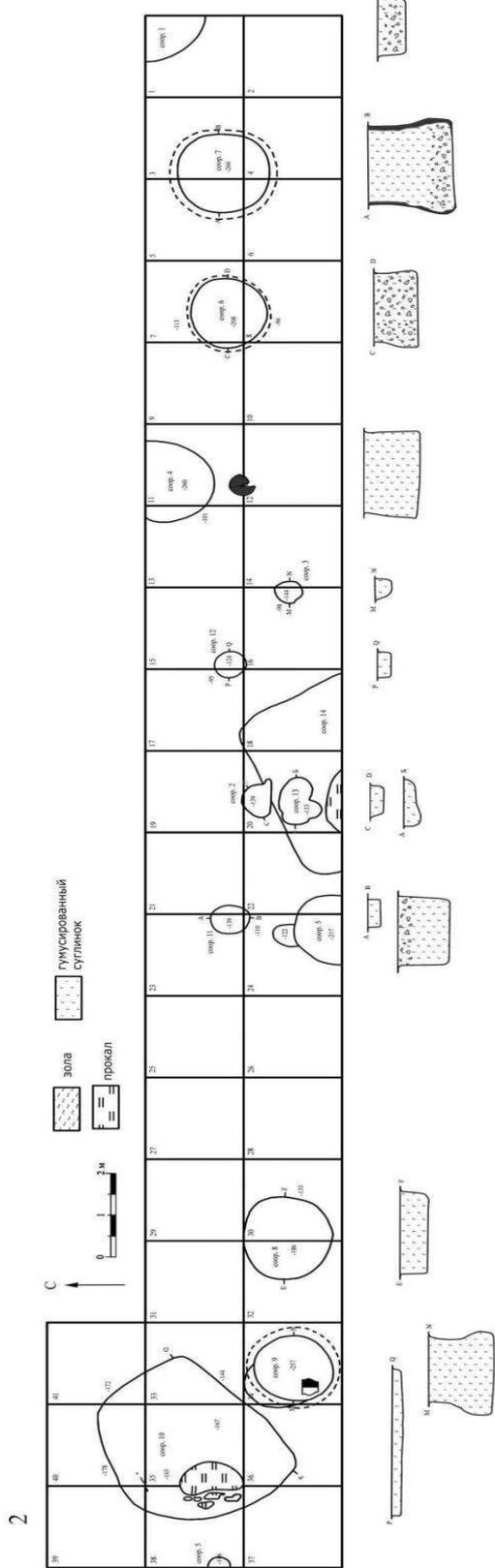
Автор статьи выражает благодарность за предоставленную возможность работы с коллекцией сотрудникам археологических фондов СамГУ Скарбовенко В. А и Ломейко П. В.

Рис. 1. Селище Бахилово. Инструментальный план селища

1

2

Рис. 2. Селище Бахилово. 1 — вид на селище с запада с высоты птичьего полёта; 2 — планиграфический план раскопа и профили выявленных объектов.

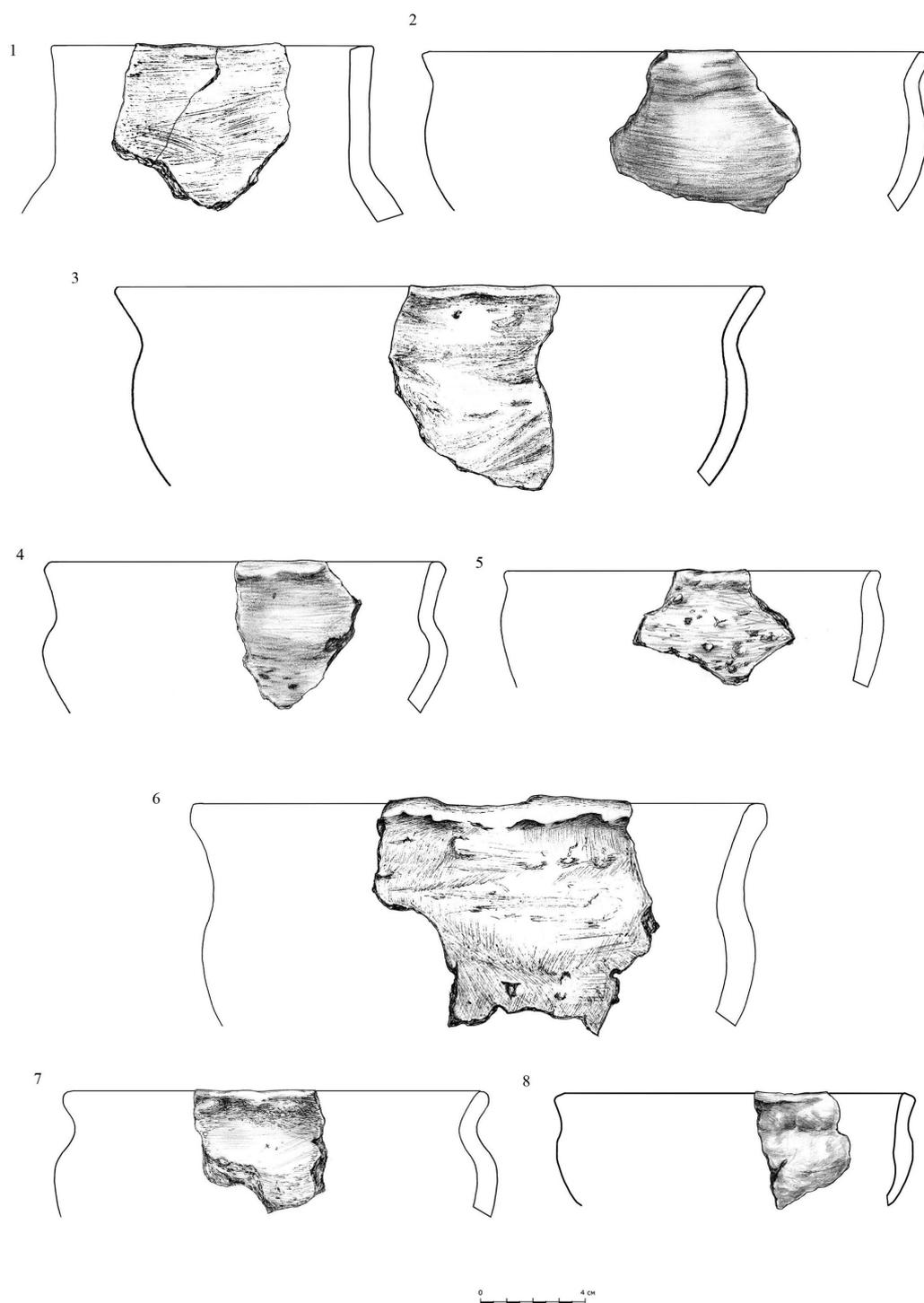

Рис. 3. Селище Бахилово. Керамика из культурного слоя. 1 – сосуд № 4 (кв. 8 г. 2),
 2 – № 6 (кв. 2 г. 3), 3 – № 5 (кв. 2 г. 3), 4 – № 2 (кв. 13 г. 3), 5 – № 3 (кв. 13 г. 3),
 6 – № 15 (бн), 7 – № 26 (кв. 11 г.3), 8 – № 58 (кв. 36 г.2).

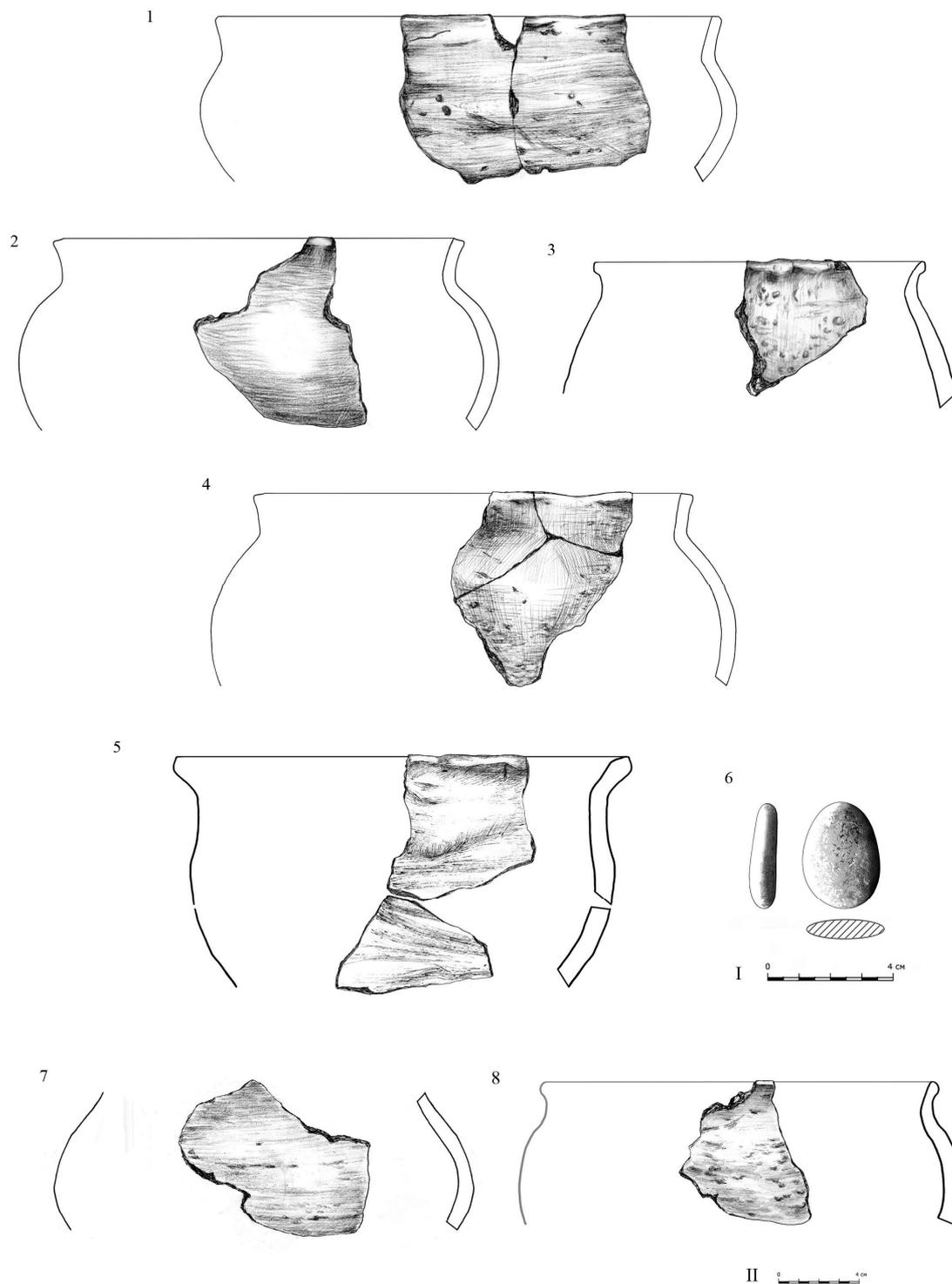

Рис. 4. Селище Бахилово. Керамика из культурного слоя.
 1 – сосуд № 30 (бн), 2 – № 31 (кв. 30 г.3), 3 – № 52 (соор. 7),
 4 – № 25 (кв. 30 г.4), 5 – № 57 (кв. 36 г.2), 7 – № 50 (соор. 7),
 8 – № 56 (защ. 2 г. вост.сек.); Каменное лоцило. 6 – кв. 15 г. 1;
 Масштабы: I – к позиции 6, II – 1-5, 7, 8

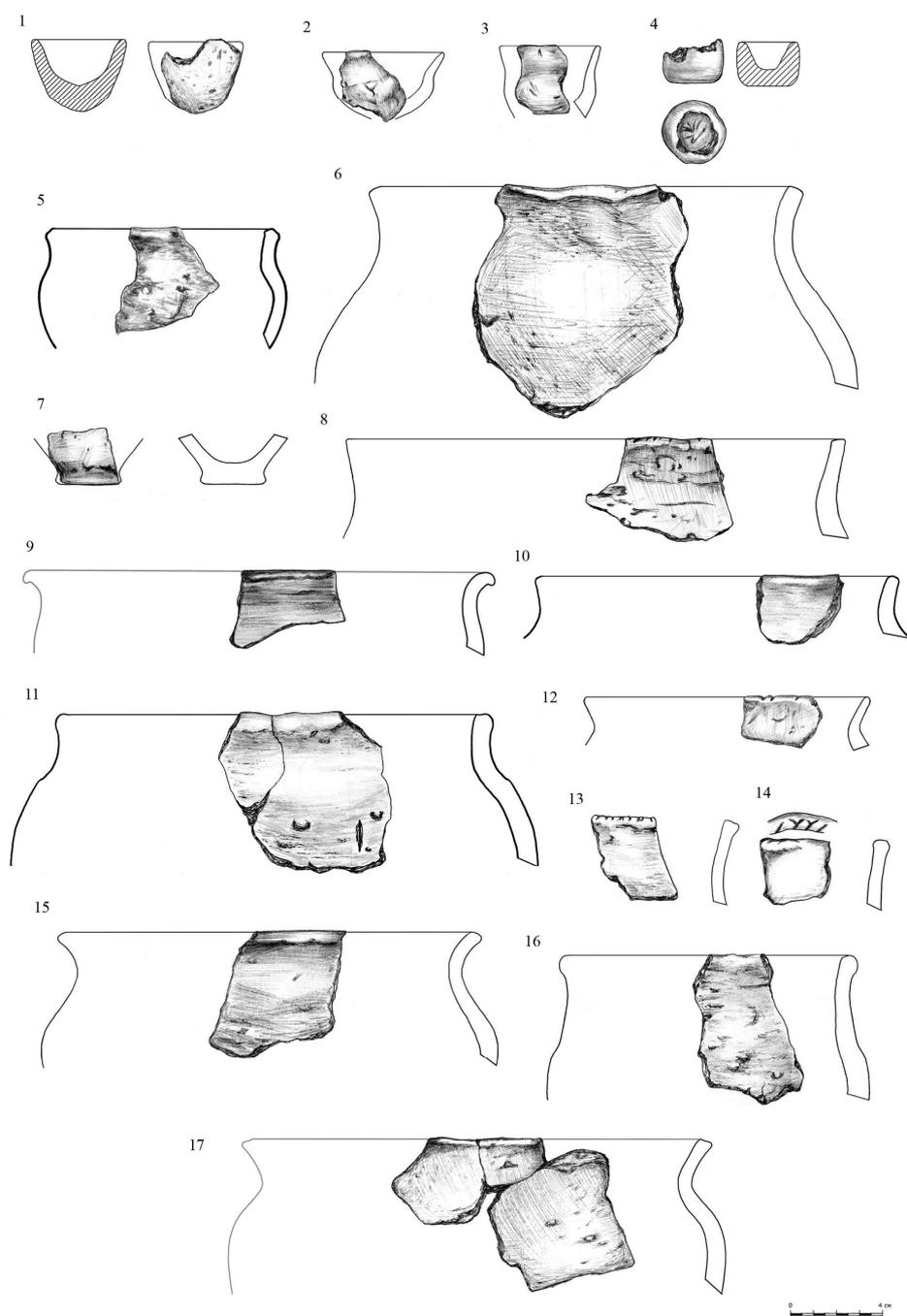

Рис. 5. Селище Бахилово. Керамика из культурного слоя.
 1 – сосуд № 16 (бн), 2 – № 17 (кв. 7 г.1), 3 – № 35 (кв. 32 г.1), 4 – № 62, 5 – № 54
 (кв. 19 г. 1), 6 – № 23 (соор. 5), 7 – № 27 (кв. 11 г.3), 8 – № 40 (соор. 13), 9 – № 51 (соор.7),
 10 – № 39 (соор. 13), 11 – № 55 (зач. 2 г. вост.сек.), 12 – № 28 (кв. 15 г. 1), 13 – № 63,
 14 – № 64, 15 – № 33 (кв. 30 г. 3), 16 – № 29 (кв. 16 г. 1), 17 – № 34 (кв. 10 г. 3)

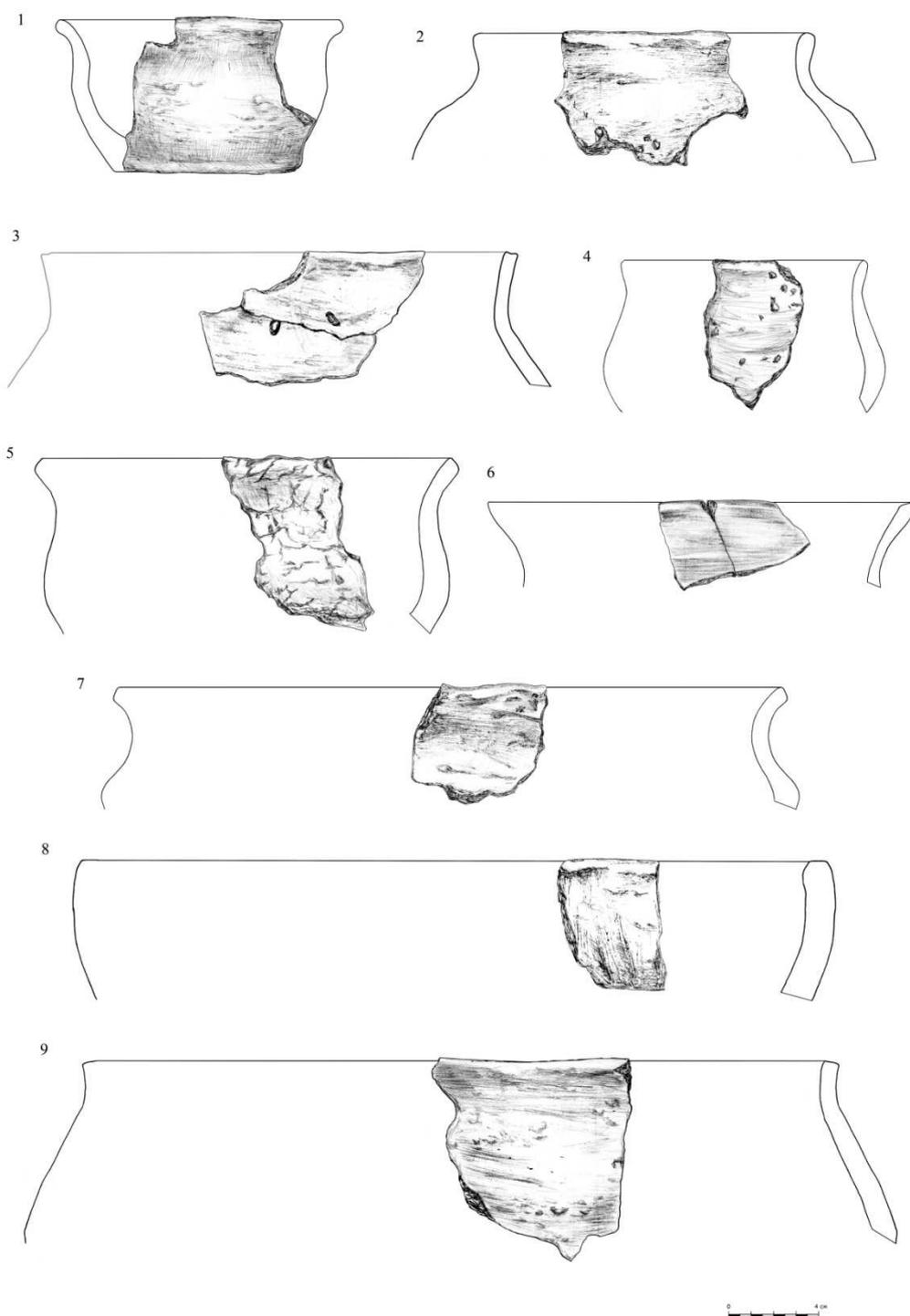

Рис. 6. Селище Бахилово. Керамика из культурного слоя. 1 – сосуд № 8 (соор. 4), 2 – № 12 (соор. 4), 3 – № 24 (кв. 3 г. 3), 4 – № 36 (кв. 25. г. 1), 5 – № 11 (соор. 4), 6 – № 10 (соор. 4), 7 – № 14 (соор. 4), 8 – № 7 (кв. 33 г. 2), 9 – № 22 (кв. 5 г. 3)

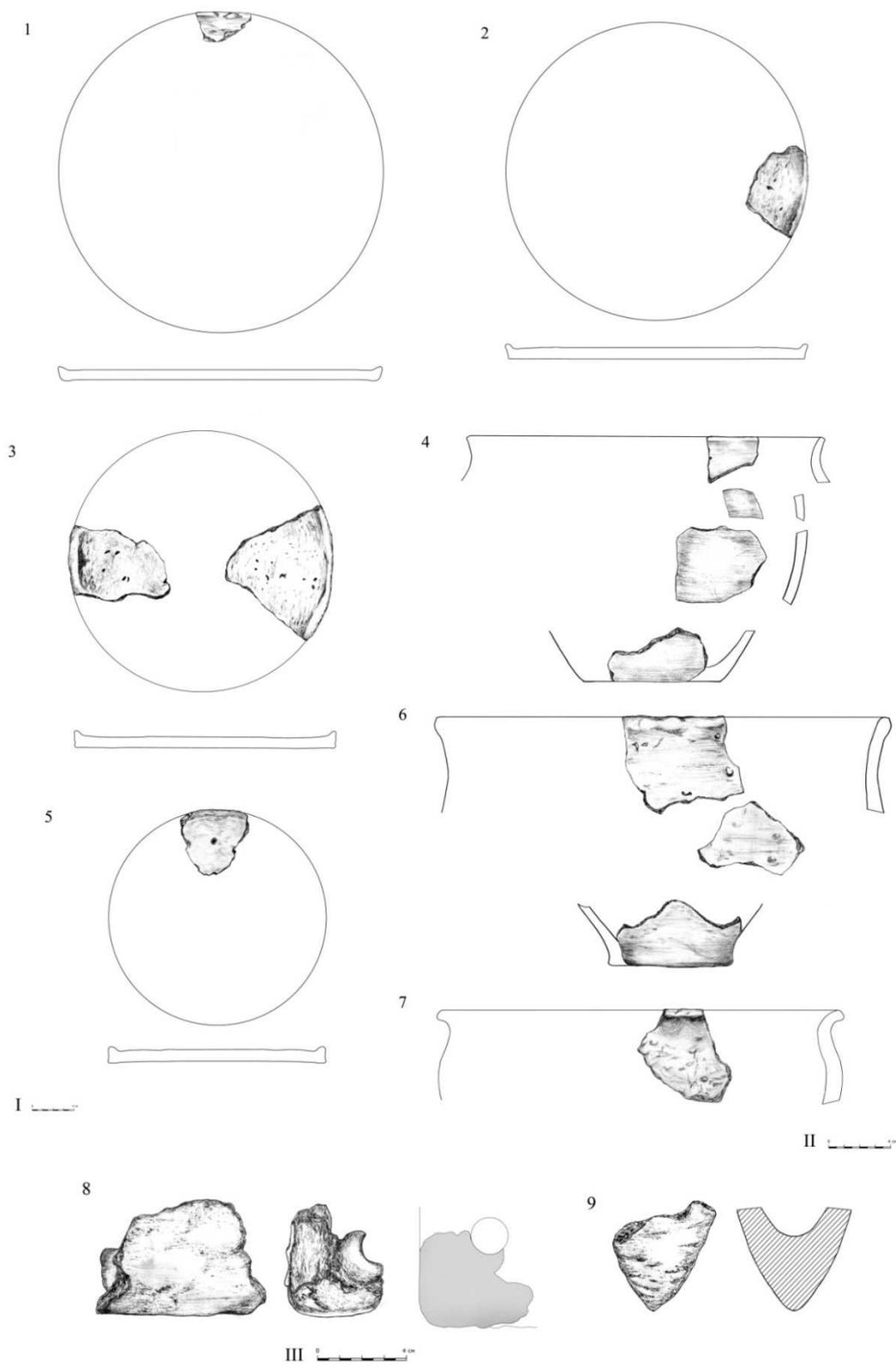

Рис. 7. Селище Бахилово. Керамика из культурного слоя. 1 – сосуд № 1 (кв. 13 г. 3), 2 – № 9 (соор. 4), 3 – № 21 (соор. 6), 4 – № 36 (кв. 25 г. 1), 5 – № 37 (кв. 24 г. 2), 6 – № 38 (соор. 10), 7 – № 32 (кв. 30 г.3). Технологическая керамика. 8 – кв. 30 г. 4, 9 – кв. 16; Масштабы I – к позициям 1-3, 5, II – 4, 6, 7, III – 8, 9

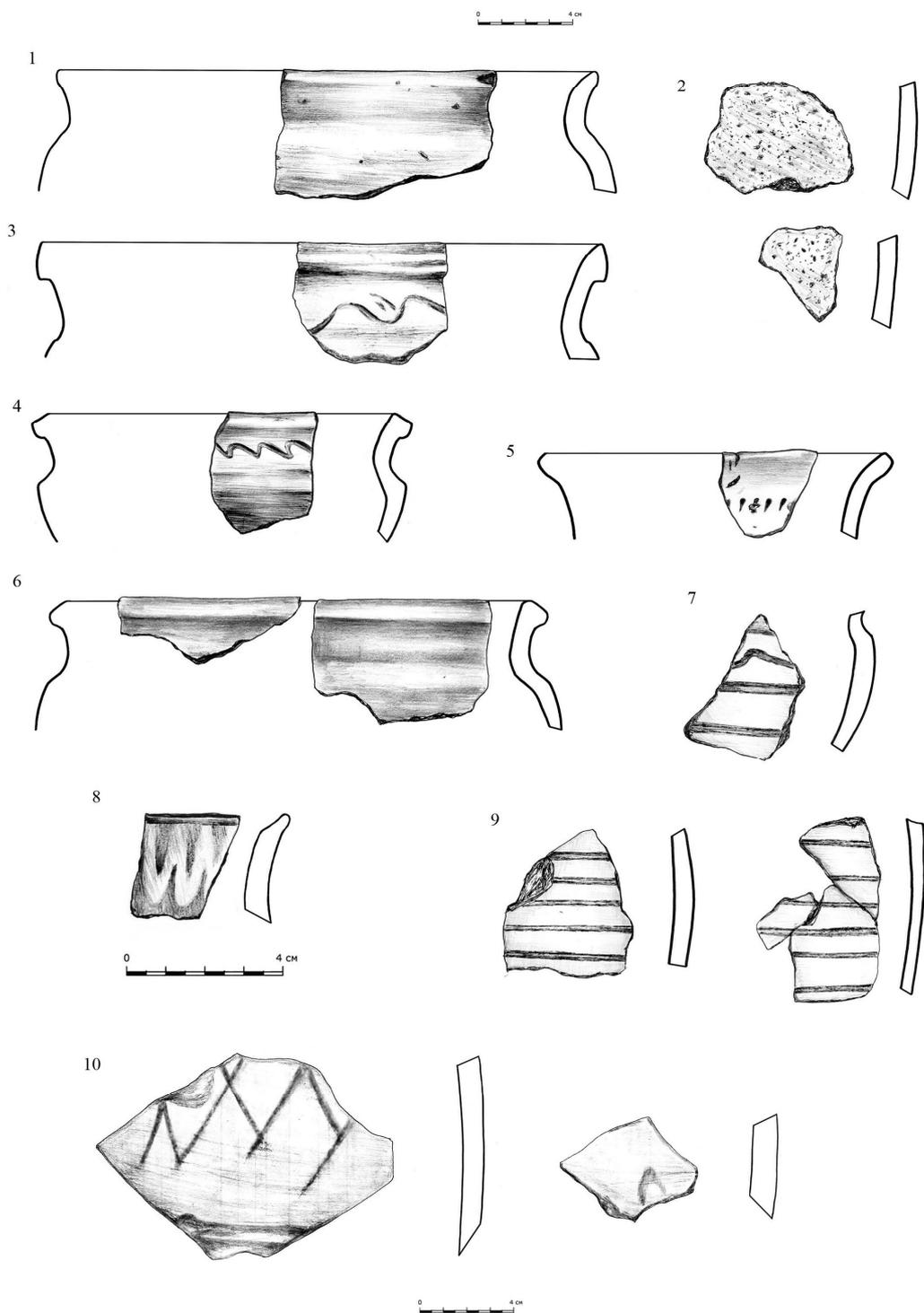

Рис. 8. Селище Бахилово. Керамика из подъёмного материала. 1 – сосуд № 41, 2 – № 44, 3 – № 42, 4 – № 46, 5 – № 5, 3 6 – № 47, 7, 9 – № 48, 8 – № 65 (кв. 32 г. 2), 10 – № 20 (кв. 36 г. 1)

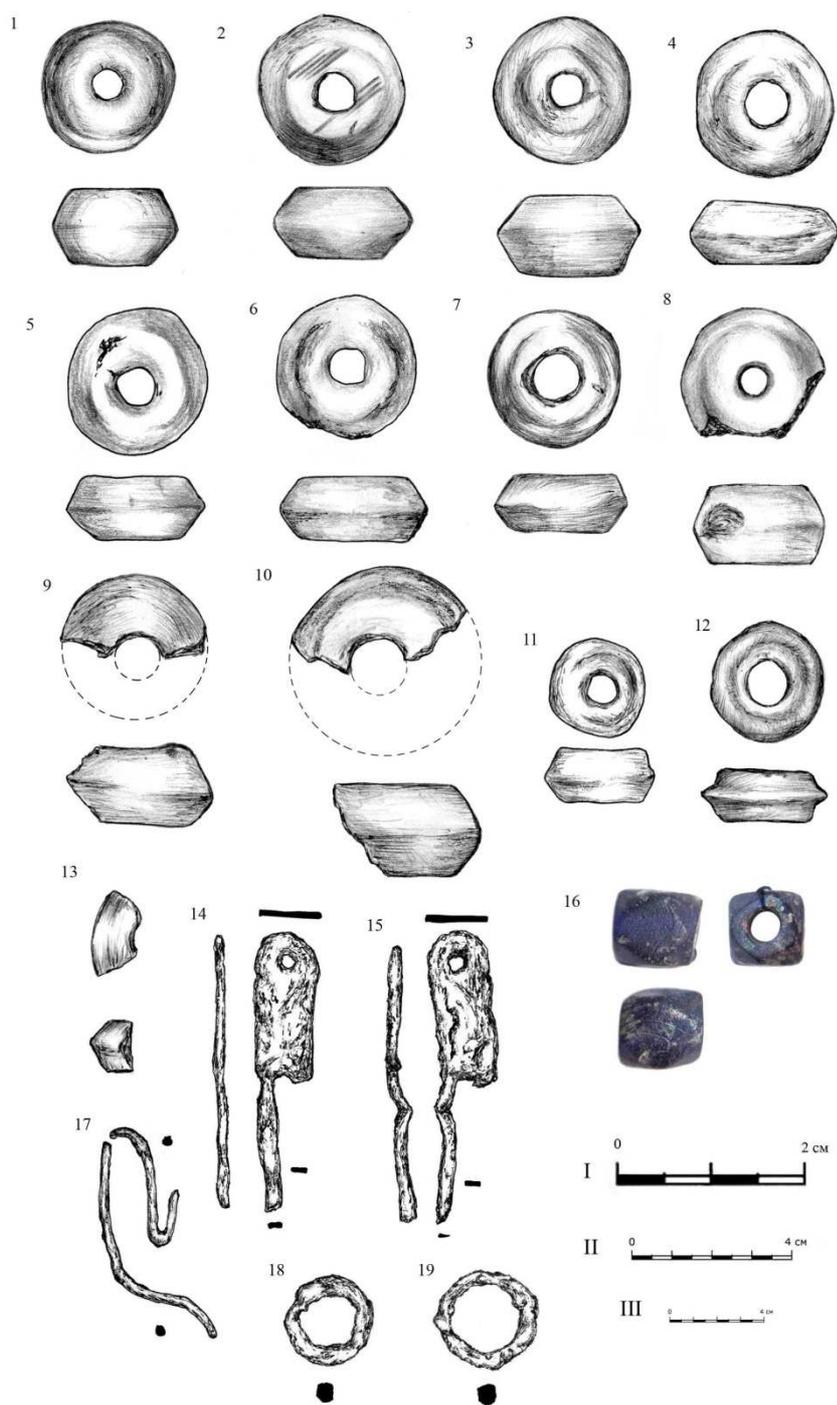

Рис 9. Селище Бахилово. Керамические пряслица. 1 – кв. 30 г. 4, 2 – кв. 3 г. 1, 3 – кв. 9 г. 3, 4 – кв. 20 г. 2, 5 – соор. 5, 6 – кв. 34 г. 2, 7 – соор. 7, 8 – кв. 26 г. 3, 9 – кв. 17 г. 3, 10 – кв. 22 г. 2, 11 – кв. 3 г. 1, 12 – кв. 34 г. 1, 13 – кв. 33 г. 2. Вещевой инвентарь. 14, 15 – кв. 32 г. 1, 16 – кв. 2 г. 1, 17 – кв. 31 г. 3, 18 – кв. 2 г. 1, 19 – кв. 13 г. 3; 1-13 – глина, 14-15, 17-19 – железо, 16 – стекло. Масштабы I – к позициям 16, II – 14-15, 17-19, III – 1-13

Литература

Голдина Е. В. Бусы могильников неволинской культуры (конец IV-IX вв.). МИ КВАЭ. Т. 6. Ижевск, 2010. 264 с.

Матвеева Г. И. Отчет о раскопках Бахиловского I селища. Самара, 1993а // Архив Археологической лаборатории СамГУ.

Матвеева Г. И. Памятники начала эпохи великого переселения народов (II-IV века н.э.) // История Самарского Поволжья с древнейших времён до наших дней. Ранний железный век и средневековье. М.: Наука, 2000. с. 94-112.

Никитина А. В. Особенности гончарного производства селища Бахилово эпохи Великого переселения народов на территории Самарской Луки // Известия СНЦ РАН. Том 17 №.3. Самара, 2015. с. 295-299.

УЧИТЕЛЬСТВО КУЙБЫШЕВСКОЙ ОБЛАСТИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XX ВЕКА)

В статье рассматриваются процессы, происходящие в народном образовании во второй половине XX века.

Ключевые слова: *учительские кадры, педагогические учебные заведения, заочное образование, система повышения квалификации учителей.*

После Великой Отечественной войны, несмотря на огромную нехватку средств, система образования постепенно восстанавливалась. Преодолевалась неграмотность, которая появилась в стране после войны. Количество школ превысило довоенный уровень, особенно быстро оно росло в начале 1950-х годов, когда в городах стало вводиться обязательное семилетнее образование. Рос престиж среднего образования. За 1950-е годы в 2,5 раза увеличилось количество выпускников средних школ (Народное хозяйство, 1982.С.502). В Куйбышевской области контингент учащихся 8-10 классов в 1952 году увеличился на 64,2 % по сравнению с 1951 годом (СОГАСПИ Ф.400. Оп.4. Д.51. Л.11), в 1954 году – на 44,3 % по сравнению с предыдущим годом (СОГАСПИ Ф. 3669. Оп. 1. Д. 2285. Л. 9).

В первый послевоенный год численность учителей составляла в Куйбышевской области 7317 человек, из них с высшим образованием было 545 (7,4%), закончивших учительский институт 1211 (16,6%), со средним профессиональным и общим образованием – 5170 (70,7%), с незаконченным средним образованием – 391 (5,3%) (СОГАСПИ Ф.656. Оп.37. Д.210. Л.17.).

Наблюдалась острая нехватка учителей в школах всех типов: за годы войны сократился выпуск специалистов, учителя уходили на фронт. На начало 1945-1946 учебного года в Куйбышевской области не хватало 981 учителя, а это шестая часть всех учителей (СОГАСПИ Ф. 400. Оп. 1. Д. 355. Л. 3.).

Особенно тяжелым было состояние с учительскими кадрами в старших классах. От одного года до трех лет не велись отдельные предметы, особенно не хватало учителей иностранного языка, черчения, физкультуры. С 1947-1948 учебного года в некоторых городских школах началось преподавание логики, психологии, что усиливало нехватку кадров.

Как следствие недостаточной подготовки учителей являлись слабые знания учеников. Проверка Рождественской средней школы Молотовского района Куйбышевской области показала, что во всех сочинениях учащихся десятого класса пропущено учителем от 1 до 6 ошибок, из 43 письменных работ учащихся седьмых классов в 37 были пропущены ошибки (СОГАСПИ Ф. 400. Оп. 1. Д. 363. Л. 26.).

Ученики Пестравского района Куйбышевской области (это была типичная картина для сельских школ) показали в 1945-1946 учебном году следующие знания: из 2168 учеников начальных школ не успевало 17 %, из 104 учеников старших классов не успевало 31 %, из 1501 ученика средних классов не успевало 27 %, всего по району не успевало 21 % (СОГАСПИ Ф.400.Юп.1. д.363. Л.13.).

Нехватка учителей была также связана с тяжелым материальным положением педагогов и низкой заработной платой, которая к тому же не всегда вовремя выплачивалась, начавшейся реэвакуацией учителей. Общие условия жизни и трудности с жильем приводили к нехватке учительских кадров, особенно в сельской местности. Самой главной проблемой была жилищная. Хотя, как свидетельствуют архивы, в распоряжении областных и районных отделов народного образования не было исчерпывающих данных о материально-бытовом состоянии учителей (СОГАСПИ Ф. 400. Оп. 1. Д. 355. Л. 13.). Но, если учитывать, что план ввода жилья в Куйбышевской области систематически не выполнялся (например, в 1947 году он был выполнен на 62 %) и строительная индустрия называлась одной из самых отстающих, то жилья катастрофически не хватало. Отсутствие жилья являлось главной причиной текучести кадров везде, в том числе и в школе (СОГАСПИ Ф. 2521. Оп.6. Д.37. Л.18.).

Отвлекало от работы собственное хозяйство, без которого нельзя было существовать в сельской местности. Местные власти старались помочь учителям вести хозяйство: вспахать огород, приобрести мелкий рогатый скот, птицу, привезти дрова, наладить освещение (СОГАСПИ Ф. 400. Оп. 1. д. 360. Л.20.)

Учителям приходилось самим изготавливать все наглядные пособия. дефицит бумаги, школьно-письменных принадлежностей, учебников значительно затруднял работу учителей. Все эти трудности, в первую очередь жилищно-бытовые, отпугивали выпускников педагогических учреждений, и они неохотно шли работать в школу, особенно в сельскую. Например, из 106 выпускников Куйбышевского педагогического и

учительского институт не выехали на работу 35 человек, из 34 выпускников Сызранского учительского института в школу пошли работать 7 человек (В районы выезжали выпускники в количестве не более 30 % плана (СОГАСПИ Ф. 400. Оп. 1.д. 355. Л. 3,6).

Не решали проблемы ни мобилизация учителей из армии, ни направление в деревни учителей-коммунистов (их было немного), ни призывы к городским учителям ехать в сельские районы (как правило, те отказывались по разным уважительным причинам). Прибегали и к более жестким мерам: дела выпускников, не явившихся к месту работы и работающих в других районах учителями, направлялись в суд, который заставлял ехать выпускника к месту назначения.

Учителя жили трудно, ситуация медленно менялась в лучшую сторону. Средний уровень заработной платы учителей в 1950 году поднялся до 600 рублей. Хотя достаточно точных исследований, которые бы содержали соответствующие расчеты, нет, можно считать, что в 1950 году реальная заработная плата вновь достигла уровня 1940 года, было преодолено ее значительное уменьшение в годы войны. Но уровень 1940 года всего лишь равнялся уровню 1928 года, который не слишком превосходил соответствующий показатель периода до первой мировой войны. На протяжении всех 50-х годов реальная заработная плата постоянно росла; в 1954 году она на 40-50 % превосходила самый высокий уровень предшествующих лет. С 1930 по 1964 год пять раз повышалась заработная плата учителей (Народное образование, 1967. С.175). В советской стране существовали помимо заработной платы льготы, которые призваны были улучшить материальное положение советских людей: пенсии, бесплатное медицинское обслуживание, оплачиваемые декретные отпуска, пособия многодетным семьям, помощь семьям погибших и инвалидам войны. Но все это не меняло общей оценки, сводящейся к тому, что жить учителям, как впрочем, и другим категориям населения, приходилось в большой нужде.

Кадровая проблема стояла очень остро и решалась на местах разными способами. Учителей готовили на шестимесячных курсах, на годичных областных и районных курсах (по районам Куйбышевской области в 25 пунктах функционировали курсы подготовки учителей 1-4 классов на 480 человек и курсы подготовки учителей 5-7 классов на 160 человек) (СОГАСПИ Ф. 400. Оп. 1. Д. 355. Л. 6.); отзывали учителей, работающих не по специальности; привлекали возвращающихся из армии по мобилизации (до конца 1945 года учителя были мобилизованы из

армии, вскоре этот контингент перестал быть источником пополнения работников народного образования). Министерство просвещения РСФСР разрешило обучать на курсах в отдельных случаях учеников, окончивших 9 классов. Среди слушателей курсов были недавние девятиклассники, лица, не имеющие среднего образования.

В целях ускоренного решения задачи пополнения школ учителями в первые послевоенные годы в ряде средних школ были открыты одиннадцатые, дополнительные педагогические классы, готовившие учителей начальных школ. А несколько позднее (с 1955 г.) возникли двухгодичные педагогические училища на базе десятилетки.

Главную роль в подготовке учительских кадров играли Куйбышевский педагогический и учительские институты, педагогические училища.

Еще в 1930-е годы произошло разделение учреждений педагогического образования на 2 крупные подсистемы: педагогические училища, которые готовили учителей для 1-4-х классов и воспитателей дошкольных учреждений и учительские и педагогические институты, а также университеты, которые готовили учителей для средней и старшей ступеней общеобразовательной школы. Учителей начальных классов готовили 5 педагогических училищ: Куйбышевское педагогическое училище, Сызранское педучилище, Ставропольское п/училище. Мало-Толкайское или Подбельское п/училище (мордовское), Камышлинское педучилище (татарское).

На начало 1946/1947 уч.год в 5 училищах на школьных отделениях обучалось 1117 уч-ся, из них 927 женщин и 190 мужчин. Следует заметить, что в национальных училищах мужчин было больше (в Мало-Толкайском из 428 учащихся ребят было 106; в Камышлинском из 209 уч-ся мужчин было 55), тогда как в Сызранском из 226 учащихся 223 были девушки). Объяснить это можно тем, что в селах, особенно национальных, престиж учительского труда был выше, чем в городе. Училища давали хороший шанс, не уезжая далеко от дома, получить специальность. К тому же в городе был намного больше выбор профессий. В подавляющем большинстве учащиеся получали стипендию, из 1117 получали стипендию 1095 человек). Освобождались от платы за обучение 298. Труднее всего было с жильем. В общежитиях жили 343 уч-ся, на частных квартирах – 534.

Очень характерная картина успеваемости: по 5 педучилищам на начало сессии 1946-1947 уч.года обучалось 885 заочников, на сессию было вызвано 880 уч-ся, явилось 718, сдавали экзамены 685; отличных

оценок не было, на «отл» и «хор» сдали 16 человек, 408 получили неудовлетворительные оценки, переведены 210 уч-ся, оставлены на второй год 594 уч-ся, допущены к госэкзаменам – 81 человек. Обращает на себя внимание не только слабая успеваемость, но и тот факт, что в столь трудное время преподаватели предъявляли строгие требования к знаниям учащихся, оставляли на второй год (у многих была уважительная причина), училища изыскивали средства для продолжения обучения отстающим студентам (СОГАСПИ Ф. 400. Оп.1. Д.431. Л.9).

Преподавательский состав отвечал предъявляемым требованиям. Всего в 5 училищах работали 71 педагог, с высшим образованием 37, с незаконченным высшим – 17, со средним -17, в основном преподаватели музыки, пения, рисования, труда, физкультуры. Женщин – 30. Оптимальным был возрастной расклад. Менее 5 лет работали 9 человек, от 5 до 9 лет – 12, от 10 до 25 – 37, более 25 – 13 преподавателей. Этим объясняется качественная подготовка в системе педучилищ. Не секрет, что учителя, даже получив в дальнейшем высшее образование, высоко оценивали те знания и особенно методические навыки, которые они получили в системе среднего педагогического образования (СОГАСПИ Ф. 400. Оп.1. Д.431. Л.5).

Куйбышевское педагогическое училище и еще четыре училища, находившиеся на территории области (Сызранское, Ставропольское, Камышлинское, МалоТолкайское) в 1950– годы в целом решили проблему обеспечения начальных школ квалифицированными кадрами.

В послевоенный период широкое распространение получила подготовка специалистов без отрыва от основной работы в вечерней и заочной системе образования. Выпуск специалистов, подготовленных без отрыва от производства, происходил с большим нарастанием.

В середине 60-х годов численность студентов, обучающихся на вечернюю и заочных отделениях, превысила количество студентов очной формы обучения. Особенно это касалось педагогических учебных заведений. В 1957-1958 учебном году в г. Куйбышеве вели подготовку специалистов 7 вузов из них в трех имелись заочные отделения, на которых обучался 4171 студент, при этом пединституте училось 83 % всех студентов-заочников (СОГАСПИ Ф.3669. Оп.1. Д.2285. Л.9).

В самом педагогическом институте соотношение студентов дневной заочной форм обучения составляло 1:1,8 (СОГАСПИ Ф. 2521. Оп. 24. Д. 754а. Л.10-11).

Расширение заочной формы обучения вело к увеличению выпуска специалистов, но качество их подготовки было невысоким. В межсессионный период практически не оставалось времени для серьезных учебных занятий. Основной упор на изучение материала приходилось на время сессии. Продолжительность сессии: 20 дней на младших курсах и 30 дней на старших, сессионный период был перегружен ежедневными занятиями, В этих условиях большая масса студентов не могла выполнять требований, предъявляемых учебным планом. Основной контингент заочных факультетов составляли жители сельской местности, небольших городов, где трудно было достать необходимую литературу. Успеваемость на заочных отделениях вузов была ниже, чем на дневных отделениях, и в среднем составляла 55-60%.

Серьезные трудности испытывали учебные заведения с сохранением контингента. В Куйбышевской области в послевоенное десятилетие в 9 педагогических учебных заведениях (2 пединститута, 2 учительских института, 5 педучилищ) отсев достигал половины учащихся. Причинами столь высоких потерь были как серьезные трудности послевоенного периода, бытовые и материальные проблемы, так и недостатки в организации учебного процесса. Совмещение работы с учебой при невысоком уровне званий оказалось тяжелой задачей для основной массы студентов, что привело к снижению качества знаний и успеваемости.

Вузы проводили значительную работу по улучшению преподавания на заочных отделениях. Руководители институтов добивались, чтобы на заочных отделениях работали ведущие специалисты. Положительные результаты давало прикрепление преподавателей к группам для поддержания с заочниками постоянной учебной связи. Преподаватель в течение всего учебного года заботился о повышении успеваемости по соответствующей дисциплине. Он следил за успехами студентов, контролировал результаты их учебы на установочной сессии, на практических занятиях, в межсессионный период, осуществляя письменную связь с учащимися вверенной ему группы и организуя консультации по своей дисциплине. Но такая четкая организация учебного процесса, скорее, была исключением из правил. Большая нагрузка преподавателей, отсутствие материального поощрения, опора только на энтузиазм нередко являлись причиной того, что очередная кампания не шла дальше благих намерений.

Несмотря на все издержки заочного обучения (слабая успеваемость, большой отсев), оно повышало квалификацию учителей, а они составляли

большинство среди студентов-заочников. В 1951– 1952 учебном году учителя среди студентов заочников составляли 60 % в педучилищах, 70% в учительских институтах (СОГАСПИ Ф. 2521. Оп. 13. Д.435. Л.62).

Возможность получения заочного образования способствовала закреплению кадров, особенно в сельских школах. Учителя из числа местных жителей после окончания училища или вуза, как правило, продолжали трудиться в своей школе.

В послевоенный период окончательно сложилась система повышения квалификации учительских кадров, которая после войны решала проблему не только переподготовки, но и подготовки кадров. Восстанавливалась и развивалась возникшая еще до Великой Отечественной войны сеть институтов усовершенствования учителей, городских и районных методических кабинетов, кустовых предметных объединений педагогов, опорных и базовых школ, занимающихся переподготовкой и повышением квалификации учителей.

Основная организующая роль в этой системе отводилась созданным перед войной Институтам усовершенствования учителей (ИУУ). Куйбышевский ИУУ был создан в 1938 году и в послевоенный период формы работы сохранялись довольно продолжительное время. В послевоенные годы (1946-1956 гг.) наиболее распространенными формами повышения квалификации были краткосрочные курсы, проводимые в летнее время. Ежегодно на курсах повышали свою квалификацию 20 % учителей, и, таким образом, все учителя могли пройти через систему повышения квалификации в течение пяти лет. Программа курсов предусматривала изучение теоретического материала, овладение опытом работы передовых учителей. Занятия на курсах вели преподаватели вузов, опытные учителя.

В 1960-е годы в учебных планах курсов большое место, наряду с теоретической подготовкой, занимали практические и лабораторные занятия, экскурсии, занятия по труду в мастерских, на учебно-опытных участках, в учебно-производственных бригадах. Курсы выполняли функции передачи передового опыта. Само понимание передового опыта вызывало трудности у учителей. На практике все те методические приемы, которые вели к повышению успеваемости, ассоциировались у учителей с передовым опытом. Выступая в качестве лекторов, руководителей семинаров и практических занятий, лучшие педагоги раскрывали те или иные вопросы на примере своего опыта. Курсы повышали общеобразовательный уровень сельских учителей. Наряду с

занятиями предполагалось посещение театров, музеев, выставок, городских достопримечательностей.

Активно использовалась и такая форма повышения квалификации, как семинары продолжительностью от трех до пятнадцати дней. Они носили прикладной характер. 75 % времени отводилось на посещение уроков опытных учителей и 25 % – на обсуждение новых учебных программ, учебных пособий. При проведении семинаров учитывалась квалификация учителей. Для начинающих педагогов семинары организовывались по отдельным наиболее трудным вопросам учебной программы или методике преподавания предмета; семинары для опытных учителей проводились для углубления теоретических знаний по отдельным научным и педагогическим темам или обобщения передового опыта. В 1960-1961 учебном году приняло участие в семинарах 14700 человек (СОГАСПИ Ф. 3669. Оп.1. Д.148.Л.6-10).

Востребована была и такая форма повышения квалификации, как практикумы. Практикумы носили краткосрочный характер (1-3 дня) и проводились по актуальным вопросам методики преподавания с целью овладения практическими навыками и умениями, например: эффективное применение наглядных пособий, технических средств обучения, работа с дидактическим материалом, учебником и др. Постоянным явлением стали практикум для преподавателей физики, химии, биологии, математики, географии, машиноведения.

Большая роль в повышении квалификации учителей отводилась самообразованию учителей. Методисты ИУУ разрабатывали и ежегодно направляли в адрес районных методических кабинетов или непосредственно слушателей задания рекомендуемую тематику и библиографию по педагогике, учебным предметам и методикам. Создавались консультативные пункты и проводились тематические консультации. И все же организация и контроль самостоятельной работы учителей оставались самым слабым местом в работе ИУУ, школьных методических комиссий.

В 1950-е годы политика государства в области народного образования была направлена на дальнейшее развитие среднего образования в стране. В первой половине 1950-х годов в столицах союзных республик, городах республиканского подчинения, областных, краевых центрах и в крупнейших промышленных городах страны был начат переход ко всеобщему среднему образованию. В Российской Федерации на десятилетнее образование переходили школы 120 крупнейших городов, в

том числе все областные центры Поволжья. Переход ко всеобщему среднему образованию значительно расширял численность учащихся старших классов, привел к росту числа учителей. И эта тенденция в последующие годы нарастала. В 1958 году в школах Куйбышевской области обучалось 316306 человек, в 1967 году – 445458. Особенно вырос контингент старших классов: с 32621 до 96007 человек. В 1965 году прием в 9 классы составлял 58,2%, в 1966 году 64,4% от выпускников 8 класса, план постоянно нарастал, план 1967 года — 70%.

В 1958 году была проведена реформа системы образования. 24 декабря 1958 года была сессия Верховного Совета СССР приняла Закон «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР». В Законе говорилось о том, что молодые люди, окончившие среднюю школу, неохотно идут работать на фабрики и заводы, в колхозы и совхозы, тогда как технический прогресс требует пополнения промышленности и сельского хозяйства молодежью, имеющей достаточно высокую общеобразовательную подготовку. Школа на протяжении длительного периода формировала направленность молодежи, получившей десятилетнее образование, на поступление в институт или как минимум в техникум. Подобные настроения были очень устойчивы. Между тем с середины 1950-х годов количество выпускников средней школы значительно превысило возможности приема в высшие и средние специальные учебные заведения. С 1954 по 1977 годы в вузы и техникумы не поступило 2,5 миллиона человек.

Основным содержанием реформы 1958 года явилась переориентация общеобразовательной школы на подготовку молодежи к труду прежде всего в сфере материального производства. Реформа предусматривала значительное усиление трудового и политехнического обучения и воспитания школьников. для этого вместо семилетнего образования вводилось обязательное восьмилетнее образование. Восьмилетняя школа должна была дать учащимся более прочные общеобразовательные знания, воспитать любовь к труду, подготовить подростков к трудовой деятельности.

Значительно большие преобразования реформа предусматривала для учащихся старших классов. Срок обучения в средней школе увеличивался и составил 11 лет. В течение трех лет (9,10,11 классы) учащиеся должны были овладеть рабочей профессией, что облегчило бы их переход после окончания школы в сферу материального производства. Резко возросло число учебных часов, выделяемых на трудовое обучение в

ущерб другим предметам. Овладение профессией могло проходить двумя путями: на промышленных предприятиях, где для учащихся выделялись специальные рабочие места и мастера производственного обучения. Там, где такие возможности отсутствовали, профессиональное обучение проходило в школьных производственных мастерских.

После опубликования основных положений реформы, началось её обсуждение в печати, на учительских съездах. Реформа предусматривала кардинальное изменение деятельности школы. Помимо общего образования школа организовывала и профессиональное обучение.

Общественность, и в первую очередь учителя, проявляли озабоченность некоторыми положениями реформы. На 1 областном съезде учителей, который состоялся 14-16 декабря 1959 года, учителя выказывали обеспокоенность по поводу того, что большинство школ не готово к профессиональному обучению молодежи. Они предлагали открывать средние общеобразовательные трудовые политехнические школы только при наличии учебно-материальной базы. Целесообразным признавалось обучение на базе учебно-производственных цехов, создаваемых на крупных предприятиях, оснащенных новейшим оборудованием и инструментами, где каждому бы выделялось рабочее место, создавались условия для проведения теоретических занятий. Учебные цеха создавать для нескольких близлежащих школ. Строго соблюдать гигиену труда, предотвращать несчастные случаи. Кадры подбирать совместно предприятиями и школами. Специалисты должны получить кратковременную педагогическую подготовку. Ввести в программу производственного обучения такие изменения, чтобы в 9 классе ученики получали теоретическую подготовку по выбранной школой специальности, приобрели первоначальные трудовые навыки, в 10-11 классах ввести техническое черчение и тогда обучение не будет носить формальный характер. Из года в год росло число учителей, которые повышали квалификацию или получали педагогические знания, навыки по трудовому обучению.

Проведение реформы связывали исключительно с административным воздействием на деятельность школы. К реформе оказались не готовы ни школа, ни предприятие. Создание учебных цехов требовало и времени, и материальных затрат. Во многих школах производственное обучение осуществлялось по принципу прикрепления учащегося к рабочим местам, к специалистам, выполняющим работу,

требующей высокой квалификации. Ученик почти все время остается пассивным наблюдателем, теряет интерес к обучению.

Перечень предприятий, которые могли предложить молодежи промышленные предприятия и школы, был крайне ограничен. Нередко он диктовался не нуждами времени и интересами учащихся, а возможностями предприятий и школ. Практически все учащиеся школы обучались 1-2 профессиям, которые предлагали предприятия и школы, К 1965 году уже 91,9% школьников прошли производственное обучение. Профессия, полученная в стенах школы, оказалась не нужна 9 молодым людям из 10.

Опыт перестройки деятельности школы, проведенной в 50-х годах, показал невозможность соединения двух задач — получение общего среднего образования и профессионального обучения. В 60-е годы такое представление о связи школы с жизнью было названо вульгарным. Снизился интерес к реформе. Она не была отменена, но и энергичное её претворение в жизнь прекратилось.

В 1960-е годы учительский контингент вырос в три раза и составил в Куйбышевской области 18458 учителей (СОГАСПИ Ф. 400.Оп. 3. Д. 1252. Л. 74). Вырос образовательный уровень учителей. Среди учителей начальных классов почти 4 % имели высшее образование, среди учителей 5-8 классов высшее образование имели 58 %, среди учителей старших классов — 88 %. Подавляющее большинство учителей начальных классов имело среднее педагогическое образование, в старших классах практически не осталось учителей без педагогического образования. Уменьшалась разница в уровне квалификации учителей городских и сельских школ, но на решение этой задачи требовалось много времени, и поэтому только в 1980-е годы в регионе разница практически уже не ощущалась. В 1960-е годы продолжал расти образовательный уровень учительских кадров. Хотя власти на местах прибегали в вопросах комплектования кадров к прежним методам: отправка на длительную практику студентов старших курсов пединститутов и педучилищ, подготовка учителей на краткосрочных курсах, которые не могли дать больших знаний. Но появилась работа и на длительную перспективу: после курсов учителя обязательно направлялись на заочные отделения факультетов педучреждений. Больше стало приниматься мер для улучшения жилищных условий учителей, учителя закреплялись на селе. Тем не менее, прием в педагогические вузы происходил с большим трудом. Жесткая система распределения выпускников была малоэффективной, что стало

осознаваться руководством народного образования. Нередко выпускник педагогического вуза направлялся в другой регион, откуда он, как правило, возвращался, хотя такой молодой специалист охотно бы работал в своем сельском районе.

В 1960-е годы наметились перспективы дальнейшего развития образования: увеличение контингента учащихся старших классов и переход в дальнейшем ко всеобщему среднему образованию. Этот процесс шел форсированными темпами: подготовка учительских кадров и широкое использование в этих целях заочного образования, что позволяло повышать квалификацию учителей и закреплять кадры в сельской школе; формирование системы повышения квалификации учителей, которая должна была сделать обучение учителей непрерывным.

В 1960-е годы начали работу постоянно действующие очно-заочные курсы повышения квалификации учителей, которые предусматривали проведение кратковременных установочных занятий (одна неделя) на базе опорных школ или школ передового опыта, организацию самостоятельной работы по индивидуально составленным планам, сессии, которые проводились во время каникул. Для сельских учителей курсы повышали общеобразовательный уровень. Наряду с занятиями проводилось посещение музеев города, Ботанического сада, областной станции юных натуралистов, сельскохозяйственной выставки, ряда заводов, Куйбышевской гидроэлектростанции. Программа очно-заочных курсов предусматривала большую теоретическую подготовку по сравнению с другими формами обучения. Постоянно действующие курсы работали в Куйбышеве, Тольятти, Сызрани, Новокуйбышевске. Во всех районах, где создавались курсы, в межсессионный период для слушателей предполагалось проведение групповых консультаций. Формы отчетности были разные, например, рефераты по избранной теме, с которыми слушатели курсов выступали в методических объединениях своих школ. Работа очно-заочных курсов завершалась проведением зачетной сессии. Количество учителей, окончивших постояннодействующие курсы, было невелико. Одной из причин незначительного распространения данной формы повышения квалификации была слабая организация работы слушателей в межсессионный период.

Для начинающих учителей большую роль играло наставничество. для молодых учителей проблемой скорее являлась нехватка опыта, чем недостаточность знаний. Работа учителей-наставников часто держалась на энтузиазме и носила эпизодический характер.

Важными формами обобщения и распространения передового опыта стали республиканские и областные съезды учителей, городские, районные конференции и совещания учителей. Каждые пять лет проводились областные педагогические чтения.

Передовой опыт Куйбышевских педагогов освещался в районной, городской, областной печати, хотя признавалось, что эта работа велась на недостаточном уровне.

Значительную роль в пропаганде педагогических знаний и передового учительского опыта стало играть Педагогическое общество России, возникшее в 1960 году.

В 60-70-е годы постоянно растет число учителей, повысивших свою квалификацию. Если в 1960 году через ИУУ повысили квалификацию 2241 учитель (при плане 1675), то в 1979 году 8334 (при плане 8245). Учителя охотно посещали практические занятия. Темы семинарских занятий носили прикладной характер. 75% времени отводилось на посещение уроков опытных учителей, проведение практических занятий и 25% – на изучение теоретических вопросов, чаще всего это было обсуждение новых учебных программ, новых учебных пособий, которые регулярно просило Министерство проанализировать и дать заключение учителям-практикам. В семинарах в 1960-1961 учебном году приняло участие 14700 человек.

В целом в послевоенный период система повышения квалификации оказалась достаточно восприимчивой к требованиям времени и удовлетворяла потребностям времени. В дальнейшем она наращивала количественные показатели. К середине 1970-х годов, пожалуй, ни одна отрасль экономики и культуры не имела такой разветвленной сети институтов и учреждений, занимающихся переподготовкой кадров, как система Министерства просвещения (Паначин, 1975. С.163).

В 80-е годы появилась новая практика: при МГУ, МФТИ стали проводиться курсы для опытных учителей сельских школ. Впоследствии эти учителя могли осуществлять руководство работой других учителей. Учителя могли повысить квалификацию в республиканских школах передового опыта.

В 1980-е годы при ИУУ учителей создаются кафедры, институты становятся центрами научно-методической работы. Обязательное условие — не менее 2 преподавателей должны иметь звание или ученую степень.

Кафедры получили возможность проводить исследования, и появилась реальная картина учительских предпочтений. Желание иметь более высокую квалификацию выразили 95,9 опрошенных, из них 91,1%

сельских и 98,3% городских учителей. Не желали повышать свою квалификацию 6,9% учителей (6,1% сельских и 7,5% городских).

Не имели возможности, но хотели повысить свою квалификацию 11,7% учителей (11,5% сельских и 11,% городских). Имели возможность, но не хотели повышать свою квалификацию 4,3% учителей (6,1% сельских, 3,1% городских).

Критически оценивали учителя свои возможности: 32,6% учителей (30,95% сельских и 33,6% городских) считают, что их профессиональный уровень позволяет им решать задачи учебно-воспитательного процесса, но 48,7%, не всегда решать педагогические задачи. Часто затрудняются в решении проблем, возникающих в процессе обучения 18,6% учителей. Разницы в уровне квалификации практически нет. Учителя указывают причины, препятствующие повышению квалификации (по мере убывания):

- общественные нагрузки — 85,3% учителей (84% сельских и 86,2% городских);

- семейное положение (маленькие дети, домашнее хозяйство) — 50,1% учителей (52,5% сельских и 46,9% городских);

- работа с повышенной учебной нагрузкой — 48,2% (53,2% городских и 24,7% сельских учителей). Учителям приходилось изготавливать дидактический материал, оформлять кабинеты, нередко за счет собственных средств.

Трудности в приобретении методической литературы вынуждала учителей много тратить времени на поиск, конспектирование, размножение литературы. На слабую материальную базу указывали 94,1% учителей (95% сельских и 92,9% городских).

Существенной причиной низкого уровня профессионализма учителей области являлось их социально-экономическое положение. Отсутствие материального стимулирования непрерывного повышения квалификации, качества и результатов труда, затруднения в получении научной, художественной, методической литературы, униженное положение со снабжением продуктами, промышленными товарами. Хотя это было общей ситуацией в стране в 80-е годы. 45,7% учителей считали, что их заработная плата не соответствовала вложенному труду, хотя 34,7% не могли ответить на этот вопрос. Представляется нам, что этот вопрос раньше не обсуждался, принимался как данность.

Но опрос показал, что учителя свою заработную плату ставили в зависимость от квалификации, мастерства преподавателя, от степени

сложности предмета и количества реально затраченного времени на этот предмет, от стажа работы, специфики работы в городской и сельской местности, от конечного результата, преподавание в больших классах, в классах с углубленной подготовкой, затраченного времени на проверку тетрадей на классное руководство и внеклассную, внешкольную работу и др.

Проводимые ИУУ исследования показали, что для начинающих учителей большую роль играло наставничество. Применялась редко (возможно, в силу загруженности учителей и то, что эта работа не имела материального поощрения), но была эффективной такая форма, при которой вся работа, начиная от составления плана и кончая анализом проведенного молодым учителем урока, велась под руководством наставника. Посещение уроков опытных учителей, знакомство с опытом учителей-новаторов — самое и самая ценная часть повышения педагогического мастерства. Практически все молодые учителя уверены, что они выбрали правильную профессию. 85% из них считает, что полученные знания и помощь опытных учителей позволяет им в большинстве случаев справляться с возникающими проблемами. Чаще дает знать нехватка опыта, чем знаний. Практически все молодые учителя считают, что наиболее уязвимым местом в их профессиональных умениях и знаниях является работа в качестве классного руководителя. Ни в пединституте, ни в педучилище к этой работе почти не готовят.

Молодые учителя, особенно девушки, отмечают, что испытывают дискомфорт оттого, что круг их общения часто ограничен. Они приезжают на работу в 22-23 года, молодые ребята уже женаты. Мешает пьянство среди молодых парней. Они не знакомы с коллегами из других школ. Это являлось одной из причин отъезда из сельской местности.

Возникает вопрос о влиянии повышения квалификации учителей на эффективность их работы. Рост успеваемости не всегда может дать истинную картину, так как с политикой перехода ко всеобщему среднему образованию начались приписки. Методика расчетов не была разработана. Летние курсы не могли обеспечить необходимый качественный уровень переподготовки.

Многие из этих форм не носили обязательного характера. Система повышения квалификации постоянно наращивала количественные показатели. В целом, она удовлетворяла требованиям того времени и была восприимчивой. Она оказалась восприимчивой к требованиям времени.

Итак, в послевоенный период происходило восстановление и совершенствование системы образования. Рос контингент учащихся,

особенно старших классов, чему способствовала отмена в 1956 году платы за обучение. Несмотря на огромные материальные трудности, намечался переход ко всеобщему среднему образованию. Значительно увеличилась численность учителей и повышалась их квалификация. Совершенствовалась возникшая до войны система непрерывной переподготовки кадров. Быстрыми темпами расширялось заочное и вечернее образование, которое начинало играть большую роль в подготовке учителей и закреплении их школе.

Литература

Народное хозяйство СССР. 1922-1982 гг. Юбилейный статистический сборник. – М., 1982.

Народное образование в СССР. – М., 1967.

Паначин Ф. Г. Педагогическое образование в СССР.-М.,1975.

СОГАСПИ Ф.400. Оп.4. Д.51. Л.11.

СОГАСПИ Ф. 3669. Оп. 1. Д. 2285. Л. 9.

СОГАСПИ Ф.656. Оп.37. д.210. Л.17.

СОГАСПИ Ф. 400. Оп. 1. Д. 355. Л. 3.

СОГАСПИ Ф. 400. Оп. 1. д. 363. Л. 26.

СОГАСПИ Ф.400.Юп.1. д.363. Л.13.

СОГАСПИ Ф. 400. Оп. 1. Д. 355. Л. 13.

СОГАСПИ Ф. 2521. Оп.6. Д.37. Л.18.

СОГАСПИ Ф. 400. Оп. 1. д. 360. Л.20.

СОГАСПИ Ф. 400. Оп. 1.д. 355. Л. 3,6.

СОГАСПИ Ф. 400. Оп. 1. Д. 355. Л. 6.

СОГАСПИ Ф. 400. Оп.1. Д.431. Л.9

СОГАСПИ Ф. 400. Оп.1. Д.431. Л.5

СОГАСПИ Ф.3669. Оп.1. Д.2285. Л.9

СОГАСПИ Ф. 2521. Оп. 24. Д. 754а. Л.10-11.

СОГАСПИ Ф. 2521. Оп. 13. Д.435. Л.62

СОГАСПИ Ф. 3669. Оп.1. Д.148.Л.6-10

СОГАСПИ Ф. 400.Оп. 3. Д. 1252. Л. 74.

ТРАНСФОРМАЦИЯ И МИЛИТАРИЗАЦИЯ СОВНАРХОЗОВ САМАРЫ, САРАТОВА, СИМБИРСКА ПОСЛЕ ЛИКВИДАЦИИ ВЛАСТИ КОМУЧА

Статья посвящена проблемам строительства советов народного хозяйства в условиях создания военной экономики

Ключевые слова: ГСНХ, совнархоз, Самара, Саратов, Симбирск, централизация экономики, милитаризация, военные поставки

В чем заключалась специфика деятельности системы местных совнархозов в годы гражданской войны? Во-первых, победа отраслевого принципа организации: создание отраслевых отделов на местах. Во-вторых, централизация снабжения армии промышленными товарами: снабжение было сосредоточено в руках ГСНХ, а руководил им специально созданный отдел военных заготовок. В-третьих, прямое руководство предприятиями губернии в годы войны осуществлялось не столько из губернских центров, сколько напрямую из Москвы, либо через губернские отделения главков, почти не подчиняющиеся губсовнархозам, что вызывало постоянные конфликты. В-четвертых, несмотря на эти конфликты и все сложности войны никто не снимал с советов народного хозяйства задачу обеспечения предприятий всем необходимым для деятельности и задачу общего контроля за хозяйством своей губернии.

Это были особенности периода, влиявшие на все совнархозы. Но каждый совнархоз становился кирпичиком общей системы немного по-своему.

Как известно, Саратов не был захвачен белочехами, поэтому у органов советской власти города и губернии было время перестроить свою работу на военный лад. С июля 1918 года Саратовский ГСНХ постепенно часть своих отделов передает вновь образуемому областному СНХ, точнее сфера деятельности некоторых отделов ГСНХ расширяется до пределов области. Но как структура Саратовский ГСНХ продолжал существовать параллельно с ОСНХ и тем более после ликвидации областного совнархоза, отделы которого влились в состав губернского совнархоза. Отраслевой принцип организации в губсовнархозе Саратова утвердился раньше, чем в Самаре и Симбирске, так

как – через ОСНХ – Саратовский губсовнархоз теснее контактировал с ВСНХ.

Организация Симбирского ГСНХ не была закончена до захвата чехами Симбирска, по крайней мере, работа большинства отделов еще не была налажена. Комуч же губсовнархоз в Симбирске, в отличие от Самары, ликвидировал. Поэтому, хотя власть Комуча держалась в Симбирске относительно недолго – с 22 июля до 12 сентября – после ее падения воссоздавать хозяйственные органы губернии было значительно сложнее чем не только в Саратове, но и в Самаре. Недаром первое заседание Коллегии Симбирского ГСНХ состоялось только 1 октября – почти через три недели после освобождения города. И присутствовали на этом заседании, как и на нескольких последующих, только три члена Коллегии из десяти. К 10 октября, когда был официально утвержден состав Коллегии, к ним добавилось еще два члена старого состава Коллегии и четыре новых человека. Когда 22 октября явился еще один член Коллегии старого состава Попов, его с негодованием отвергли за пособничество Комучу в ликвидации Симбирского ГСНХ. Позже, 3 декабря, не был восстановлен в должности члена Коллегии Рыженков, за то, что находясь в Симбирске, не поторопился приступить к работе в ГСНХ с восстановлением советской власти (ГАУО. Оп. 1. Д. 16. Л. 36об, 41-42об, 60, 99об).

Первоначально Симбирский ГСНХ восстанавливался по образцу губсовнархоза июня-июля 1918 года, при этом ряд отделов и подразделений начал действовать еще в конце сентября, другие – после воссоздания Коллегии, которая продолжала оставаться высшим органом губсовнархоза между пленумами. В середине сентября в Симбирске снова начал действовать Районтекстиль. 18 сентября восстановлен торгово-промышленный отдел, 28 сентября – Автосекция (ГАУО. Оп. 1. Д. 21. Л. 70об, 117об, 188). 1 октября 1918 года возрожден отдел военных заказов ГСНХ, 5 октября воссоздан отдел топлива. Также к 10 октября уже действовали отделы: снабжения, кооперации, кустарный, Районная кожевенная контора, лесозаготовительный отдел. Торгово-промышленный отдел к 10 октября трансформировался в два: товарно-реквизиционный и фабрично-заводской (ГАУО. Оп. 1. Д. 21. Л. 39, 143; Д. 16. Л. 39об, 42-42об).

В октябре возникло еще несколько отделов ГСНХ. Были созданы такие необходимые для каждого учреждения подразделения, как общая канцелярия, отдел бухгалтерии, сметно-учетно-налоговый отдел, который ведал сметами всех предприятий и учреждений губернии. Действовал отдел

снабжения сельскохозяйственными орудиями и машинами. 25 октября решено создать информационный (или информационно-юридический) отдел, который, во-первых, доводил бы до сведения заинтересованных хозяйственных инстанций (от ВСНХ до УСНХ) все касающиеся их новости, во-вторых, обеспечивал законность деятельности ГСНХ. Некоторое время существовал гидротехнический отдел. Наконец, 21 октября Симбирский совет рабочего контроля предложил Совету народного хозяйства слиться в одну организацию, хотя в октябре этого так и не произошло (ГАУО. Оп. 1. Д. 7. Л. 48, 50, 99; Д. 16. Л. 64, 71об; Д. 21. Л. 182).

Самарский ГСНХ действовал при Комуче, но его функции были сужены, к тому же почти все руководящие работники СНХ периода Комуча не стали дожидаться прихода советской власти, большая часть документации была вывезена или уничтожена (Морозов, 2000. С. 122-124). Экономическая ситуация в губернии за июнь-сентябрь 1918 года в значительной степени изменилась. Следовательно, организационную работу приходилось начинать почти с нуля, опираясь на имеющийся опыт и тех служащих ГСНХ, что остались на рабочем месте.

Состав нового исполкома ГСНХ был назначен губревкомом. Председателем стал В.П. Мяги, так как именно он руководил СНХ Самарского губревкома в Покровске. В ИК вошли Я.А. Андреев, В.А. Ильин, З.Л. Кабцан, Е.Е. Маслов, Г.С. Соколов и, несколькими днями позже, М.Н. Яшанов. Все они были связаны с работой ГСНХ до чехов, при этом пятеро были членами ИК, а двое работали в ГСНХ при Комуче. Заведующим секцией топлива остался М.И. Старостин, руководивший ей и при чехах. ГСНХ начал работу 10 октября, на следующий день прошло первое заседание исполкома, на котором объявлено о возобновлении деятельности организационно-административного отдела, отдела государственных сооружений, отдела статистики, финансово-экономического отдела, общей канцелярии, отдела снабжения и распределения, продолжении деятельности секции топлива (ЦГАСО. Оп. 1. Д. 29. Л. 1, 4; Соколов С.А., 1974. С. 287; Игнатенко, 1964. С. 162). По сути все эти отделы уже существовали, дело свелось только к подтверждению полномочий старого руководства, либо назначению нового. То же произошло с автоправлением (автосекцией) и Райкожем, а под общей канцелярией подразумевался отдел общих дел (в документах названия упоминаются параллельно). Затруднение возникло только с отделом статистики, так как его прежний заведующий, известный ученый Г.И. Баскин был обвинен в развале работы своим преемником Я.А. Андреевым.

Отдел был учрежден «заново» 12 ноября 1918 года с новой структурой и функциями подотделов (ЦГАСО. Оп. 1. Д. 29. Л. 21-21об; Д. 35. Л. 24-25об).

Отдел общих дел включал в себя Управление делами ИК ГСНХ, в том числе общую канцелярию, обслуживающую ИК и Президиум, а также включал информбюро и библиотеку. Также создавалось юридическое бюро и воссоздавалось такое подразделение, как секретариат по делам мелкорайонных советов. Предполагалось и издательство подчинить отделу общих дел (ЦГАСО. Оп. 1. Д. 35. Л. 27-33).

Отдел снабжения и распределения до 29 октября 1918 года подразделялся на подотделы: центральное бюро заказов, которое учитывало все материалы, сырье, полуфабрикаты и фабрикаты, имеющиеся на предприятиях и складах Самарской губернии, за исключением продовольственных товаров и технических предметов, которыми ведали другие отделы, ведало всеми источниками и способами приобретения и сбыта всех указанных предметов; подотдел сырья, выяснявший потребности в сырье, вид, качество и количество всего имеющегося в губернии сырья и распределявший его; подотдел фабрикатов и полуфабрикатов, учитывавший потребности сельского хозяйства и промышленности губернии в орудиях производства, наличие фабрикатов и полуфабрикатов, регулировавший распределение их по районам и предприятиям; общая канцелярия. Расплывчатость функций, дублирование, противоречия с другими отделами ГСНХ, другими хозяйственными органами, военными властями вызвали реорганизацию отдела. С ноября отдел включает следующие подотделы: металлический, лесных и строительных материалов, химический, бумажно-фотографический, общая канцелярия и бухгалтерия (ЦГАСО. Оп. 1. Д. 35. Л. 34-37).

Организационно-административный отдел больше других отделов был связан с производством и делился на подотделы: электромеханический, химический, котельный и Центральное заводоуправление, последнее было организовано заново 9 ноября 1918 года (ЦГАСО. Оп. 1. Д. 29. Л. 20; Известия..., 1919. № 19. С. 12-13).

Отдел государственных сооружений в значительной степени был составлен из подразделений ликвидированной Губернской земской управы: подотдел огнестойкого строительства управы стал отделом сельского строительства в Комгосооре, а дорожно-строительный отдел управы, перейдя в Комгосоор, даже не изменил названия (ЦГАСО. Оп. 1. Д. 35. Л. 42-42об).

В октябре – ноябре ИК ГСНХ пополнился новыми членами: В.Е. Косоротовым и М.П. Егоровым, которые, впрочем, уже были членами ИК до чехов, а сам губсовнархоз пополнился новыми отделами.

По инициативе председателя ГСНХ В.П. Мяги, печатника по профессии, 19 октября был создан отдел графических искусств, возглавленный самим В.П. Мяги. Уже через месяц это был отдел полиграфических производств. Задачей отдела было национализировать типографии, объединить мелкие с целью укрупнения производства и упорядочить печатное дело как с пользой для власти, так и для рабочих, страдающих от безработицы (ЦГАСО. Оп. 1. Д. 29. Л. 6, 22; Д. 62. Л. 23-23об).

12 апреля 1918 года Совнаркомом был утвержден декрет о потребительских кооперативах. Чтобы установить «правильное и справедливое распределение продуктов и предметов широкого потребления», все население должно быть организовано и участвовать в деле организации распределения. В этих целях при ВСНХ и ГСНХ были созданы кооперативные отделы. Необходимость создания подобного отдела ИК ГСНХ обсудил уже 14 октября, а 20 ноября 1918 года кооперативный отдел при Самарском ГСНХ был создан. Он управлялся коллегией из двух представителей ГСНХ и одного представителя кооперативных организаций. Конструкция отдела: регистрационная комиссия и контрольно-ревизионный подотдел. Задачи отдела: организация регистрации кооперативов, учет потребительских кооперативов, распределение районов их деятельности, привлечение их к участию в продовольственных организациях, сбор статистических данных по кооперативам и представление их в ВСНХ, непосредственное наблюдение за правильным исполнением декрета о потребительских кооперативах и выполнением инструкций ВСНХ и ГСНХ, контроль и ревизия отчетности кооперативов, установление правильных взаимоотношений между кооперативами и правительственными органами (ЦГАСО. Оп. 1. Д. 50. Л. 124; Д. 29. Л. 3, 27).

В октябре 1918 года была восстановлена редакция журнала «Известия Самарского ГСНХ», 15 ноября вышел № 11. В задачу редакции было поставлено освещать не только экономическую жизнь губернии и работу ГСНХ, но и экономическую жизнь страны в целом, информировать о постановлениях СНК, ВСНХ, Поволжского ОСНХ (ЦГАСО. Оп. 1. Д. 24. Л. 18-21).

Очень важной в условиях топливного кризиса была заготовка дров, поэтому лесное дело было в центре внимания ГСНХ. 12 ноября из ВСНХ были получены проекты организации Гублеса и Уездолеса. 16 ноября на

заседании ИК было постановлено приступить к созданию лесного отдела в скорейшем времени. Занимались параллельно и вопросами лесозаготовки, и вопросами деревообработки, но первое было важнее, поэтому одна часть лесного отдела – лесозаготовительный отдел – возникла быстрее другой части – деревообрабатывающего отдела или Гублеса. Если на заседании ИК 20 ноября создание Гублеса было только «признано принципиально необходимым», то уже 17 ноября на совещании представителей ГСНХ, лесного подотдела Губземотдела, Самаро-Златоустовской железной дороги и Главлеса решено организовать Коллегию трех для создания лесозаготовительного отдела. 20 ноября это решение утверждено на заседании ИК ГСНХ. В результате организационных собраний 22 и 27 ноября лесозаготовительный отдел был создан. Подотделы – финансовый, операционный, распределительный; функции – координация других лесозаготовительных организаций в губернии, распределение между ними лесных массивов, самостоятельная заготовка дров и т.д. (ЦГАСО. Оп. 1. Д. 29. Л. 24, 27; Д. 8. Л. 90, 102, 114-115об; Д. 50. Л. 146-146об).

Секция топлива в октябре – ноябре 1918 года продолжала действовать прежней структурой: заготовительный, распределительный, транспортный, учетно-статистический отделы. Заготавливать секция имела возможность только дрова, в какой-то степени древесный уголь, а вот распределительный отдел занимался распределением в основном имеющейся нефти и нефтепродуктов. В транспортном отделе действовал только железнодорожно-транспортный подотдел (ЦГАСО. Оп. 1. Д. 39. Л. 4-8, 11-13об; Д. 8. Л. 123-126об).

Автоправление возобновило деятельность с 13 октября, временно было организовано из восьми представителей находившихся в Самаре авточастей, председатель его входил в ИК ГСНХ с правом совещательного голоса. Впоследствии в ИК несколько раз поднимался вопрос о реорганизации автоправления. 28 ноября на особом совещании членов ИК ГСНХ, автоправления, отдела труда, профсоюзов реорганизация проведена. Подтверждено, что автосекция – отдел ГСНХ, решено, что автоправление состоит из трех человек: представителей ГСНХ, Совета профсоюзов, Союза инженеров (ЦГАСО. Оп. 1. Д. 20. Л. 53; Д. 35. Л. 3об; Д. 4. Л. 2; Д. 56. Л. 23).

Это практически все подразделения ГСНХ до декабря 1918 года. Конечно, создавались временные комиссии, автономно существовал Райкож, началось воссоздание мелких СНХ.

В целом в октябре-ноябре ГСНХ, кроме организационных, решал массу других важных вопросов. Финансы: ни у ГСНХ, ни у предприятий, ни у рабочих первоначально не было средств ни для производства, ни для жизни, особенно в условиях аннулирования денег Комуча и нехватки «официальных» денег, растущей безработицы, развала производства. Отсюда задача пуска предприятий, а значит их нужно было учесть, обследовать, взять в ведение, национализировать при необходимости, обеспечить заказами, топливом, сырьем, запчастями и т.д. Еще одна важная задача – восстановление разрушенного – предприятий, дорог, мостов. Все это только самые важные задачи.

Затруднений в работе губсовнархозов было очень много. В частности мешала нескоординированность действий с ВСНХ: многие декреты и постановления не дошли до Самары и Симбирска. К тому же, принцип организации ВСНХ был отраслевым, а в Самарском и Симбирском ГСНХ были смешаны функциональные, отраслевые, многоотраслевые отделы. Поэтому и цепочка связи «центр-губерния» была слабой, и конфликты из-за дублирования функций были как внутри ГСНХ, так и с другими губернскими органами. Еще больше подобное положение не устраивало ВСНХ: несоответствие структуры высших и низших органов вызывало неразбериху, замедленность выполнения указаний, излишнюю самостоятельность ГСНХ и других местных органов. Для условий войны это было недопустимым. Поэтому ВСНХ направил в губернии инспекторов, которые должны были помочь, а если нужно – принудить губернские совнархозы изменить свою структуру. В Среднем Поволжье такую роль выполнял инспектор Иногороднего отдела ВСНХ А.Д. Архангельский. В первой половине ноября он находился в Симбирской губернии, а во второй половине – в Самарской.

1 ноября после его доклада на заседании Коллегии Симбирского ГСНХ было решено конструкцию губсовнархоза осуществить в следующем виде:

– Отдел текстильной промышленности (Районтекстиль), ведает заготовкой, учетом и распределением сырья, изготовлением готового платья и обмундирования.

– Отдел кожевенного производства (Районкож), учитывает и распределяет сырье, изготавливает и ремонтирует обувь, занимается шорно-седельным производством.

– Отдел лесной и деревообрабатывающей промышленности (Гублес), занимается заготовкой леса, снабжением лесопильных заводов,

столярным, рогожным, ободно-колесным, бондарным и прочими производствами.

- Отдел крахмало-паточной промышленности (Губкрахпат);
- Отдел топлива, ведающий и дровяным, и минеральным топливом.
- Отдел химической промышленности с подотделами: винокурным; цементного производства; дрожжевого производства и др.
- Отдел государственных сооружений;
- Автомобильный отдел (Автосекция);
- Общетехнический отдел с подотделами: металлообрабатывающей промышленности; полиграфического производства; писчебумажного производства; обработки пищевых и вкусовых продуктов; кирпичного производства; керамического производства; валяльного производства и пр. При этом предусматривалось, что по мере расширения производства подотделы могут выделяться в самостоятельные отделы.

- Кооперативный отдел;
- Отдел управления национализированными предприятиями;
- Контрольный отдел, который должен был быть создан из Совета рабочего контроля;
- Реквизиционно-учетно-оценочный отдел.

Гидротехнический отдел решили передать Губернскому отделу земледелия, сметно-учетно-налоговый отдел – финотделу губисполкома, а функции снабжения и распределения (отделы снабжения и снабжения сельскохозяйственными машинами и орудиями) – Губпродкому (ГАУО. Оп. 1. Д. 16. Л. 70-71об).

20 ноября и в Самаре, на заседании ИК ГСНХ, решено принять за основу принцип организации по производственным отделам согласно Положению ВСНХ, конкретный план организации ГСНХ срочно разработать. 29 ноября на Пленуме ГСНХ вместо Исполкома был избран Президиум в составе председателя ГСНХ Г.С. Соколова и членов В.П. Мяги, М.Н. Яшанова, В.Е. Косорова и Д.Д. Белугина. Этот состав Президиума был утвержден Самарским ревкомом (ЦГАСО. Оп. 1. Д. 29. Л. 27; Д. 26. Л. 1; Д. 9. Л. 38; Игнатенко, 1964, С. 163). 1 декабря на заседании Президиума утверждена и схема реорганизации Самарского ГСНХ: Пленум – Президиум – 25 отделов, из них 13 производственных.

Во всех губернских совнархозах пленумы занимали свою – важную и достаточно заметную – нишу в системе управления. Еще большую роль они играли как представительные органы разных слоев трудящихся, организаций и учреждений. Рассмотрим эту структуру на примере Самары,

где пленум до 16 мая 1919 года был составлен на основании местных соображений и включал в себя представителей от губернских и городских учреждений, от Совета профсоюзов и по два-четыре человека от каждого профсоюза, а также от всех организаций, имеющих то или другое отношение к экономической жизни: кооперативных, железной дороги, водного транспорта, некоторых ученых учреждений, всего до 55 человек. С 16 мая, когда составлялся новый Пленум, в его основу легло представительство от коллегий производственных отделов ГСНХ вместо профсоюзов, увеличено представительство от губисполкома и горисполкома, от Совета профсоюзов, оставлено представительство от четырех губернских организаций, и весь Пленум – 35 человек. С 15 декабря 1919 года Пленум составлен на основании постановления Президиума ВСНХ от 2 октября 1919 года, введено представительство от уездных отделов ГСНХ по одному от каждого, уменьшено представительство губернского и городского исполкомов с десяти до трех представителей, представительство от коллегий производственных отделов с девяти до шести, увеличено представительство Совета профсоюзов до восьми, весь Пленум – 33 человека. Кроме того, приглашены были представители от железнодорожного и водного транспорта, статистического бюро и Госконтроля, из которых присутствие двух последних обязательно по Положению о ГСНХ. Приглашены и все заведующие или председатели коллегий отделов СНХ. Кроме экстренных случаев, пленумы должны были собираться не реже четырех раз в год. На заседаниях пленумов заслушивались доклады о деятельности ГСНХ и отдельных его отделов, о съездах СНХ, об организации отделов, проводились различные выборы (РГАЭ. Оп. 2. Д. 1582. Л. 58-58об). Пленум в этом составе был переименован в Губернский съезд совнархозов и потерял право выбора Президиума ГСНХ (Красная летопись, 1921. С. 162).

II Всероссийский съезд СНХ утвердил структуру руководства системой совнархозов: съезд-пленум-президиум, но на местах эти изменения произошли до съезда. В Саратове, по решению II Губернского съезда СНХ, Исполком был упразднен и заменен Президиумом ИК в начале декабря 1918 года. В конце января 1919 года на первом заседании нового Пленума Саратовского ГСНХ избран Президиум губсовнархоза из пяти человек (Пятилетие..., 1923. С. 23; Хроника..., 1968. С. 366). Состав членов Президиума за годы войны, разумеется, неоднократно менялся. Только за апрель 1919 года Президиум заседал одиннадцать раз и рассмотрел 96 вопросов, из них 10 сметно-финансовых и 17 организационных. Именно

Президиум утверждал заводоуправления, принимал Положения об отделах ГСНХ и утверждал их руководство. Рассматривалась работа отдельных предприятий, а также различные недоразумения во взаимоотношениях ГСНХ и других организаций. В частности, в апреле 1919 года Президиум неоднократно возвращался к вопросу о взаимоотношениях СНХ с центрами и главками (РГАЭ. Оп. 1. Д. 397. Л. 149-151). Интересно, что Президиум Саратовского ГСНХ собирался только вечером, а утренние часы членов Президиума были посвящены текущим делам отделов, так как каждый из них контролировал работу от двух до одиннадцати (в разное время) отделов.

В Симбирске Коллегия ГСНХ передала свои полномочия Президиуму в начале 1919 года, затем он был переизбран на Пленуме ГСНХ 13 марта 1919 года (ГАУО. Оп. 1. Д. 16. Л. 117об). В Самаре Президиум первоначально состоял из пяти человек, весной 1919 года увеличен до семи, с введением военного положения уменьшен до трех, затем увеличен опять до пяти. Только до конца 1919 года сменилось 19 членов Президиума, хотя перевыборы были лишь три раза. На заседаниях Президиума рассматривались разные текущие вопросы, больше половины из них составляли финансовые и общие принципиального характера. Частыми были кадровые, организационные вопросы, о снабжении топливом, о военных заготовках. Например, только за год – с декабря 1918 года по декабрь 1919 года – Президиум рассмотрел на своих заседаниях 2235 вопросов (РГАЭ. Оп. 2. Д. 1582. Л. 58об-59; Красная летопись..., 1921. С. 175). Каждый член Президиума руководил несколькими отделами и лично отвечал за один из них.

Ни в Симбирске, ни в Самаре структура совнархозов так и не пришла в соответствие с тем планом отделов, что был намечен в ноябре 1918 года. В период гражданской войны происходили частые реорганизации и перекраивания аппарата совнархозов. Одни отделы упразднялись или меняли функции, другие создавались. В соответствии с распоряжением ВСНХ в начале 1919 года в губернских совнархозах должны были быть ликвидированы (где они были) отделы: торговли, статистики, юридический и мелкого кредита (Гражданская война..., 1974. С. 152). Так произошло с предметом особой гордости Саратовского ГСНХ – отделом торговли и промышленности (РГАЭ. Оп. 1. Д. 397. Л. 33об). Но лишение губсовнархозов каких-либо направлений работы было редким исключением, гораздо чаще ГСНХ приобретали новые направления, либо расширяли, дробили старые. Структура губсовнархозов постепенно

разрасталась, так как совнархозы с гораздо большим энтузиазмом создавали новые отделы, чем соглашались уступить другим органам власти хоть какие-то свои прерогативы. Например, если отдел снабжения сельскохозяйственными машинами и орудиями был ликвидирован в Симбирском ГСНХ достаточно безболезненно, по-другому было с обычным отделом снабжения. Еще в середине октября 1918 года кустарный отдел вошел как подотдел в отдел снабжения. Также в этот отдел входили подотделы заготовительный, технический, обуви (ГАУО. Оп. 1. Д. 16. Л. 53об; Д. 7. Л. 90). В течение ноября отдел снабжения еще существовал и ликвидировался постепенно, частями. Уже в середине ноября снова обрел самостоятельность кустарный отдел. Но подотдел обуви не был передан в него обратно, где он существовал до середины октября 1918 года, 28 ноября был учрежден самостоятельный отдел обуви (ГАУО. Оп. 1. Д. 21. Л. 119).

Согласно вышеуказанному постановлению Коллегии Симбирского ГСНХ от 1 ноября 1918 года смето-учетно-налоговый отдел в составе ГСНХ должен был быть ликвидирован, а реквизиционно-учетно-оценочный – создан, вопросы, касающиеся смет и налогов, должны были перейти к финансовому отделу губисполкома. На практике только налоговые дела губсовнархоз отдал быстро. В ноябре – декабре 1918 года вновь созданный отдел в документах проходил под разными названиями: реквизиционно-учетно-оценочный; реквизиционно-учетный; товарно-реквизиционно-учетный; товарно-реквизиционный. В конце 1918 года существовало уже два отдела: товарно-реквизиционный и смето-учетный. 1 февраля 1919 года вместо смето-учетного был создан смето-статистический отдел (ГАУО. Оп. 1. Д. 7. Л. 135; Д. 16. Л. 42об, 47, 69, 81, 95, 101об, 151; Д. 19. Л. 324; РГАЭ. Оп. 8. Д. 29. Л. 230). С середины 1919 года до конца рассматриваемого периода в Симбирском ГСНХ выше перечисленные функции разделили между собой три отдела: статистический, транспортно-материальный (Трамот) и Финконтрольотдел (РГАЭ. Оп. 2. Д. 1720. Л. 77; Отчет..., 1921, С. 27, 34, 43-44). В Трамот влился и существовавший в первой половине 1919 года заготовительно-распределительный отдел, передав некоторые функции другим советским органам. Во второй половине 1918 года вопросами реквизиции, оценки, снабжения также ведала Комиссия по обследованию реквизируемых товаров, затем влившаяся в товарно-реквизиционный отдел (РГАЭ. Оп. 8. Д. 29. Л. 230; ГАУО. Оп. 1. Д. 16. Л. 80об, 90об).

С другой стороны, некоторые запланированные в ноябре 1918 года отделы, хоть и были созданы, просуществовали недолго. Выполнению постановления о создании контрольного отдела в составе Симбирского ГСНХ ничего не препятствовало. Совет рабочего контроля еще в октябре 1918 года изъявил желание стать данным отделом. 5 ноября Коллегия ГСНХ вынесла решение о присоединении СРК в качестве отдела, что и произошло к концу ноября. И как завершение – постановление Президиума Симбирского губисполкома от 1 декабря 1918 года, подтверждающее это присоединение (ГАУО. Оп. 1. Д. 16. Л. 74об; Д. 13. Л. 5; Д. 19. Л. 236). Контрольный отдел постепенно переходил от контроля над предприятиями к контролю над УСНХ, то есть по сути выполнял функции иногороднего отдела. Но с падением роли УСНХ и их последующей ликвидацией контрольный отдел подобного плана перестал быть нужен в структуре совнархозов, хотя функции контроля у ГСНХ остались и даже увеличивались.

В Самаре из Совета рабочего контроля должен был быть создан отдел рабочего контроля над производством. Положение об отделе было утверждено Президиумом ГСНХ только 20 января 1919 года. Задачами отдела должны были стать организация и осуществление контроля над деятельностью всех подведомственных СНХ предприятий – над отчетностью, производством. Отдел расследовал деятельность администрации, разбирал конфликты между администрацией и ФЗК, проводил обследование предприятий. Ликвидирован отдел был уже в первой половине 1919 года, причин для этого было несколько: все больше предприятий становилось национализированными, работа заводоуправлений стабилизировалась. Кроме того, с развитием системы главкизма отдел рабочего контроля, как и весь ГСНХ, уже мало на что мог воздействовать (ЦГАСО. Оп. 1. Д. 13. Л. 34а; Д. 24. Л. 83).

Также уже в конце 1918 года был расформирован, передав находящиеся в его ведении предприятия соответствующим отраслевым отделам, запланированный и созданный из фабрично-заводского отдела (оба названия употреблялись параллельно), отдел управления национализированными предприятиями Симбирского ГСНХ (ГАУО. Оп. 1. Д. 16. Л. 150об; Д. 7. Л. 53). Та же судьба была и у отдела национализированных предприятий Саратовского ГСНХ. Решение о создании этого отдела было принято Президиумом ГСНХ 24 августа 1918 года. Реально отдел начал действовать 1 октября и существовал два месяца (Хроника..., 1968. С. 323; 1917 год..., 1957. С. 531, 537). При

организации отделу поставлены следующие задачи: создание управлений отдельных фабрично-заводских предприятий или группы производственных единиц; руководство деятельностью органов непосредственного управления предприятиями и контроль над этой деятельностью; обсуждение и утверждение планов производства предприятий, а также их смет; утверждение шкал оплаты труда на предприятиях; учет производства в предприятиях и определение условий сбыта продуктов (1917 год..., 1957. С. 531). В ведении отдела находились (на 20 ноября) 22 предприятия, в разное время национализированных и подчиненных ГСНХ.

Вышеперечисленные задачи показывают, что отдел не национализировал сам, но должен был организовать производство на уже национализированных предприятиях. Так как ему подчинялись предприятия разных отраслей, это был не отраслевой, а функциональный отдел. Причем, это был орган – к чему и стремился ГСНХ – непосредственного управления, а не только контроля. Совнархозы в развитии этого отдела и его функций видели свое будущее. Недаром этот отдел оказался в числе первых немногих отделов ГСНХ, чьи полномочия Поволжский ОСНХ решил расширить до размеров области (ЦГАСО. Оп. 1. Д. 43. Л. 10). Существование отдела национализированных предприятий оказалось недолгим не только из-за дублирования функций подотделов отдела производства, но главным образом из-за той самой функции управления, которая совсем не была нужна набиравшим силу главкам и центрам.

И все же, повторяем, создавалось гораздо больше отделов, чем упразднялось: были сохранены, расширены из подотделов или созданы вновь все необходимые для каждой губернии отраслевые отделы. Везде имелись и играли важную роль отделы топлива, Губкожи, отделы государственных сооружений, отделы, связанные с кооперацией и кустарной промышленностью, Гублесы, металлообрабатывающие и химические отделы, Губстромы, Трамоты, Автосекции, Губмука, полиграфические отделы, отделы, связанные с текстильным и швейным производством и ряд других.

В структуре губернских совнархозов в конце 1920 года вы не найдете одного отдела, существовавшего временно, специфического по функциям и самого важного в период войны. Такой отдел существовал во всех губсовнархозах страны. Речь идет о Губернском отделе военных заготовок (Губвоензаге), созданном в Саратове, например, на основании

постановления Центрального отдела военных заготовок от 6 января 1919 года и постановления Президиума Саратовского ГСНХ от 18 января (ГАСО. Оп. 33. Л. 1; РГАЭ. Ф. Р-3429. Оп. 1. Д. 397. Л. 3). Задачи Губвоензага: объединить деятельность наиболее важных производственных отделов по заготовкам для армии; давать этим отделам задания по заготовкам; сосредоточить в своих руках выдачу заказов на предметы военного снабжения и приемку готовой продукции; осуществлять связь с заказчиками и другими заинтересованными организациями, финансировать военно-заготовительные работы. Губвоензагом были привлечены к работе кожевенный отдел, Губтекстиль, Гублеском, отделы металла и утилизации, химический отдел ГСНХ и другие. А во главе отдела была Коллегия из трех человек: председатель отдела, председатель Губкожа, председатель Губтекстиля (ГАСО. Оп. 33. Д. 10. Л. 12-12об; Оп. 1. Д. 4а, Л. 5). То есть Саратовский Губвоензаг, как и большинство воензагов в других губерниях, был не производственным, а координирующим органом, не отраслевым отделом, а функциональным. Состав Коллегии Губвоензага показывает, какое значение придавалось деятельности этого отдела.

По сути дела все хозяйство страны и вся деятельность совнархозов, как органов, регулирующих это хозяйство, была направлена в годы гражданской войны на военные заготовки. Исход военных действий решался тем, насколько Красная Армия будет обеспечена всем необходимым. На основании приказа Чрезкомснабарма, опубликованного 11 января 1919 года, всем СНХ предложено приступить к военным заготовкам, не ожидая заказов. А все заказы должны были идти строго через Центрвоензаг, созданный в Москве при ВСНХ и Чрезкомснабарме, и губвоензаги. Для установления общего плана деятельности отделов военных заготовок в начале марта 1919 года в Москве созван съезд губвоензагов. На нем распределены функции: практическую работу губвоензаги делают сами, но стратегия устанавливается только с согласия ЦОВЗ (Центрвоензага). Саратовский Губвоензаг проводил отпуск продукции и без нарядов Москвы. Это, конечно, было против инструкции, но по необходимости. Саратовский Губвоензаг, как и все отделы военных заготовок, должен был подчиняться исключительно Москве, но близость военных действий внесла свои коррективы. Согласно постановлению Совета Обороны от 16 апреля 1919 года он был подчинен непосредственно Восточному фронту, при этом подчинение ЦОВЗу тоже осталось. Это вызвало двоевластие и неразбериху, продолжавшуюся до нового

постановления Совета обороны от 7 мая 1919 года, на основании которого приволжские воензаги, в том числе Саратовский, исполняя распоряжения и задания ЦОВЗ, в то же время подчинены Восточному фронту и исполняют его указания. Ввиду приближения фронта к Саратову в июле 1919 года Губвоензаг выполнял распоряжения непосредственно 4-й армии фронта, а также Саратовского ревкома и командования укрепрайона. Совет обороны своим постановлением от 26 июня 1919 года объявил рабочих и служащих мобилизованными и прикрепленными к занимаемым рабочим местам (ГАСО. Оп. 33. Д. 10. Л. 12об-13).

По постановлению председателя Реввоенсовета Л.Д.Троцкого от 16 августа 1919 года производительность Саратовского Губвоензага полностью перешла в распоряжение 10-й армии Южного фронта, а затем – Особой группы Южного фронта, командование которой вмешивалось даже в производство, нарушая его работу.

Согласно приказу № 193 Чусоснабарма (одновременно председателя ВСНХ) А.И. Рыкова Саратовский Губвоензаг перешел Кавказскому (Юго-Восточному) фронту (ГАСО. Оп. 33. Д. 10. Л. 13-13об).

В Саратове находился Уполномоченный Чусоснабарма, и это помогало работе местного воензага: некоторые отделы ГСНХ под их общим воздействием перешли целиком только к исполнению военных заказов. Воензагу приходилось поддерживать производственные отделы ГСНХ отпуском средств, так как они не могли своевременно получить деньги по своим собственным сметам. Кроме того, Саратовский Воензаг финансировал кустарную промышленность как по линии уездных СНХ, так и по линии кооперативных объединений. Воензаг учитывал потребности и производственную продукцию, распределял заказы по производственным отделам.

Симбирская губерния тоже стала одной из баз снабжения Восточного фронта, в Симбирске была организована Областная чрезвычайная комиссия по снабжению Красной Армии. Значительное время основная промышленность губернии (текстильная, кожевенная и химические заводы) находилась непосредственно в ведении командования Восточного фронта. В остальное время действовал режим милитаризации (Головчинер, 1953. С. 265). Например, суконные фабрики были милитаризованы специальным приказом с 1 июня 1920 года и до 1 января 1921 года выработали 1922253 аршин сукна (РГАЭ. Оп. 1. Д. 2050. Л. 1-1об). Значительно раньше, согласно постановлению Реввоенсовета обороны Симбирского укрепрайона и приказу № 248 Симбирского ГСНХ от 30

апреля 1919 года, стали считаться военнообязанными все рабочие и служащие ГСНХ. При этом самовольное оставление службы не допускалось, неявка на службу считалась дезертирством, разрешено было применение сверхурочных работ и работ по праздничным дням (ГАУО. Оп. 1. Д. 10. Л. 64). В первую очередь все отделы ГСНХ выполняли заказы военного ведомства, но для координации действий нужна была специализированная структура. И здесь большим преимуществом для Симбирского ГСНХ перед другими территориями страны было давнее существование внутри ГСНХ отдела военных заказов. Он был создан еще до чехов, был восстановлен одним из первых после освобождения Симбирска, и, как показывают документы, действовал без перерывов, хотя этот отдел не предусматривался по постановлению Коллегии от 1 ноября 1918 года и не был указан в отчете Симбирского ГСНХ на Областном съезде совнархозов. Отдел занимался приемом обмундирования у кустарных пошивочных мастерских. Только с 1 октября 1918 года до 1 января 1919 года было принято 126525 предметов (ГАУО. Оп. 1. Д. 21. Л. 39, 42). Весной 1919 года отдел был преобразован в Губвоензаг, имевший три секции: пошивочную, кожевенно-брезентную, обозно-инженерную. С ноября 1919 года и по февраль 1920 года (в марте – апреле 1920 года отдел был расформирован) пошивочная секция произвела 142834 предмета обмундирования, кожевенно-брезентная секция произвела пар разной обуви, а также упряжи, полушубков и других предметов всего 208096 шт., обозно-инженерная секция саней, телег, пар лыж и другого произвела 10983 шт. (РГАЭ. Оп. 2. Д. 1720. Л. 78об-79).

В Самарском ГСНХ по схеме от 1 декабря 1918 года был предусмотрен отдел военных заказов, задача которого была распределять заказы военных по производственным отделам и следить за их исполнением. Но после указания из центра отдел в конце января 1919 года был реорганизован в Воензаг, который не только координировал работу для военных, но и сам осуществлял производство обмундирования, обуви, разного оборудования в подведомственных мастерских. Коллегию отдела 12 февраля 1919 года утвердил Президиум ГСНХ. Такие же отделы созданы и при всех уездных СНХ. Во главе стояли заведующие с чрезвычайными полномочиями. В отделах и связанных с ними предприятиях была проведена милитаризация служащих. Но первым был милитаризирован дорожный подотдел Комгосоора, а позже, в августе 1919 года, и весь Комгосоор. Только потом был милитаризирован Воензаг, а также и обслуживающие его производственные отделы (металла,

текстильный и др.). Для борьбы с топливным кризисом были милитаризированы Губернский комитет по топливу и Лесной комитет (РГАЭ. Оп. 2. Д. 1582. Л. 60). В Самаре осенью 1919 года организовано Управление Чусоснабарма во главе с членом Президиума ГСНХ Я.А. Андреевым. Воензаги в губернии просуществовали до марта 1920 года (ЦГАСО. Оп. 1. Д. 26. Л. 3; Д. 24. Л. 69об, 73; Игнатенко, 1964. С. 167, 168; Соколов Г.С., 1958. С. 291).

Но, как уже было сказано, на армию работали и другие отделы ГСНХ. В Симбирске на предприятиях Губтекстиля, позже Губшвея, Губодежды постоянно шилось военное обмундирование; отдел утилизации, Автосекция работали практически только на военные нужды. Кожевенные, химические, пищевые, металлообрабатывающие предприятия тоже вносили свой вклад в обеспечение армии до, во время и после существования Губвоензага. Особое значение имели специализированные военные предприятия. В Симбирск перевезено в октябре 1918 года оборудование Петроградского патронного завода и рабочие Петроградского, Охтинского, Луганского патронных заводов. Эвакуированный завод быстро отстроен и наращивал производительность: в октябре 1918 произведено только 596 тысяч патронов, а в феврале 1919 – уже 3,2 миллиона (Гражданская война..., 1974. С. 156). Самарский ГСНХ мобилизовал на работу для армии почти все текстильные и кожевенные предприятия. В текстильном отделе работали на армию ватная фабрика и шесть мастерских. На фронт работали пять металлообрабатывающих заводов Самары, а также предприятия мукомольного, химического и других отделов ГСНХ. Нельзя забывать, что в губернии были военные заводы, как Трубочный, подчиненные напрямую столице, ГСНХ только помогал в их снабжении. Большую помощь фронту оказывали ремесленники-кустари, организованные в мастерские и артели, которыми руководили кустарный, утилизационный и другие отделы ГСНХ. Старопочиночная обувная мастерская утилизационного отдела с конца марта по 20 октября 1919 года починила для армии 3273 пары сапог и ботинок, портняжная мастерская с середины мая по 20 октября починила 4201 штуку разной одежды и т.д. На фабриках и мастерских Губкожа с 15 января по 12 мая 1919 года изготовлено 30501 пара обуви для армии, а с июля по октябрь того же года – 32912 пар. За январь – март 1920 года из-за нехватки сырья изготовлено меньше – 18984 пары (РГАЭ. Оп. 2. Д. 1582. Л. 42об).

Однако следует заметить, что ГСНХ, помогая военным, стремились не попасть в полную зависимость к ним, сохранить самостоятельность, возможность полноправно распоряжаться предприятиями на территории губернии. Например, когда 5-я армия Восточного фронта захотела взять в свое ведение бывший механический завод И.П.Пузырева в Симбирске, Коллегия ГСНХ постановила: «Нежелательно, т.к. армия заинтересована в выработке продуктов, а не в сохранении предприятия» (ГАУО. Оп. 1. Д. 16. Л. 92). Интересы совнархоза Самары и военных властей тоже не раз сталкивались. Например, осенью 1918 года 4-я армия Восточного фронта хотела взять в свое ведение автомастерские, отобрав их у СНХ. Губсовнархоз жестко выступил против этого и не только отстоял мастерские, но и добился финансовой и кадровой помощи армии этим мастерским. Неоднократно совнархоз протестовал и против других попыток военных властей забирать себе то или иное имущество без согласования с СНХ. Но это были частности, в целом Самарский ГСНХ очень многим помогал армии. Для ускоренного подвоза топлива и продовольствия он настоял на введении трудовой повинности. В декабре 1918 года 4-я армия передала СНХ заказов на различное снаряжение и обмундирование на 4 млн. рублей, в частности нужно было изготовить 50000 шинелей, 35000 пар ботинок, 15000 пар сапог, 15000 полушубков, 3000 повозок (ЦГАСО. Оп. 1. Д. 56. Л. 14; Д. 50. Л. 185).

В помощь Губвоензагам в Саратовской, Самарской, и Симбирской губерниях были образованы уездные отделы военных заготовок. В Саратовской губернии большинство из них было образовано в январе 1919 года по постановлению Президиума ГСНХ: 27 января Вольский увоензаг, 28 января – Петровский, 29 января – Балашовский, Кузнецкий, Сердобский и Хвалынский увоензаги (ГАСО. Оп. 33. Л. 1об). По постановлению Аткарского УСНХ от 14 апреля образован и с 1 мая начал работать Аткарский воензаг. С августа 1919 года после освобождения Камышина от белых начал действовать Камышинский воензаг (ГАСО. Оп. 33. Д. 11. Л. 1), с 6 августа существует Балаковский уездвоензаг (ГАСО. Оп. 33. Л. 1об), который находился в ведении Самарского Губвоензага, так как уезд принадлежал Самарской губернии, но затем по распоряжению А.И. Рыкова был временно передан Саратовскому Губвоензагу (ГАСО. Оп. 33. Д. 11. Л. 1). 21 февраля 1919 года созван первый съезд уездных и районных СНХ Самарской губернии. Главный вопрос съезда – выработка единого плана снабжения армии всем необходимым. Местные совнархозы учли и пустили предприятия, многие из них уже работали на армию. Например,

Мелекесский СНХ к февралю 1919 года уже сдал 27000 ходов саней, 700 полушубков, более 600 пар сапог и ряд других изделий, произведенных в основном кустарными мастерскими (Известия..., 1919. № 19. С. 38, 43). В Симбирской губернии Сенгилеевский Увоензаг организовывал производство кустарями обмундирования и сапог. Упразднен еще 9 января 1920 года по постановлению УСНХ в целях экономии средств. Функции переданы в кустарный отдел УСНХ. Карсунский Увоензаг также занимался производством обмундирования, сапог, лаптей. В марте 1920 года обувные артели переданы кустарному отделу. В июне 1920 года из-за отсутствия сырья работа практически стояла. В июле УСНХ решил выполнить мартовский приказ Чусоснабарма и вместо Увоензага организовал отдел по производству военного обмундирования, прозодежды и гражданского платья (Уодежда) (РГАЭ. Оп. 2. Д. 1720. Л. 18об, 22, 26, 33об, 36, 65; Отчет..., 1921. С. 59, 60). Алатырский увоензаг всего с двумя мастерскими функционировал с 14 февраля 1919 года по 26 июня 1920 года и тоже был трансформирован в Уодежду. Сызранский увоензаг производил обмундирование, кожаные изделия, телеги, сани, упряжь. Был расформирован в июле – августе 1920 года, на его базе была создана Ушвея, другие секции переданы кожевенному отделу и отделу металла (Отчет..., 1921. С. 45, 46, 47, 54).

Рассмотрим как пример Кузнецкий воензаг, самый производительный из всех уездных отделов. Во главе него весь Президиум УСНХ. Воензаг использует все предприятия Кузнецка, а также разбросанных по городу и уезду кустарей. Под его руководством изготавливаются для армии: обмундирование, обувь, полушубки, меховые пиджаки, кожаные тужурки, брюки, фуражки, шапки, веревки, кожи-полуфабрикаты и т.д. У него в распоряжении восемь кожевенных заводов (252 рабочих), пять меховых заводов (547 рабочих), три канатно-веревочных фабрики (85 рабочих), сапожные мастерские (300 рабочих), шорные мастерские (106 рабочих), валяльные мастерские (23 рабочих), мастерские готового платья и белья (652 рабочих), шапочная мастерская (43 рабочих), башмачная мастерская (36 рабочих), тележная мастерская, артель кустарей (125 работников), кузнечные артели (350 работников) и т.д. (ГАСО. Оп. 33. Д. 10. Л. 16об). Не все предприятия работают полным ходом – не хватает рабочих, разных материалов. Но в целом предприятия Кузнецкого воензага за 1919 год изготовили 44000 различных предметов (ГАСО. Оп. 33. Д. 11. Л. 1).

К концу гражданской войны потребности в обеспечении армии хоть и оставались, но постепенно уменьшались. Воензаги становились лишним звеном, и в конце марта 1920 года вышел приказ Чусоснабарма А.И.Рыкова о ликвидации губвоензагов и увоензагов. Их функции переходили к Президиумам ГСНХ и УСНХ и производственным отделам. Как уже отмечалось, в марте началась ликвидация самарских и симбирских воензагов. Согласно этому приказу мартом 1920 года датируют и ликвидацию воензагов в Саратовской губернии (Пятилетие..., 1923. С. 6, 23), но документы показывают, что эта ликвидация началась только 10 апреля 1920 года (ГАСО. Оп. 33. Д. 10. Л. 41).

Следовательно, к 1921 году система советов народного хозяйства в губерниях, на примере Саратовской, Самарской и Симбирской, уже имела достаточно стройную административную структуру, построенную во многом по отраслевому принципу, опробованную в условиях войны и позволяющую обеспечивать нужды армии и центра государства. Именно по этой причине отказались от воензагов. Но вот достаточна ли эта структура была при смене в стране военной обстановки на мирную, при смене военного коммунизма на нэп?

Источники

Государственный Архив Саратовской области (ГАСО). Фонд Р-48. Саратовский губернский совнархоз. 1917-1928 гг.

Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). Фонд Р-103. Симбирский губсовнархоз. 1917-1928 гг.

Российский Государственный Архив Экономики (РГАЭ). Фонд Р-3429. Высший Совет Народного Хозяйства. 1917-1932 гг.

Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Фонд Р-88. Самарский губернский совет народного хозяйства. 1918-1928.

Известия Самарского губернского Совета народного хозяйства. Самара, 1918-1919.

Красная летопись: Материалы к истории советского строительства в Самарской губернии (октябрь 1917 г. – апрель 1921 г.). К 8-му съезду Советов. Самара: Госиздат, 1921. 512 с.

Отчет о деятельности Симбирского губернского совета народного хозяйства за время с 1 января по 1 октября 1920 г. к 10 Губернскому съезду Советов. Симбирск, 1921. 68 с.

Пятилетие Саратовского Губернского Совета Народного Хозяйства (1917/18 – 1923 г.г.). Юбилейная памятка. Саратов: СГСНХ, 1923. 152 с.

Соколов Г.С. Самарский губсовнархоз // Боевое прошлое. Куйбышев, 1958. С. 282-297.

1917 год в Саратовской губернии. Сборник документов (февраль 1917 – декабрь 1918 гг.) / под ред. В.А.Осипова, Г.И.Сухарева. Саратов: Книж. изд-во, 1957. 660 с.

Хроника революционных событий в Саратовском Поволжье. 1917-1918 гг. / Под ред. Г.А. Герасименко. Саратов: Приволж. книж. изд-во, 1968. 420 с.

Литература

Головчинер Я.М. Симбирская губерния накануне перехода на мирную работу по восстановлению народного хозяйства (1920 – март 1921 г.) // Краеведческие записки. Ульяновск, 1953. Вып. 1. С. 263-287.

Гражданская война в Поволжье / под ред. М.К. Мухарямова и др. Казань: Татарск. книж. изд-во, 1974. 495 с.

Игнатенко Т.А. Организация и деятельность Самарского губернского совета народного хозяйства в первые годы Советской власти // Из истории рабочего класса и промышленности СССР. М., 1964. С. 147-183.

Морозов В.Ю. Самарский совнархоз при Советской власти и Комуче // Краеведческие записки. Вып. 9. Самара, 2000. С. 119-128.

Соколов С.А. В канун великого почина (Хозяйственное строительство в Поволжье в 1918 г.). Саратов: СГУ, 1974. 173 с.

РУССКИЙ МИР СЕРГЕЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА ЕСЕНИНА

Статья посвящена рассмотрению творчества Сергея Есенина в контексте этнических воззрений поэта. Анализируется их влияние на сохранение этнической культуры.

Ключевые слова: Сергей Есенин, этнос, народная культура.

Говорить о русскости поэтического мира С.А. Есенина словно и незачем, настолько очевиден сам факт этого. Здесь всё настолько подчинено красоте родной земли, настолько человеческое и природное тесно увязано в одно одухотворенное целое, настолько возвышено слово «родина», что нет никаких сомнений в подлинно национальном характере этого гения. И потому жизнь Есенина, словно и не его жизнь, а судьба всего русского народа, прежде всего простого народа, крестьянского. Однако же, как и любой мир всякого великого творца Слова, простой и ясный по форме, он наполнен в своем содержании таинственностью и глубиной, подлинным символизмом, той живой драматургией, которая вся — на острие добра и зла, гармонии и хаоса, красоты и безобразия. С какой страстью, силой, энергией пульсирует есенинский стих, как много в нем кроме самого важного — поэтического, художественного, — того, что великий поэт не боится выносить на наружу, на взыскательный и не всегда лицеприятный суд читателя: мифы своего времени, прозрения, пророчества, даже просто крики о боли и страдании, радости и восторге. И все это искренне, естественно, как естественно поведение юродивого, который не боится прилюдного суда и огорчения, но сам взывает к нему, сражается с ним. Наш первый тезис, связанный с «русским миром» Есенина, следующий: ему доверено быть своего ключником в мире русской словесности, ключником, который закрыл двери дома русской народной поэтической традиции и с этого времени он — Есенин — становится ответственным за возрождение народного слова. Путь к былинам и плачам, обрядовым песням и русской пословице, ко всему великому народному лежит через художественное, профессиональное слово. Сам Есенин уже не был творцом фольклора, как ими не были уже Пушкин и Жуковский, Никитин и Кольцов, Тютчев и А.К. Толстой. Но при них дверь в мир народного Слова была еще открыта, и профессиональная

поэзия черпала оттуда сколько хотела и могла. В этом смысле значение профессиональной русской художественной поэтической традиции нам видится не только в самостоятельности, самоценности сделанного, но еще больше в коммуникативной способности быть проводником и хранителем неисчерпаемого богатства народного творчества. А в народном творчестве для русского человека заключено всё самое важное в культуре, здесь находятся все глубинные смыслы этнической и духовно-религиозной традиции. Профессиональные поэты лишь возжигают, подогревают интерес к подлинно высокому, подлинно драматическому, не дают сердцу совсем остыть, в мире, где сегодня потерян континуум времени, как благодати, потеряна естественность культурного воспроизводства, традиция перестала быть общим жизненным пространством, а вместо всего естественного и живого — лишь знаки и символы, обозначающие скрывшийся до поры мир.

Каково было Есенину выполнить порученное ему дело — замкнуть на ключ дверь в народный мир и стать ответственным за вход туда всех последующих за ним, как поэтов, так и читателей?! И легко, и трудно. С необыкновенной легкостью он скользил он по творческому древу, известному еще древнерусскому Бояну. Но также всю жизнь его не отпускало чувство необыкновенного трагизма. Есенину пришлось жить в самую тяжелую для России эпоху, когда чуть ли пол страны восстало на Христа. Поэт искренне, в духе времени, старался смыть со своего лица и сердца лик *церковного Христа*, запечатленный на нем и крещением, и церковными таинствами; старался искренне жить «по-новому», «по-революционному» — с кощунственными выпадами против монастырей и священников; трудиться против старого церковного быта; перебиваться с семьей «перекати поле», легко переходя от одной привязанности к другой, не держась, ни за жен, ни за детей; сродниться с новым правом обо всем судить (морали, вере, человеку) по законам нового времени. Но чем больше Сергей Александрович углублялся в стихию народного бунта, тем с большим одиночеством и ответственностью пред своей совестью он сталкивался. В какой-то момент Есенин стал наблюдать за собой со стороны, из глубины сердца, оттуда, где продолжал жить неугасимый голос Бога в человеке. Но когда это произошло, неизвестно. Да и мог ли и сам поэт ответить на это вопрос? Если он и знал об этом, то тщательно скрывал от других существование этой искры в себе, а если не знал и лишь догадывался, то еще трепетнее относился к своему талисману, ангелу-хранителю. Есенин скрывал свое сокровенное столь тщательно, что даже

для самых разных сил зла (вплоть до inferнальных), все более сгущавшихся вокруг поэта, неожиданной стала развязка, когда поэт в «последнюю, роковую минуту», не покорился злу, а вдруг вызвал его на дуэль, как равного себе. И хотя Есенин погиб, но этот вызов стал основанием для его победы в вечности. Такова общая концепция статьи, далее же рассмотрим более подробно, как выстраивалась драматургия поэтической жизни Есенина, и какое значение имела для него русская тема.

Поэтическая жизнь С.А. Есенина состоит из трех этапов: 1) предреволюционный период, когда Есенин поэтически завоевывает столичный Петербург – 1913—1917 гг.; 2) революционный период вплоть до времени посещения заграницы — Европы и США – 1917 —1923 гг.; 3) советский период – время активных поездок по Закавказью – 1923—1925 гг. В каждый из этих периодов Есениным решалась своя поэтическая и судьбоносная задача сохранения в себе русскости, как глубинного почвенного начала, связывающего его с народной традицией. В первый период Есенин решительно и совершенно сознательно движется в направлении создания художественной поэтической классики, отражающей крестьянский мир. То, что сделали для своих сословий Пушкин, Гоголь, Достоевский и Толстой, он делает для крестьянства. Об этом он ясно говорит отцу, накануне отъезда в Москву. И эта эпохальная задача действительно была решена поэтом. Во второй период Есенин ставит задачу воспеть крестьянским словом и умом октябрьскую революцию 1917 г., от которой поэт ожидал предоставления народу земли в полное, безвозмездное владение и возможность на ней беспрепятственно трудиться. Специфическим языком этой поэзии становится «крестьянский миф», в том виде как его представлял себе Есенин, получивший представление о «народной религии» из книг писателей-этнографов Афанасьева и т.д. Поэт хочет показать, что революция шире того зауженного мира, который вокруг нее, что она космична, ибо происходит смена религии. Православие, христианство, в их прежнем церковном выражении, по его мнению, не создали гармоничного мира, свободного от страданий и несправедливости, поэтому должен родиться новый мир и должна родиться новая религия. Есенин верит не столько в ее нравственность, сколько в красоту, величие, размах. Дело поэта — революционно разрушить старое и воспеть пределы нового мира. В новом мире также будут и Христос, и Божия Мать, и Микола Угодник, но в народном крестьянском их значении. Наконец, на третьем,

завершающем этапе своей творческой и земной жизни, Есенин главным для себя ставит проблему сохранения души в чистоте.

К предреволюционному времени русскость в глазах образованного общества была уже лишена двух своих главных компонентов: этничности, т.е. русскости как таковой, и конфессиональности, православной составляющей. В русскости внецерковные интеллигенты уже предпочитали видеть только правовой статус, «российскость», принадлежность к российскому гражданству. Русскость, как церковность, ассоциировалась с мракобесием, ретроградством и отсталостью. Русскость как этничность (народность) сближалась с черносотенством, радикальным национализмом и также была для многих из них неприемлема. Русскость церковную и русскость этническую покрывал своей державной опекой, с точки зрения интеллигенции, самодержец российский — император, поэтому он и стал средоточием зла для них, с его именем связывались и мракобесие и национализм. Назваться интеллигенту «народным» (писателем, поэтом, общественным деятелем) означало встать в лагерь «реакции». Горький в разговоре с Николаем Клюевым (25 октября 1915 г.) готов быть русским (гражданский идентификатор), но не хотел называться народным, что указывало бы на его русские этнические корни, которых он страшно стеснялся. Свидетельница этой сцены художница Н.И. Любавина писала: «В то время слово народный отождествлялось с понятием истинно-русский. От таких слов бежали все как от чумы» (Летопись, 2003. Т. 1. С. 275). Клюев и Есенин в пору чтения своих стихов в салонах С.-Петербурга нарочито называют себя «народными поэтами», чтобы подчеркнуть свою русскость, почвенность. И это был вызов интеллигенции, игра опасная, но азартная. Второй важный момент принципиальной есенинской позиции в этот дореволюционный период его творчества — по-крестьянски благожелательное отношение к царю. «Душка Есенин», как говорили о нем в салоне З. Гиппиус, этим сближением с царским двором, чтением стихов царским дочерям и императрице, желанием посвятить Александре Федоровне первый свой поэтический сборник, явно бросает демонстративный — народный — вызов всей беспочвенной образованной массе Петербурга и Москвы. Поэту важнее было отстоять в данный момент русское начало «народного царсколюбия», нежели соблюсти правила хорошего тона, созданные интеллигентской художественной средой.

В «царский период» поэтический язык Есенина отличается особой выразительностью и гармонией. Самым ясным и емким,

характеризующим и этничность, и религиозность Есенина в дореволюционный период, стало произведение 1914 г. «Гой ты, Русь, моя родная». Здесь, конечно, же нет противопоставления Руси и рая, а напротив они соединяются в одно целое. Русь не называется Святой, но по она свята полнотой церковной жизни: Спас здесь кроток, голубой Покров Богородицы простирается над всей страной: «не видать конца и края, только синь сосет глаза». Люди счастливы: об это свидетельствует «на лугах веселый пляс» и «девичий смех». Есенин находит то необходимое равновесие, которое позволяет его отказ от рая не воспринимать как нечто буквальное. Царские стихи Есенина пронизаны необыкновенной гармонией земного и небесного. Здесь нет деления на два мира, пространством является «равнина». На равнине растут «кустики», разлились реки и озера, поля засеяны хлебом, но есть и ковыльные степи: «О Русь – малиновое поле и синь, упавшая в реку, – люблю до радости и боли твою озерную тоску» (1916 г.) (Здесь и далее все поэтические цитаты воспроизводятся по (Есенин, 1979. Т. 1)). Этот мир, хотя сияет и светится, но он грустный, красота его неброская. Он весь скреплен христианскими скрепами: «Опять часовни на дороге и поминальные кресты». Эта природа дышит молитвами, здесь всякий день совершается богослужение: «Алый мрак в небесной черни начертил пожаром грань я пришел к твоей вечерне, полевая глухомань» (1915 г.). Или в другом стихе: «Снова выплыл из роши синим лебедем мрак. Чудотворные мощи он принес на крылах» (1916 г.). «Гляну в поле, гляну в небо – и в полях и в небе – рай». В этом мире молитва рождается естественно: «Твой глас незримый, как дым в избе, смиренным сердцем молюсь тебе» (1916 г.). «В лунном кружеве украдкой ловит призраки долина. На божнице за лампадкой улыбнулась Магдалина» (1916 г.). В некоторых «царских стихах» Есенин прощается с деревенской молодостью: «Прощай родная пуща, прости златой родник, плывут и рвутся тучи о солнечный сошник» (1916 г.).

Как нам кажется, достижение духовного равновесия в поэзии поэт смог достичь не в силу своей премудрости и опыта, а по причине того, что в это время в круг его слушателей входили Царственные мученики. Есенин читал стихи в гостинице преподобномученицы Елизаветы Федоровны, о чем оставил воспоминания художник М.В. Нестеров (Нестеров, 2006. С. 486). Также по желанию императрицы Александры Федоровны, он выступил в ее присутствии, о чем сам потом упомянул в биографии (Есенин, 1979. Т.5. С. 223). За чтение поэт был награжден памятным подарком — золотыми часами.

Впрочем, это выбор нельзя назвать случайным. Слишком много у поэта уже к 1914 году накопилось такого, что противоречило и вере православной и русскости. Этот луч света, данный ему открывал скорее неведомое, полноту, гармонию, равновесие земного и небесного, но поэт не воспользовался этим шансом, данным ему Богом. В лице царственных особ Есенин встретился с тем образом Христа о котором поэт так много говорил в стихах. Но, как и сам он предчувствовал, шествующего по Руси Христа, он не заметил (И может быть, пройду я мимо и не замечу в тайный час, что в елях — крылья херувима, а под пеньком — голодный Спас»). Так оно и случилось. В том же 1914 г. Есенин пишет, что наступает время, когда Богородица несет и отдает миру на распятие своего Сына, чтобы «проверить людей, кто истинный христианин» (1914 г.). На эту же тему стихи «Шел Господь пытатъ людей в любви». Поэт ищет Спасителя среди елок и березок: «Между сосен, между елок, беж берез кудрявых бус, под венком, в кольце иголок, мне мерещится Исус» (1914 г.). Этот поиск — не от зова сердца, не от духовных прозрений, а от эстетствующего и гордого выбора места, где Бог должен ему явиться. Ведь поэт нашел свою церковь в природном окоме: «чую радуницу божью — не напрасно я живу, поклоняюсь придорожью, припадаю на траву...» Поэтому здесь «Он (бог) зовет меня в дубровы, как во царствие небес... голубиный дух от бога, словно огненный язык, завладел моей дорогой заглушил мой слабый крик... льется пламя в бездну зренья, в сердце радость детских снов, я поверил от рожденья в богородицын покров». С трудом поэту удастся удерживать равновесие земного и небесного в церковных стихах, несомненно, написанных «под царственное внимание». В известных стихах «По дороге идут богомолки» он не ограничивает себя описанием неприхотливого быта этой столь распространенной на Руси группе лиц, но позволяет чуть заметную иронию: «Из подворья с высокой келейки на платки их монахи глядят». И еще: «А в саду разбредались собаки, словно чуя воров на гумне».

В 1915 г. в написанные тихие, спокойные русские пейзажи начинает врываться уже ветер перемен. В стихах «В том краю, где желтая крапива» поэт пишет очень важное признание: «Я одну мечту, скрывая, нежу, что я сердцем чист. Но и кого-нибудь зарезу Под осенний свист». Есенин не ожидает, что этот кто-то окажется Христом-Богом, которого он недавно воспевал и которого боялся пропустить и не заметить на дороге.

Поэт не сразу вошел в поток антихристианской поэзии, лишь отдельными хулиганскими стихами он озвучивал свою новую жизнь.

Больше звучат стихи-прощания с неизбежно уходящим и Есенин чувствует трагедию этих перемен. Такие стихи появляются со второй половины 1916 г. В этих стихах постоянно вырисовывается образ холма или горы, как разделительной черты, стоящей на границе двух миров. Холм – образ грехов в «Слове о полку Игореве», он отделяет мир до битвы и мир битвы и после нее. Также действие происходит в вечернее время: «И часто я в вечерней мгле, под звон надломленной осоки, молюсь дымящейся земле о невозвратных и далеких» (июнь 1916 г.) с. 106) Появляются мотивы смерти «изба-старуха челюстью порога жует пахучий мякиш тишины.. всё гуще хмарь» (1916 г.) В другом стихотворении: «кто-то сгиб, кто-то канул во тьму, уж кому-то не петь на холму, мирно грезит родимый очаг о погибших во мраке плечах» (1917 г.). В этих стихах тьма, ночь луна, дождь непогода, еще сопровождаются Божьим присутствием: «с золотой тучки глядит Саваоф» или «на ветке облака как слива златится спелая звезда». Тьма, которая открывается поэту кажется ему еще «певучей». Он оценивает свое движение к этому новому, как «тихую судьбу» «в дорогу дальнюю, не к битве, не к покою». Здесь «холмы плешивые и слегшийся песок и пляшет сумрак в галочьей тревоге. Уйдя за холмы поэт попадает в «дремлющую Русь». В дом, куда его увлекла судьба, уже новая «женская реальность»: «хозяйка спит, а свежая солома примята ляжками вдовеющей любви». В божнице он видит только тараканьи следы. К молитве призывает природа за окном и туда идет поэт. Там – солнце и «новый говор липнет на язык» (1917 г.). В начале февраля 1917 г. у Есенина еще «свет от розовой иконы на золотых моих ресницах». «Не напрасно дули ветры, не напрасно шла гроза, кто-то тайным тихим светом напоил мои глаза». В этом мире царского покоя поэт увидел природный мир духовными очами: «Не гнетет немая млечность, не тревожит звездный страх, полюбил я мир и вечность, как родительский очаг». Холмы появляются почти в каждом стихотворении первой половины 1917 г. В стихах «Под красным вязом крыльцо и двор» холм вообще ассоциируется с луной над крышей. Она названа «золотой бугор» (1917 г.). «Нивы сжаты, рощи голы, от воды туман и сырость. Колесом за сини горы солнце тихое скатилось». Поэт в этот короткий период «прощания» с царскими стихами прощается и с женской темой: «Зеленая прическа, девическая грудь, о, тонкая березка, что загляделась в пруд?»

Уже в «царский период» у поэта появляются стихи о животных, где речь, практически идет о самом поэте, его будущем: Скоро на гречневом сее, стой же сыновней судьбой свяжут ей петлю на шею и поведут на

убой» («Корова», 1915 г.) Или стихотворение «Лисица» 1916 г. В 1917 г. наряду с гибнущими животными, многочисленными холмами, частыми луной и месяцев (действие в стихах обычно происходит ночью), появляется «деда», персонажа с духовно-негативной основой: «Луч оборвался, и по скользким холмам отраженье скатилось в луг. Солнышко испугалось... а старый дед, смеясь грохотал как гром» («Пропавший месяц»). В конце 1916 г. космология начинает привлекать Есенина властно и требовательно. Природа всё более становится мифически живой: «небо словно вымя, звезды как сосцы, пухнет божье имя в животе овцы». Поэт ждет рождение «нового Христа»: «Новый под туманом вспыхнет Назарет... новое восславят Рождество поля». Но тишины и благости в этом явлении нет: «как пес пролает за горой заря... будет страшный вопль и крик, отрекутся люди славить новый лик». Речь идет о революции, которую «люди не примут», но их заставят «скрежетом булата» принять ее. В 1917 г. появляются первые богоборческие строчки Есенина. В стихах «О Русь, взмахни крылами» он говорит: «Долга, крута дорога, несчетны склоны гор (из-за грехов уже ничего не видно) Но даже с тайной Бога веду я тайный спор». И далее: «Сшибаю камнем месяц (столь опозитизированный поэтом в предыдущий период) и на немую дрожь, бросаю, в небо свесясь, из голенища нож» (1917 г.). Казалось бы, в стихах 1915 г. поэт простился с юностью, с доцарским периодом, где обещал к ножу за голенищем не возвращаться, но прошло чуть больше года и опять – нож, но теперь уже не против своих деревенских парней, а против Бога. Поэт осознает сколь бесплодна будет его деятельность далее: «Сокройся, сгинь ты племя смердящих снов и дум! На каменное темя (не пахоту, не на поле – О.К.) несем мы звездный шум» (даже не музыку, а шум. — О.К.). Новый мир Есенин воспринимает как «солнце», как «гостя», которого он идет встречать «за дорожным курганом» (1917 г.). В новом мире, куда поэт ступает, минуя царский период, постепенно возникает и новое отношение к женщине.

Нахождение в поле внимания царской семьи заставило поэтически чуткого Есенина, по сути, пересмотреть свой прежний взгляд на творчество. Представляя себе, что читателем его будет не просто высокородный дворянин или высокоумный интеллигент, наподобие Гиппиус или Блока, а помазанник Божий, царь всея Руси, Есенин, совершенно очевидно был воодушевлен этим, и предъявлял себе более высокие требования к художественной правде стиха. Он совершенно уходит от формальных подражательных стихов Кольцову, Никитину,

Клюеву, но в короткий промежуток времени становится подлинным, самостоятельным поэтом, который занимает свою самобытную нишу в русском искусстве. Не случайно главной темой стихов 1916 и начала 1917 г. становится тихая грусть, печаль, что не преминула заметить царица Александра Федоровна в разговоре с поэтом. Есенин успевает до революции крепко встать на ноги благодаря опеке царской семьи и начать свой следующий — революционный — этап уже как подлинный самобытный, состоявшийся поэт. Опасность недостижения поэтической зрелости у Есенина, безусловно, была. Встречи в гостиных, художественные вечера, салоны и т.п. — все это мелькало как калейдоскоп. К нему с болью обращается литературный критик А.И. Тиняков, говоря об опасности для таланта «по эстрадам таскаться», вместо того, чтобы «в тишине и близости к родному народу работать над развитием и раскрытием данных вам духовных сил». Критик считал, что поэта нарочито затягивали в этот мелькающий калейдоскоп эстрадной шумихи именно с целью остановить движение его таланта к совершенству (Летопись, 2003. Т. 1. С. 352).

Позже над другим русским гением — Николаем Рубцовым на этапе его начального взлета также будет довлеть опасность «холостого выстрела», когда поэта стали активно втягивать в орбиту переводческой деятельности и вовлекать в организационную советскую писательскую деятельность. Чтобы ярче воспеть советский интернационализм, советскость, молодым талантливым русским поэтам поступало много предложений переводить на русский язык стихи молодых национальных поэтов. Национальные поэты в пору учебы в Литературном институте в Москве «получали всевозможные дотации от своих столичных представительств и республиканских писательских союзов, в отличие от своих русских сокашников. И Рубцова не шибко привечала тогдашняя вологодская писательская команда. Но не только материально жилось лучше студентам из республик. Редкий из них после каникул возвращался без книги, изданной на родном языке, а иногда и в русских переводах». Лев Катюков — автор этих воспоминаний о Рубцове считает, что «поэтическое донорство» могло не только лишить русскую поэзию многих невосполнимых сокровищ, которые Рубцов бы не успел написать, но Рубцов «может быть, вообще остался бы рядовым талантом...» (Рубцов, 2004. С. 208).

Во второй этап творчества Есенин вступил в полноте своих поэтических сил, с оптимизмом отнесясь к октябрьской революции.

Есенин очень надеялся, что «народная революция» — это революция *социальная*, несущая народу право на безвозмездное владение землей, на которой он трудится. Ради этой народной правды, он готов начать историю России с чистого листа: с новой религии и веры. Есенин опять вступает, как и в начале своего поэтического пути, на путь формализма, но теперь уже он следует не за поэтическим образом Никитина или Кольцова, а за *мифологическими идеями* Афанасьева и Буслаева, а также исследователя русского сектантства Щапова. Много работает с текстом византийского автора Козьмы Индикоплова. Философ А.Ф. Лосев писал в 1930-е годы о том, что революция толкает на мифотворчество, это ее язык, ее форма сознания, через миф она становится понятна народу, который принимает революцию (Лосев, 1990. С. 568; Тахо-Годи, 2007. С. 103). В методологически важной для Есенина литературно-этнографической, точнее даже историософской статье «Ключи Марии» (1918 г.) поэт обозначает те основы деревенского бытия, которые определяют ее сущность: символический мир, подчиненный космосу, вписанный в космос, в то время как православие «родилось в нас как образ, напоенный прозрениями наших языческих мистерий» (Есенин, 1979. С. 270). Есенин строит свой формализованный революционный поэтический Олимп, где есть привычные его душе «Исус», «Мария Богоматерь» и «Микола». Раньше А. Блока он поднимает тему участие Христа в русской революции в поэме «Товарищ». Младенца-Христа по сюжету поэмы убивают враги революции и того захоранивают на Марсовом поле среди жертв революции. Не будем касаться содержания богоборческих космологических поэм Есенина 1917— 1919 годов, они показательны своим крайним радикализмом расправы «со старым христианством». В эти годы и в поведении поэт являет легкость, с которой он переступает границы «страха Божия», благоговения перед святыней. Так он рубит на дрова для самовара икону в доме, где они ночевали с другом холодной зимой 1919 года. В те же годы он с друзьями имажинистами расписывает кощунственными стихами стены Страстного монастыря. Исследования обстоятельств участия поэта в литературном объединении имажинистов, позволяют сегодня говорить о том, что за этим стояли не просто хулиганство. Поэт был незаметно втянут в масонский, по сути, орден имажинистов у которого были ясные богоборческие цели. В эти годы у Есенина вдруг появляется намерение собственное литературное течение, своего рода дьяволиаду. Это течение предполагалось назвать «аггелизмом», по аналогии с агелами — падшими ангелами (Шубникова-Гусева, 2001. С. 421). Поэтическая революция стала

сходить на нет, как только стало выясняться, что цели и задачи у политической революции большевиков и задачи художественно-идеологической революции поэтов и писателей совершенно разные. Есенин стал с удивлением открывать для себя, что октябрьская революция имеет не социальный, а национальный характер. И к 1920 году у поэта наступает своего рода прозрение. Хулиганство, которое было частью поэтической революционности в 1918—1920 г. приобретает характер бунта-хулиганства, пугачевщины. Поэма «Пугачев» становится первым страстным криком-протестом против узурпации революции, узурпации властью народной революции. Тема подмены государя делается для Есенина главной. Вполне возможно, что поэту эта подмена казалась не абстрактной, а вполне персонифицированной: «русского», «народного» Ленина, по болезни отошедшего от дел, заменяют «нерусские» Троцкий и Сталин. Соответственно, объяснима и смена политического курса. Тому, что Есенин так думал, существует косвенное подтверждение. Будучи за границей в Европе в 1923 г. он в разговоре с секретаршей-переводчиком Лидел, привел такую версию событий в России: Ленин умер, тело его набальзамировали немцы, а власть большевики не знают кому передать, потому что нет «сильной фигуры» и пока такого человека не найдут, смерть Ленина будут скрывать от народа (Летопись, 2003. Т. 3. Ч. 1. С. 88).

Начиная момента появления нового взгляда на революцию, меняется и общественное поведение поэта: он начинает бунтовать, пытаясь таким образом достучаться до общественного мнения. Антрихристианская тема вообще уходит из его творчества.

Итогом этого прозрения поэта стала не только поэма «Пугачев», но и новое понимание народных задач, новое понимание основного врага народной революции. Выхваченное у русского народа знамя революционной победы переходит в руки нерусских национальных сил и для русского народа устанавливается нерусское интернациональное, космополитичное иго. Драматургию этого явления Есенин опишет в поэме «Страна негодяев», которую он стал писать за границей, но судя по всему, обдумал, находясь еще в России.

Таким образом, второй этап жизненного и творческого пути поэта, который мы определили как «революционный» и «богоборческий» заканчивается выдающимися в художественном и поэтическом смысле произведениями, о которых можно сказать, что здесь формальная идея, откровенная мифология революции, присутствующая в революционных поэмах, сменилась реализмом и адекватным взглядом на революцию.

Третий, завершающий этап творчества Есенина, был связан с глубинными прозрениями, которые произошли у него за границей. Поэт ехал туда, чтобы раскрыть перед просвещенным Западом новую идеологию революции — необходимость народного бунта и возвращения страны к русским началам. Но за границей он не нашел искомой (в том числе русской) публики, которая как он думал должна была его внимательно выслушать и понять. Его необыкновенно поразило самодовольство сытой и равнодушной к духовным вопросам Европы и Америки. В очерке «Железный Миргород» Есенин с глубокой болью восклицает: «Европа и США» не способны на революцию (т.е. на народный бунт), слишком они опутаны комфортом и отягощены сытостью жизни. Не найдя себе союзника за границей Есенин возвращается в Россию, как на Голгофу, понимая, что союзников у него нет и доводить дело, которое он начал до логического конца придется ему одному. Имажинистам, его поэтическим единомышленникам, нет дела до Родины, о судьбе ее они не скорбят. Сельские поэты, его родная «купница» тоже не понимают всей глубины происходящего. Еще находясь за границей, Есенин определяется и с конкретным лицом врага, против которого он готов направить главные и последние силы своей души. Там он пишет первоначальный вариант поэмы «Черный человек». Но за границей поэма еще не складывается в тот необходимый емкий образ, уже живущий в поэте. За границей Есенин понял самое важное, что главный враг русской народной революции — это враг *христианства* и *церковного Христа* и победа над ним возможна лишь ценою собственной жизни. Поэма в значительной степени переделывается после возвращения в Россию. Два года работал над ней Есенин и справедливо считал это произведение высшим этапом своего поэтического творчества. Исследователи считают, что в черном человеке — антиподе лирического героя, есть начала двух сущностей: inferнальная сущность, это очевидный представитель сил зла, но есть здесь и нечто от лирического героя, его второе, отраженное «я» (Есаулов, 2004. С. 321 – 353). Соединить эти две ипостаси можно лишь по-христиански понимая, что греховная скверна, накопленная поэтом и имела вид черного человека. Лирический герой в поэме стоит перед выбором: или принять черного человека, поклониться ему, как об этом пишет Евангелие, там, где описывается искушение Христа в пустыне, или отвергнуть его. Лирическому герою мешает это сделать не только искушающий черный человек — бес, но и собственные грехи, как Господу мешала в этом случае немощь ослабевшей от поста плоти. И вот здесь

открывается вся история жизни самого Есенина. При том, что при нем — «грехи его тяжкие», но и при нем же оказывается чистая детская душа. Понять это противоречие помогает нам евангельские слова о прощении грехов. Простительны грехи против Христа, но непростительны против Духа Святого, о чем четко говорит Евангелие («Посему говорю вам: всякий грех и хула простятся человекам, а хула на Духа не простится человекам; если кто скажет слово на Сына Человеческого, простится ему; если же кто скажет на Духа Святого, не простится ему ни в сем веке, ни в будущем» (Мф. 12,31-32)). Грехи против Христа, которые совершал в течение жизни Есенин, даже его кощунство и богоборчество были его личным заблуждением, ошибкой выбора пути к добру. За эти грехи поэт расплатился одиночеством, в котором он оказался. Но душою он никогда ни на минуту не отрекался от Бога. Даже тогда, когда некоторые поэты революции в упоении убивали ее врагов, порой безоружных, Есенин говорил: «Не расстреливал несчастных по темницам». Эти слова Сергея Есенина, предлагал сделать вообще *символом веры* поэта и поэзии другой поэт эпохи — О. Мандельштам. Сохранив чистую душу, Есенин в непосредственном столкновении-встрече с черным человеком-бесом, сохранил в себе силу ему противостоять. И вот, когда наступил момент, и революция открыла свое подлинное лицо, — уже не народное как прежде, не чуждо национальное, как думал Есенин перед отъездом за границу, а страшное — inferнальное, бесовское, — вот тогда Есенин и вынес ей окончательный приговор, вызвав своего прежнего кумира на дуэль. Он ударяет рукою лирического героя тростью в переносицу черному человеку и повергает его. Так крестьяне в русских селах осиновыми кольями запечатывали могилы колдунов и прочих смертных, связанных при жизни с нечистой силой, так поступает и Есенин.

Сегодня во многом доказано, что убийство С.А. Есенина было не только спланировано, но и профессионально проведено 28 декабря 1925 г. в гостинице «Англетер» и нет смысла говорить о самоубийстве поэта. Убийство организовало ГПУ и лично Л.Д. Троцкий (Куняев С.Ю., Куняев С.С., 2005. С. 524 – 586). На переносице поэта была обнаружена вмятина от сильного удара. Прежде чем его повесили, ему нанесли в лицо удар, похожий на тот, который нанес его лирический герой черному человеку.

В смерти Есенина, как и в его трагической жизни, как нам кажется, также была своя тайна и свой глубокий смысл. Поэт был убит, революционерами-сатанистами, но его убийство помогло (вместе с другими важными духовными обстоятельствами) остановить движение

революции в сторону «всемирности» и космополитизма, наиболее разрушительному варианту ее развития. Вскоре, в стране происходят важные события, связанные с переменой курса (со всемирной революции на построение социализма в одной стране), когда в результате борьбы двух антирусских сил — сталинской и троцкистской — первая побеждает. Вместе с ней побеждает национальная, а не интернациональная точка зрения на революцию. Движение к мировой революции приостанавливается. И хотя Есенин, вплоть до 1960-х годов так и не вышел из-под запрета цензуры, но судя по мемуарам, именно его поэзия (книги прижизненных изданий) пользовалась огромной популярностью среди молодежи. Необыкновенный лиризм, глубина чувств, любовь к родному краю, заключенные в его стихах, вместе с трагической судьбой поэта создавали не просто художественный феномен, но давали возможность читателям быть ближе к родникам народного творчества, народной культуре и искусству. Есенин занял свое место не только во всемирной галереи великих мастеров слова, но стал подлинным хранителем русского мира и традиции.

Литература:

Есаулов И.А. Пасхальность русской словесности. М., 2004.

Есенин С.А. Полное собрание сочинений в 6-ти томах. М., 1979. Т. 5.

Куняев С. Ю., Куняев, С.С. Сергей Есенин. М., 2005.

Летопись жизни и творчества С.А. Есенина в 5-ти томах. Т. 1. (1895—1916) / Гл. ред. Ю.Л. Прокушев. Сост. М.В. Скороходов, С.И. Субботин. М., 2003.

Летопись жизни и творчества С.А. Есенина в 5-ти томах. Т. 3. Часть 1 / Гл. ред. Ю.Л. Прокушев. Сост. М.В. Скороходов, С.И. Субботин. М., 2003.

Лосев А.Ф. Диалектика мифа. М., 1990.

Нестеров М. В. О пережитом. 1862—1917 гг. Воспоминания. М., 2006.

Рубцов Н.М. Последняя осень: стихотворения, письма, воспоминания современников. М., 2004.

Тахо-Годи А.А. Лосев. М., 2007.

Шубникова-Гусева Н.И. Поэмы Есенина от «Пророка» до «Черного человека». Творческая судьба. Контекст и интерпретация. М., 2001.

К ВОПРОСУ О НАЦИОНАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЯХ: НА ПРИМЕРЕ СОВЕТСКОЙ МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941-1945 ГОДОВ

В статье на примере периода Великой Отечественной войны рассматривается функционирование национально-исторического компонента идеи Отечества в музыкально-культурном пространстве страны: в композиторском творчестве, в репертуарном ракурсе, в организованном любительском музицировании и проч.

Ключевые слова: *музыкальная культура, советская культура, Великая Отечественная война, национально-исторические традиции, патриотизм.*

На современном этапе в официальном формате признается необходимость и актуальность истории, функционируют Российское военно-историческое общество, Российское историческое общество, проведено первое Общероссийское историческое Собрание с участием 500 представителей из разных городов России (22 июня 2016 г.) и проч. Периодически проходят встречи с имеющими отношение к созданию исторического знания экспертами на высшем и местном уровнях, планируется ввести экзамен по истории в качестве обязательного ЕГЭ в школе, увеличивается возможность обращения к качественным интернет-ресурсам, формируется новая кинематографическая база с историческим контентом. Полагаем, в совокупности с инициативами ученых и преподавателей эти меры станут базой для актуализации исторического знания в различных социальных слоях, в том числе в кругах столичной и региональной политической элиты и научно-технической интеллигенции. Формирование комплексного и адекватного образа прошлого – основа для многих интегрирующих общество и развивающих личность начал, лидирующими из которых является любовь к Родине, толерантность и осмысленное, критическое отношение к себе и окружающей реальности и так далее. На фоне отсутствия четко сформулированной национальной идеи сегодня именно историческое прошлое и, в частности, период Великой Отечественной войны становится полем для возрождения консолидированного российского народа.

Военные условия 1941-1945 гг. представляют собой один из ярких примеров тех пограничных ситуаций, в которых нация и человек наиболее полно осознают себя, когда ставятся наиболее трудные вопросы, находятся творческие ответы, совершается судьбоносный выбор. «Война сложна... Она не похожа на ее описания... Её чувствуют, но не всегда понимают участники. Её понимают, но не чувствуют позднейшие исследователи», – писал И. Эренбург. Учитывая то обстоятельство, что одним из ведущих принципов, провозглашенных современной наукой, является «тщательное вдумывание исследователя в изучаемое им прошлое» (А. Я. Гуревич), необходимо максимальное преодоление эмоционально-когнитивной редуцированности наших представлений о реалиях войны, чему в значительной степени может способствовать выделение и рассмотрение проблемы соотношения национально-исторического как компонента идеи Отечества и музыкальной культуры в период Великой Отечественной войны.

В разработке решения проблемы следует исходить из различения двух её аспектов: интенционально-идеологических функций национально-исторического в музыкальных образах и реализации чувственно-рационального восприятия действительности через музыкальную семантику.

Обращая внимание на то, что картина прошлого и историческое мышление есть фундамент, корневая часть системы ментальных структур, «некая духовная действительность человеческого бытия в определенных пространственно-временных рамках» (Ясперс, 1994. С. 269), одна из основ феномена патриотизма, отметим, что общепринятая схема интерпретации этого типа мировидения строится на информации, зафиксированной в научной и художественной литературе, в изобразительном искусстве и устном народном творчестве и практически не касается специфической области музыки.

Критические условия военной обстановки в 1941-1945 гг. потребовали изменения системы ценностей, характеризующегося резким повышением нравственного критерия и насыщением аксиологической ниши соответствующими идеалами, как уже апробированными, так и вновь создаваемыми. Отсюда главная черта культуры этого периода – героико-патриотическая тематика, подчинявшая своему пафосу остальные тенденции, в том числе и обращение к историческим традициям и преемственности поколений. Не случайно в дни войны возродились и стали живыми и близкими имена Александра Невского,

Дмитрия Донского, Минина и Пожарского, Кутузова и Суворова. Социально-идеологический заказ государства и народа выполнялись как за счет классических произведений на исторические сюжеты, так и за счет ресурсов советской музыкальной культуры.

Сочинения русских композиторов, принадлежащие к героико-эпическому жанру, четко выполняют этноинформационную и консолидирующую функцию: спроецированные в музыкальные образы, идеалы героев-защитников земли русской оказывали весьма эффективное воздействие на массовое сознание («Иван Сусанин» М. И. Глинки, «Князь Игорь» А. П. Бородина, «Псковитянка» Н. А. Римского-Корсакова и проч.). Но, кроме того, фигуры самих композиторов добавляли смысловую нагрузку социальной значимости их произведений, являя собой олицетворенное богатство нашей культуры. В качестве иллюстрации этого замечания можно использовать сведения о грандиозных, применительно к суровым военным условиям, служащих унификации и упорядочиванию музыкально-культурной деятельности в масштабах государства, акциях.

В ноябре 1943 г. вся страна включилась в празднование 50-летия со дня смерти П. И. Чайковского. В сентябре 1943 г. был издан приказ № 118 Главного Управления Театров Комитета по делам Искусств при СНК СССР, в соответствии с которым в первой декаде ноября было предложено провести комплекс мероприятий. В частности, оперным театрам республиканского и местного подчинения предписывалось показать 6 ноября лучшую постановку из имевшихся в репертуаре произведений П. И. Чайковского. При отсутствии необходимых спектаклей театр обязан был подготовить специальный концерт с участием лучших мастеров. К 1 ноября в зданиях оперных театров устраивались популярные выставки, освещавшие деятельность композитора. Кроме того, организовывались выезды в рабочие клубы с тематическими концертами (ОГУ ГАСО. Ф. Р-1070. Оп. 1. Д. 31. Л. 18). Куйбышевская филармония пропагандировала его творчество проведением симфонических концертов на крупнейших площадках города и в районных центрах, в зале филармонии, камерных (фортепианные сочинения, трио, романсы) и смешанных концертов (сцены из опер, балетов, романсы, инструментальные произведения) (ГБУСО ЦГАСО. Ф. Р-2425. Оп. 2. Д. 37. Л. 8). Немало концертов организовано было и Ульяновским областным концертно-эстрадным бюро (ЦДНИ УО. Ф. 8. Оп. 2. Д. 256. Л. 3). Историко-теоретическая кафедра Саратовской консерватории подготовила ряд докладов, посвященных

творчеству П. И. Чайковского в связи с 50-летием со дня его смерти (ОГУ ГАСО. Ф. Р-2330. Оп. 1. Д. 4. Л. 1).

Беспрецедентным размахом отличались мероприятия в ознаменование 100-летнего юбилея со дня рождения Н. А. Римского-Корсакова (18 марта 1944 г.). Эта дата широко отмечалась и на общегосударственном, и на местном уровне. СНК СССР принял постановление, включавшее пункты об издании полного академического собрания сочинений Н. А. Римского-Корсакова и иллюстрированного альбома, посвященного жизни и творчеству великого композитора; в Ленинграде было решено воздвигнуть памятник композитору, Ленинградской консерватории присваивалось имя Н. А. Римского-Корсакова; в Тихвине, в домике, где он родился, открывался государственный дом-музей имени Н. А. Римского-Корсакова; учреждалось 8 именных стипендий Комитета по делам искусств при СНК СССР в размере 400 руб. в месяц для наиболее талантливых студентов композиторских факультетов консерваторий. Были признаны государственным достоянием литературные и иконографические архивы, а также библиотека композитора, находившаяся на хранении в Ленинградском государственном институте театра и музыки. Комитет по делам кинематографии при СНК СССР обязывался выпустить в 1945 г. научно-популярный кинофильм о его жизни и творчестве. Были установлены пожизненные пенсии старейшим членам семьи композитора: его сыновьям М. Н. и В. Н. Римским-Корсаковым, его дочери Н. Н. Штейнберг в размере 500 руб. в месяц каждая, а также внучке композитора И. В. Головкиной, в размере 300 руб. в месяц (Волжская коммуна. 1944. 19 марта).

Управление по делам искусств СНК РСФСР приняло план мероприятий по празднованию 100-летия со дня рождения Н. А. Римского-Корсакова (РГАЛИ. Ф. 2075. Оп. 9. Д. 52. Л. 9-10). На местах горисполкомами создавались юбилейные комиссии, в задачи которых входила организация комплекса мероприятий по широкой популяризации творчества композитора.

В Куйбышеве филармония и театр оперы, балета и музкомедии провели 20 концертов из произведений композитора, как на стационарных сценах, так и в заводских клубах, воинских частях, госпиталях и школах. Театр показал оперу «Снегурочка», которая транслировалась по радио. Областной радиокomiteeт организовал 10 передач, посвященных юбилею. 18 марта 1944 г. состоялось

торжественное заседание и концерт, которые также транслировались по радио. В зале присутствовали партийный и советский актив, работники науки и искусства, офицеры Красной армии, стахановцы промышленных и транспортных предприятий Куйбышева. «Собрание единодушно приняло приветственное письмо Верховному Главнокомандующему маршалу Советского Союза т. Сталину». С докладом о жизни и творчестве Н. А. Римского-Корсакова выступила заслуженная артистка РСФСР Н. И. Комаровская. В фойе театра открылась юбилейная выставка. В этот день во всех театрах перед спектаклями были проведены краткие лекции о деятельности композитора (Красная Татария. 1944. 16 марта; Волжская коммуна. 1944. 14, 19 марта). Специальная программа была подготовлена в Ульяновске концертно-эстрадным бюро (ЦДНИ УО. Ф. 8. Оп. 2. Д. 256. Л. 3); в Пензе состоялся юбилейный вечер, на котором после торжественной части была представлена премьера оперы «Царская невеста» (Сталинское знамя. 1944. 25 марта).

В Саратовском оперном театре им. Н. Г. Чернышевского состоялось торжественное заседание, посвященное 100-летию со дня рождения Н. А. Римского-Корсакова. Доклад о его творчестве сделал дирижер театра А. О. Сатановский. В большом концерте приняли участие оркестр и артисты Кармалюк, Волох, Иванов, Толстов, Теплоухова, Белоусов. Были исполнены увертюры и арии из популярных опер композитора – «Царская невеста», «Садко», «Майская ночь», а также второй акт из оперы «Снегурочка», премьеру которой театр планировал показать в ближайшие дни. В большом зале Саратовской консерватории прошел симфонический концерт, посвященный творчеству Н. А. Римского-Корсакова. В концерте принял участие оркестр в составе 75 человек, специально созданный к этим дням Саратовской филармонией, лучшие музыканты города. Концерту предшествовал доклад доцента консерватории Я. К. Евдокимова. Центральное место занимала представлявшая «высшее достижение симфонизма» Н. А. Римского-Корсакова сюита «Шехерезада» (дирижер и ведущий программу концерта А. О. Сатановский). Прозвучали также «Испанское каприччио», симфонические картины к «Сказке о царе Салтане»; арии из опер («Золотой петушок», «Садко», «Майская ночь»), исполненные солистами театра оперы и балета М. А. Бевза, А. И. Белоусовым (Коммунист. 1944. 19, 29 марта).

Коллектив Саратовской консерватории готовился к проведению научной сессии в связи с празднованием 100-летия со дня рождения Н. А. Римского-Корсакова. Учебно-методическая работа профессорско-

преподавательского состава этого вуза также имела одним из ориентиров творчество Н. А. Римского-Корсакова и П. И. Чайковского (ОГУ ГАСО. Ф. Р-2330. Оп. 1. Д. 4. Л. 1-1 об.).

Подобные же по форме мероприятия проводились силами музучилища, ДМШ и театра оперы и балета в Казани: доклады, выставка, ряд юбилейных концертов и вечеров, научная сессия. Основными площадками стали: Татарский государственный академический театр, Дом Красной армии, клуб. им. Менжинского (Красная Татария. 1944. 16, 21 марта, 2 апреля; НАРТ. Ф. 7353. Оп. 1. Д. 79. Л. 4 об.). В местной газете «Красная Татария» композитор Ю. Виноградов опубликовал статьи, посвященные 50-летию со дня смерти П. И. Чайковского, а также 100-летию со дня рождения Н. А. Римского-Корсакова (Красная Татария. 1943. 6 ноября; 1944. 18 марта).

Прямо или косвенно, социальный заказ инициировал обращение советских композиторов к продолжению традиции классиков в отображении эпохальных для России событий. Непосредственно в годы войны создается ряд произведений: «Суворов» С. Н. Василенко, «Емельян Пугачев» М. Ковалю, «Табачный капитан» В. В. Щербачева, «Война и мир» С. С. Прокофьева и т. д. Историческую параллель современным событиям содержали оперы «Огни мщениа» Э. Каппа и «Ледовое побоище» Г. Таранова.

В дни великих испытаний людям необходимо осознание сплоченности и общности целей не только с живыми, в горизонтальной, но и в полноте вертикальной хронологической перспективы: таково социально-культурное основание актуализации идеализированных образов-символов, как героических, так и народно-бытовых. Погружение в сказочно-мифологическую красоту «Снегурочки» Н. А. Римского-Корсакова и воспроизведение, близкое к психодраматическому, обрядового аспекта русского народного бытийствования – обратная сторона экзистенциально-исторического переживания художественного, способ обретения своего места во временном и духовном пространстве, уход от «бездомности» и нестабильности существования в войне. Во многом сохранению национально-исторической почвы в музыкальных формах содействовала самодеятельность, не успевшая стать «заформализованной», «приводящая слышимое в живое постигание» (Б. Астафьев). Верхушкой айсберга музыкальной повседневности широких масс были смотры художественной самодеятельности. Л. В. Максакова приводит данные о Втором смотре художественной самодеятельности,

прошедшем в Москве в 1944-1945 гг.: «Многообразными были жанры – от выступлений, выдержанных в традициях старинного искусства и народного обрядового и бытового творчества до современной сатирической частушки... Старинная свадебная обрядовая пляска «Тимоня», в которой участвовало до ста человек, была показана колхозными коллективами Курской области. Успеху выступления способствовали прекрасные костюмы..., которые здесь передавались из поколения в поколение» (Максакова, 1977. С. 256).

Масштабность событий Великой Отечественной войны не могла не породить своеобразных, модернизирующих традиционные подходы проявлений национально-исторического в музыке. Понимание значимости происшедшего современниками есть несомненное свидетельство исторического мышления, которое обнаруживается в симфонизме изучаемого периода. Это еще одна грань «исторического» как категории миропонимания. Советские композиторы создали прецедент музыкального летописания, интегрируя материал реально переживаемых ощущений и обобщающих методов истории с элементами публицистической (конъюнктурной и личностной) субъективности. Показательны в данном контексте Седьмая и Восьмая симфонии Д. Шостаковича. Следует учитывать соответствие выделенному явлению жанровых особенностей симфонизма: запечатлеть великий смысл происшедшего наилучшим образом могла симфония – «самая лирическая», как назвал её П. И. Чайковский, и в то же время самая концептуальная, философская, широкоохватная форма в музыке (Орлов, 1966. С. 176). Новаторским стал также опыт С. С. Прокофьева в создании в синтезе с киноискусством комплексного аудиовизуального исторического полотна в фильме С. Эйзенштейна «Иван Грозный» (1942 г.). «Глубокое проникновение композитора в сущность исторических образов выразилось в умении взглянуть на прошлое глазами современника, в гармоничном слиянии традиционного и нового приемов письма. Прокофьев был первым композитором, открывшим киномузыке путь в большое искусство» (Шарова, 1978. С. 224).

Композиторы Татарской АССР создали в военный период в интересующем нас ракурсе такие произведения, как первую советскую оперу на тему Отечественной войны – «Ильдар» Н. Жиганова (поставлена в Казани в 1942 г.), его же балет «Фатых» посвящен теме участия советской молодежи в войне. Опера «Фарида», кантаты «Яшь патриотляр», «На

обретенной земле», «О Балтике и Ленинграде» М. Юдина также обладают летописной фабулой (НАРТ. Ф. Р-7057. Оп. 1. Д. 3. Л. 18).

Итак, правомерна не только констатация бытования национально-исторического как компонента идеи Отечества в системе нравственно-патриотических ценностей, но и повышения эффективности функционирования этого компонента как социально-мобилизующего фактора при условии преломления в музыкальной семантике, о чем свидетельствует восприятие и ощущение исторического через музыкальные образы, стремление зафиксировать в звуке философски осмысленные события (симфонизм и кантатно-ораториальные сочинения), организованное (самодеятельность) и ситуативное воспроизведение фольклорных традиций, позволяющих прикоснуться подсознательно и осознанно к родной старине.

Исход войны, обусловленный в равной степени материальными и духовными причинами, дает возможность утверждать, что победа осталась за тем народом, который с большим успехом сумел воспользоваться, расширив свои границы за счет исторического пространства, не только искусством «щита и меча», но и волшебным звучанием мелоса своих истоков, за народом, вдохновленным возрожденными и обогащенными национально-историческими традициями.

Литература

«Волжская коммуна» – орган Куйбышевского обкома и горкома ВКП(б), Облисполкома и Горсовета. 1941-1945.

Государственное бюджетное учреждение Самарской области «Центральный государственный архив Самарской области» (ГБУСО ЦГАСО).

«Коммунист» – орган Саратовского обкома и горкома ВКП(б), областного и городского совета депутатов трудящихся. 1941-1945.

«Красная Татария» – орган Татарского обкома и Казанского горкома ВКП(б), ЦИК Татарской АССР и Казанского горсовета. 1941-1945.

Максакова Л. В. Культура Советской России в годы Великой Отечественной войны. М.: Наука, 1977. 343 с.

Национальный архив Республики Татарстан (НАРТ).

Областное государственное учреждение «Государственный архив Саратовской области» (ОГУ ГАСО).

Орлов Г. А. Русский советский симфонизм. Пути. Проблемы. Достижения. М. – Л.: Музыка, Лен. отд-ние, 1966. 332 с.

Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ).

«Сталинское знамя» – орган Пензенского обкома и горкома ВКП(б) и областного совета депутатов трудящихся. 1941-1945.

Центр документации новейшей истории Ульяновской области (ЦДНИ УО).

Шарова Е. Музыка С. Прокофьева к кинофильму «Иван Грозный» //Из истории русской и советской музыки. Вып. 3. М., 1978. С. 218 – 233.

Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Республика, 1994. 527 с.

ЭВАКУАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В МОРДОВСКОЙ АССР В 1941-1948 ГГ.

На основе широкого круга архивных материалов анализируются процессы эвакуации и реэвакуации населения в Мордовии в 1941-1948 гг. В статье рассматриваются вопросы материально-бытового обеспечения беженцев, оказания им помощи в социальной адаптации. Раскрываются трудовая деятельность, общественные настроения эвакуированных в тылу и их взаимоотношения с коренным населением. Дается оценка деятельности органов власти, руководивших эвакуацией населения.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, эвакуация, беженцы, Мордовская АССР, реэвакуация, социальная политика, тыл.

В период Великой Отечественной войны на территории нашей страны происходили беспрецедентные по масштабам миграционные процессы, связанные с перемещением населения из прифронтовых районов на восток страны и обратно (эвакуация и реэвакуация). Эвакуация населения – явление не новое в мировой практике, но по масштабам, срокам и условиям эвакуации осуществлённой в СССР, аналогов этих процессов в истории не существует.

Эвакуированное население, как отдельная социальная группа, просуществовала с июня 1941 по 1945 гг. Автор согласен с мнением М. Н. Потёмкиной, что этот термин применим к гражданским лицам, перемещённым в тыл с целью личной безопасности или в силу государственной необходимости из районов, находившихся под угрозой оккупации врагом (Потемкина, 2005. С. 25). Значительная его часть была размещена в Поволжье, ставшим в годы войны одним из центров по приёму, размещению и трудоустройству эвакуированного населения. В условиях военной обстановки эвакуация населения в регион осуществлялась в два потока: первый – летом и осенью 1941 г., когда эвакуация была наиболее массовой; второй – летом и осенью 1942 г., когда она носила частичный характер. Кроме этого, области и республики Поволжья являлись крупными транзитными пунктами, через которые осуществлялось распределение эвакуированного населения по остальным регионам страны.

Социальное положение эвакуируемого населения в рассматриваемый период определялось политическим режимом мобилизационного типа, главную роль в котором играл партийный аппарат. Жёсткая регламентация и перераспределение трудовых ресурсов в таких условиях превращались в фактор, оказывающий огромное влияние на социальное положение беженцев. Нельзя не признать, что в ряде случаев, несмотря на экстремальные условия, органы власти достаточно гибко реагировали на нужды населения, принимая верные решения и находя для этого ресурсы.

Рассмотрение эвакуационного процесса показало, что перемещение населения в тыловые районы стало осуществляться с первых дней войны, но при этом, эвакуация не была подготовлена ни организационно, ни психологически. Наиболее интенсивно эвакуация проходила летом-осенью 1941 г. Первые эшелоны с эвакуированными начали прибывать в МАССР в июле 1941 г. Только за один день 10 июля 1941 г было принято 9 эшелонов общей численностью около 10 тыс. человек (ГКАУ ЦАРМ Д. 77. Л. 34). В последующие месяцы приток эвакуированного населения в республику заметно сократился. Всего же в Мордовской АССР было размещено около 68 тыс. человек (ГКАУ ЦАРМ Д. 53. Л. 45). Состав эвакуированных был многонациональным, в регион прибыло население из 22 областей и республик СССР (ГКАУ ЦАРМ Д. 55, Л. 115). Примерно 85% всех беженцев составляли жители РСФСР, Украинской и Белорусской ССР. В половозрастной структуре преобладали дети и женщины. Так в декабре 1941 г. в Мордовию прибыли 58.425 чел., в том числе 20.000 мужчин и 38.415 женщин, их них детей до 15 лет – 26.234 чел. (ГКАУ ЦАРМ Д. 54. Л. 29). На территории республики были размещены и жители других государств. Одной из иностранных групп, размещённых в Поволжье, являлись граждане Польши. Большинство эвакуированных размещалось в сельской местности (62 тыс. человек), в Саранске и Рузаевке – 6 тыс. человек (ГКАУ ЦАРМ Д. 53. Л. 94).

Для осуществления перемещения в тыловые районы производственных мощностей и населения была создана структура органов, как в центре, так и на местах по руководству эвакуацией. Эти властные структуры складывались на ходу и видоизменялись по мере необходимости. В Мордовии такие структуры сложились уже в начале войны, и на каждом этапе пребывания эвакуированных граждан в регионе, решали свои специфичные задачи. Главным принципом, которым руководствовались органы власти при размещении эвакуированного

населения, являлся принцип государственной необходимости. Основными целями эвакуации населения стали обеспечение экономики тыла рабочей силой и спасение людей. Эвакуация населения и промышленных предприятий всецело зависела от обстановки на фронте.

На основе анализа архивных документов, можно выделить несколько потоков беженцев:

- рабочие, служащие и их семьи эвакуированных предприятий;
- дети и детские учреждения;
- семьи начсостава армии и флота, партийных и государственных работников;
- пенсионеры, инвалиды, больные;
- преподаватели, студенты, учёные, представители творческой интеллигенции.

Более продуманно происходила реэвакуация населения. Реэвакуация отличалась по срокам, масштабам и другим параметрам. Основными способами возвращения эвакуированного населения на прежнее место проживания были:

- с предприятиями и учреждениями;
- по запросам различных ведомств;
- по распоряжению правительства;
- самостоятельное возвращение эвакуированных.

Руководство страны стремилось контролировать процесс реэвакуации, что имело свои положительные и отрицательные стороны. Усилия властей были направлены на пресечение попыток самовольной, стихийной реэвакуации граждан. Реэвакуация населения определила дальнейшие тенденции развития Мордовской АССР. В целом, пребывание эвакуированных рабочих, инженерных кадров, высококвалифицированных специалистов оказало положительное влияние на кадровую проблему, и оказало существенное влияние на демографическую ситуацию в регионе.

Источники и ресурсы по снабжению эвакуированных продовольствием и предметами широкого пользования можно разделить на централизованные и децентрализованные, местные и привозные. Продовольственное снабжение эвакуированного населения, также как и местных жителей, осуществлялась в городах по карточкам, на селе – по трудодням. Государственное продовольственное обеспечение эвакуированных было явно недостаточным. Принимались меры по созданию индивидуальных хозяйств. Эвакуированным выделялись

земельные участки и семена, оказывалась помощь в обработке огородов, в обзаведении мелким скотом и птицей. В совокупности это обеспечило тот минимум питания, позволивший, работникам эвакуированных предприятий трудиться и который сделал возможным поддерживать такие слои эвакуированного населения как дети, инвалиды, семьи военнослужащих, неработающие граждане.

Одним из способов улучшить материальное положение эвакуированного населения было его быстрее трудоустройство. Анализ статистических данных показывает, что средний процент работающих эвакуированных граждан составлял 84-86 процентов, что в целом совпадает с аналогичными показателями в соседних регионах (ОФОПОГБУ ГАПО Д. 5. Л. 54). Большая часть находившиеся в тылу граждане была сосредоточена в сельскохозяйственной отрасли, что в значительной степени объясняется отраслевой структурой народного хозяйства Мордовии. Сотни эвакуированных трудились в органах народного просвещения и здравоохранения, в учреждениях культуры. Эвакуированные медицинские работники в значительной мере помогли решить проблему обеспечения кадрами размещённых на территории республики эвакуационных госпиталей.

Внутри эвакуированного населения можно выделить несколько слоёв, резко отличавшихся друг от друга по своему социальному положению. Наиболее благополучными с точки зрения обеспеченности материальными ресурсами и приоритета в решении их проблем, можно считать эвакуированные семьи руководителей крупных предприятий и организаций, партийной и советской номенклатуры, высших военных чинов. Для этой группы эвакуированного населения характерен наиболее высокий уровень социальной защищённости.

Второе положение занимают рабочие и служащие эвакуированных предприятий и организаций. У этой категории населения, как правило, не было проблемы с устройством на работу, что гарантировало им стабильный заработок и возможность улучшения своего материального положения. Предприятия и организации решали проблемы предоставления жилья, обеспечение продовольствием.

В самом низу этой социальной лестницы находились граждане, прибывшие в индивидуальном порядке, пенсионеры, инвалиды, детские учреждения, домохозяйки, многие эвакуированные семьи военнослужащих. Хотя государство держало во внимании эту категорию

беженцев, предоставляя им различные льготы и выплачивая денежные пособия, многие эту помощь не получали по разным обстоятельствам.

Источники убеждают, что эта группа беженцев относились к тем категориям населения тыла, которым оказывалась адресная помощь. Однако материально-финансовая база, которой они располагали, была слабой.

Исследование темы показало, что приезд в эвакуацию людей разных национальностей оказал влияние на межнациональные отношения. Отношение местных жителей к эвакуированным в целом можно охарактеризовать как толерантное, хотя и наблюдались проявления взаимного недовольства. Имелись факты враждебного отношения к беженцам на национально-этнической почве. В первую очередь это касалось эвакуированных евреев, прибалтов и поляков. Чаще всего эти конфликты были вызваны материально-бытовыми трудностями, снижением уровня жизни, вызванное условиями военного времени, невысоким уровнем культуры людей, отсутствием со стороны местных властей учёта интересов различных народностей в национальной политике. Для пресечения этих настроений и действий принимались решения о специальных собраниях населения, где следовало разъяснить недопустимость недружелюбного отношения к семьям эвакуированных.

Анализируя государственную политику по организации эвакуации и реэвакуации в Мордовской АССР так и в других тыловых районах страны, где также размещались беженцы, можно выделить три хронологических этапа:

– июнь-декабрь 1941 г. – приём и размещение эвакуированных в восточные районы страны;

– январь 1942 – май 1945 г. – создаётся система органов занимавшихся социальной адаптацией беженцев, усиливается внимание со стороны государства на решение материально-бытовых вопросов эвакуированных, улучшается финансирование;

– май 1945 -1948 г. – происходит массовая реэвакуация, эвакуированное население как социальная группа перестаёт существовать.

Давая оценку эвакуационному механизму и деятельности органов власти всех уровней отвечавших за обустройство эвакуированного населения, необходимо отметить ряд факторов влиявших на их работу:

– военная доктрина, с которой Советский Союз вступил в войну, не предусматривала массовой эвакуации населения. Это обстоятельство

обусловило то, что в стране не существовало чёткой схемы перемещения населения в тыловые районы;

– при эвакуации и размещении населения в первую очередь учитывались интересы государства и производственной необходимости;

– государство стремилось полностью взять под свой контроль перемещение населения из прифронтовых районов в тыл и не допустить «хаотичной» эвакуации.

Таким образом, в целом механизм эвакуации, выработанный в советском государстве, оказался довольно эффективным и в конечном итоге способствовал достижению победы над врагом.

Литература

Государственное казённое архивное учреждение «Центральный архив Республики Мордовия» (ГКАУ ЦАРМ). Ф.Р.-473. Оп. 1.

Отдел фондов общественно-политических организаций государственного бюджетного учреждения «Государственный архив Пензенской области» (ОФОПОГБУ ГАПО). Ф. 148. Оп. 2.

Потёмкина М. Н. Эвакуация в годы Великой Отечественной войны на Урале: люди и судьбы. Магнитогорск.: МаГУ, 2006. 265с.

ВЕРОТЕРПИМОСТЬ: ОПЫТ МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В САМАРСКОМ РЕГИОНЕ

Статья посвящена измерению потенциала толерантности межконфессиональных отношений и факторам его роста на примере Самарского региона.

Ключевые слова: *толерантность, потенциал толерантности, религиозные организации, межконфессиональные отношения, позитивная религиозная идентичность, неприязнь к иноверцам, религиозность, православие, ислам.*

В «Декларации принципов толерантности», принятой на Генеральной конференции ЮНЕСКО 16.11.1995 г, был сделан вывод о возрастающем значении толерантности в современных условиях. Прошедшие с тех пор два десятилетия полностью подтвердили верность этого положения. Сегодня толерантность становится условием выживания человечества. Приоритетное место она занимает в пространстве национального и межконфессионального взаимодействия, особенно там, где государственность формируется в условиях полиэтничности, как например, в Российской Федерации. В этой связи возрастает актуальность проблемы реализации потенциала толерантности религиозных организаций.

Теоретическому обобщению практики толерантности в национальных и межконфессиональных отношениях на территории Самарской области посвящена данная статья. Целью исследования служит выявление потенциала толерантности религиозных организаций региона и разработка практических рекомендаций по оптимизации технологии формирования и поддержания толерантности в этнокультурной сфере регионального сообщества посредством использования религиозного фактора.

Достоверность эмпирического материала обусловлена привлечением для исследования широкого круга разнообразных по характеру источников. В частности, были использованы материалы социологических исследований, проводившихся в Самарском регионе в 2007 – 2014 гг. : анкетирование массива респондентов, сформированного на основе репрезентативной выборки, проживающих в гг. Самаре,

Тольятти, малых городах и сельских поселениях региона, студентов крупнейшего вуза области Самарского государственного технического университета, интервью представителей священноначалия основных религиозных конфессий, контент-анализ текстов религиозных изданий. Для исследования привлекались материалы научных разработок, конференций, круглых столов и семинаров, публикаций в местной прессе, информация с сайтов религиозных организаций.

Диалектически развивающиеся взаимодействия этнокультурных субъектов способны формировать определенные качества самосознания, которые обеспечивают сбалансированность функционирования различных культур и соответственно их носителей в едином социальном пространстве, что в свою очередь способствует стабильности национальных отношений в обществе. К разряду этих качеств относится толерантность. В данном случае под толерантностью понимается не просто терпимость, которая на практике сводится к снисходительности и временному, вынужденному внешними обстоятельствами поведению, а способность сознательно воспринимать и принимать иную культуру, включая религиозную веру и мировоззрение, и через сложившееся таким образом понимание строить свои взаимоотношения с другим человеком. Подобное восприятие «других» служит надежной гарантией от таких уродливых и опасных явлений как расизм, шовинизм, дискриминация по национальному признаку, ксенофобия.

Убедительным примером социальной значимости толерантности может послужить Самарская область. Это важное для этнических и межконфессиональных отношений социально-психологическое качество формировалось у народов, населяющих регион, постепенно, на протяжении веков. Отношения между ними складывались непросто, о чем до сих пор напоминают исторические памятники оборонительной линии, расположенной за рекой Самарой, сохранявшей свое практическое значение до восемнадцатого века, да и вся непростая история присоединения земель в Поволжье к Московскому государству и появления городов-крепостей в Среднем и нижнем течении Волги. Именно поэтому толерантность межнациональных и межконфессиональных отношений проживающих в регионе народов служила стабилизирующим фактором на протяжении всей истории, наполненной драматическими событиями, многократно испытывавшими на прочность межэтническую солидарность местного населения. За все эти годы жители региона не искали выхода из затруднительного положения в обострении

национальных отношений, не занимались поиском врага в лице какого-либо народа. И в настоящее время, когда идет сложный, отягощенный многими издержками и потерями процесс становления и развития новой российской государственности, толерантность опять надежно служит делу сохранения стабильности межэтнических отношений в регионе. А с учетом специфики Самарской области можно утверждать: значение опыта межэтнического и межконфессионального взаимодействия выходит далеко за рамки региона.

Потенциал толерантности религиозной организации складывается из ресурсных возможностей всех ее составляющих: идеологии, социального опыта, содержания церковной службы (молебны, проповеди, обряды посвящения в веру), а также, что особенно важно, на уровне стереотипов поведенческих интеракций людей. Эти стереотипы в известной мере обусловлены деятельностью церковной организации и соответственно могут служить критерием эффективности работы в направлении развития собственного потенциала толерантности. Идеологический уровень представлен догматами, преданиями, верованиями, обобщающими духовный опыт святых и пророков, соответствующей интерпретацией Божественном откровения, а также социальными концептами религиозных институций. Идеологические стереотипы индивидуального уровня во многом обусловлены религиозностью конкретного человека. В данном случае под ней понимается целостность, состоящая из религиозного сознания и чувства. Индивидуальное восприятие идеологии всегда сопровождается значительным удельным весом чувства верующего, которое при известных обстоятельствах может возобладать над разумом и придать поведению человека чрезмерную эмоциональную окраску, что нередко можно наблюдать особенно среди верующей молодежи. Это в свою очередь оказывает влияние на отношение людей в сфере межэтнического взаимодействия. В настоящее время для большинства считающих себя верующими условиями формирования всех составляющих религиозности вплоть до поведенческих стереотипов являются спорадическое посещение храма, частичное соблюдение обрядов, ознакомление с материалами на религиозные темы в СМИ. В лучшем случае – чтение религиозной литературы, общение со священнослужителями, обучение в воскресных школах и стремление к соблюдению благочестивого образа жизни.

Социальный опыт любой религиозной организации складывается из миссионерской и благотворительной деятельности, просвещения,

хозяйствования (взаимодействие с природной средой, борьба за выживание, производственная социальная организация, освоение новых территорий и пр.), патриотического служения, особенно во времена суровых испытаний, таких как войны, революции, гонения властей или природные катаклизмы. Кроме того, социальный опыт организации всегда зависит от индивидуального опыта людей, которых она объединяет в определенное сообщество. А опыт накапливается под воздействием как объективных факторов (например, длительное, на протяжении веков совместное проживание на одной территории различных народов в Самарском регионе), так и субъективных, прежде всего целенаправленного воздействия на человека в процессе воспитания (например, накопление толерантного потенциала в процессе межэтнического и межконфессионального общения). Печальный опыт последних лет СССР и трудности становления российской государственности убедительно показали, что толерантность сохраняет свое стабилизирующее значение, если в ее формировании участвовали оба эти фактора. Это принципиальное положение следует закладывать в стратегию национальной политики государства, политических партий и движений, религиозных организаций и общественных движений, заинтересованных в сохранении мира и стабильности в нашем обществе.

Особую актуальность указанные положения приобретают на фоне тенденции к возрастанию напряженности в межэтнических отношениях в ряде регионов Российской Федерации. Как показывают факты последних лет, общество, и прежде всего властные структуры и средства массовой информации реагируют на случаи проявления фобий по этническому основанию в форме усиления полицейских репрессий с расстановкой соответствующих идеологических акцентов посредством использования прежде всего каналов официальной пропаганды. Ужесточается законодательство, усугубляя проблему сохранения демократических свобод, что не может не сказаться на отношениях с Западом. Подобная деятельность сопровождается традиционным для России всплеском информационно-пропагандистских кампаний, сконструированными по технологиям довоенных лет, заменив лишь образ врага. Внешне спокойная обстановка, например, в Самарской области, создает иллюзию благополучия и порождает атмосферу благодушия, способствует снижению уровня внимания к сфере национальных и межконфессиональных отношений.

Характеризуя потенциал толерантности религиозных организаций в регионе, следует иметь в виду его высокий уровень для конфессии в целом. Здесь присутствует и методологический и социально-политический контекст. Догматика основных религиозных конфессий (а здесь идет речь о православии в рамках русской православной церкви – далее РПЦ и Исламе) предусматривает толерантные формы поведения верующих в социальных взаимодействиях при всей ортодоксальности концепта образа жизни. Основанием служит Священное писание, житийная литература, официальные документы, например, «Социальная концепция Русской православной церкви», разъяснения и выступления руководителей и идеологов религиозных конфессий. Соответственно выдерживается и общецерковная линия поведения в межэтнических отношениях.

Потенциал толерантности религиозной организации во многом определяется степенью религиозности населения, проживающего на соответствующей территории. Религиозность людей имеет различную степень и интерпретацию. Следует различать восприятие собственной религиозности субъектом и ее оценку в соответствии с общепринятыми критериями, которые институировались как результат духовного опыта целых поколений, и что особенно важно, целого сонма святых на протяжении многих веков, выведенных на уровень поведенческих стандартов. Степень религиозности имеет широкий диапазон: от абстрактного признания существования Бога до подлинного благочестия, включающего ортодоксальное следование доктрине в вероисповедании и поведении в соответствии со строгим регламентом, предписывающим образ жизни верующему человеку. В Самарской области две третьих населения считают себя верующими. 21 % позиционируют атеизм. Остальные не определились. В малых городах только треть твердо занимают конфессиональную позицию, а 30% еще не сделали своего выбора. При этом менее пятой части верующих обладают внешними признаками благочестия, среди молодежи этот показатель падает до 5%. Значительно изменился социальный облик верующих. Большинство из них теперь принадлежит к молодым и средним демографическим группам населения, хотя по-прежнему количественно в нем преобладают женщины. Исключение составляют мусульмане. Верующие в большинстве своем имеют высшее, незаконченное высшее (как правило студенты) и среднее профессиональное образование. Среди благочестивых по-прежнему заметно преобладание представителей старших возрастных

групп с более низким уровнем образования по сравнению с образованием всего массива верующих. По уровню доходов более половины верующих – бедные. Каждый пятый относится к низшему слою среднего класса. По конфессиональной принадлежности две трети всех верующих относятся к Русской православной церкви (далее – РПЦ), около 30% – мусульмане. На все остальные конфессии приходится доля, которая в процентном отношении находится в пределах погрешности, допустимой для социологического исследования. Однако пропорция несколько изменяется в зависимости от поселения. Например, в г. Самаре мусульман на 8% больше, чем в среднем по области.

Значимость религиозного фактора для межэтнического взаимодействия во всех его составляющих обусловлено признанием степени этого влияния самими верующими. Более 41%, признает такое влияние. Треть высказала противоположную точку зрения. Таких более всего среди благочестивых. Есть конфессиональные различия. Мнения о признании влияния придерживается абсолютное большинство иудеев. Минимальный процент сторонников подобной точки зрения среди мусульман. Не менее важное значение имеет отношение к вектору влияния религиозного фактора на межэтнические отношения. Большинство верующих указывает на отрицательный характер такого влияния. При этом преобладает мотивация с формулировкой «в некоторых религиозных организациях (направлениях, сектах, течениях) возможно противопоставление людей по религиозному и национальному признаку». В положительном влиянии религии на межнациональные отношения убеждены в большей степени русские и традиционные национальные меньшинства Самарского региона, представляющие наиболее образованную часть верующих. В целом верующие толерантны в отношении иноверцев и представителей других этносов. Абсолютное большинство толерантны и входят в группу позитивной религиозной и этнической идентичности. Каждый шестой предпочитает «иметь дело» с единоверцами. 6% придерживаются позиции изоляционизма. Для 2,2% характерен религиозный фанатизм или радикализм. Именно здесь сосредоточена благоприятная среда для вызревания политического экстремизма, выступающего под религиозным знаменем. Толерантность в большей степени распространена среди верующих старших возрастных групп, хотя среди них же и более всего изоляционизма. У молодых больше предпочтения своим. У них же, в особенности среди учащейся молодежи, показатель радикальных настроений выше вдвое по сравнению со

средним по региону. Самый высокий показатель толерантности у твердых в вере и у атеистов. Самый низкий – у тех, кто не определился в вере. По конфессиям: самые толерантные – мусульмане, самые замкнутые – иудеи. Существуют некоторые территориальные различия по показателю толерантности верующих. Так, в малых городах она падает вдвое, а радикализм настолько же выше. Более всего радикалов среди тех, кто стремится провести «своих» во властные структуры. Для Самары такой же высокий как в малых городах уровень радикальных настроений среди учащейся молодежи. Исследования показывают четкую зависимость бедности и радикализма: они находятся в прямой зависимости. Вероятно, здесь имеет место фрустрация.

Важнейшим качественным признаком толерантности служит уровень распространенности неприязни к иноверцам среди населения, и в данном случае среди верующих. Неприязнь к представителям иной религии и другого этноса служит серьезным препятствием для преодоления неадекватных стереотипов восприятия людей, общения в формате диалога культур, что в конечном счете ведет к обострению межэтнических отношений, а в условиях полиэтничного социума способствует угрозе распада государственности, о чем убедительно свидетельствует историческая драма последних лет советского государства. Исследования показали, что абсолютное большинство, около 87% позитивно воспринимают иноверцев. Неприязненные чувства в отношении представителей иных вероисповеданий испытывают 12,3%. Более всего подобные настроения одолевают возрастную группу 50 – 54 лет. У них в основном среднее профессиональное образование. По этнической принадлежности в большинстве своем это русские. Исследования показывают и здесь ту же зависимость между твердостью убеждений и неприязнью в отношении иноверцев. Чем прочнее вера человека, включая атеизм, тем меньше неприязни, и соответственно, тем он более толерантен в отношении иноверцев. У сомневающихся и не определившихся в вопросах собственной веры показатель неприязни несколько выше. В масштабах всего массива исследования действует и такая закономерность: неприязненные чувства и уровень доходов также находятся в прямой зависимости. Самые высокие показатели – среди беднейших слоев населения. Главным объектом неприязни среди всего массива стали мусульмане – 80%. В отношении всех других, не считая православных, до 6,5%. Есть и территориальные различия. Например, в малых городах и селах более всего подобные настроения свойственны в

большей степени самой образованной части населения. На селе новые мигранты имеют более низкий уровень толерантности. В малых городах у новых мигрантов гораздо выше уровень неприязни в отношении к православным. В Самаре на 8% ниже среднего показатель неприязни в отношении мусульман, а на селе соответственно на 9% выше. Существуют также гендерные различия по показателю неприязни. В целом по массиву неприязненные чувства по отношению к представителям другого вероисповедания одолевают главным образом женщин. Только у православных и мусульман недоброжелателей немного больше среди представителей сильного пола.

Потенциал адаптивности социума к новым историческим условиям, особенно в условиях наличия полиэтничности, не в последнюю очередь зависит от способности людей к наращиванию позитивного опыта гармонизации межэтнического взаимодействия. Результат в немалой степени зависит от позиции молодого поколения. Это обусловлено прежде всего его объективным положением: устремленностью в будущее, отзывчивостью ко всему новому, отсутствием опыта, сопровождающегося косностью и даже рецидивом реакционности. Молодость любому делу придает эмоциональную окраску. А любой социальный прогресс, сопровождающийся яркой эмоциональной окраской, порождает энтузиазм созидания, создает благоприятную среду человеческой солидарности. Отсюда и вытекает важность участия молодежи в укреплении тенденции наращивания позитивного опыта межэтнического взаимодействия. В свою очередь эта тенденция способствует созданию предпосылок к доминированию в отношениях этносов толерантности, понимаемой здесь в широком смысле, прежде всего как диалог культур, как их взаимопроникновение и мирное сосуществование. Однако молодая генерация населения Самарской области по ряду показателей, характеризующих качество толерантности, существенно отличается от средних показателей по региону.

Поэтому показатели толерантности взаимоотношений с иноверцами и представителями иных этносов у младших возрастных групп (первая – от 18 до 24 лет и вторая – от 25 до 29 лет) несколько ниже средних по региону. Так, предпочитают своих почти каждый пятый, 6,6% имеют дело только со своими, а 5% относятся к категории фанатиков, которые готовы ради своей веры на все (это более чем вдвое превышает средний показатель по региону). Именно среди представителей последних

категорий верующих легче всего найти почву для культивирования экстремизма.

Показатель неприязненного отношения к иноверцам в целом младших возрастных групп на полтора процента ниже среднего по региону. Однако характерна значительная разница в показателях по возрастным группам. У представителей группы от 18 до 24 лет фобия распространена среди 13,4%, а в старшей группе от 25 до 29 лет – 7,3%. Первая группа состоит в основном из учащейся молодежи в образовательных учреждениях разного уровня. Еще более убедительным дополнением служат результаты, полученные в техническом университете: здесь треть респондентов заявили о своей неприязни в отношении представителей иных этнических групп. При этом четыре пятых из них назвали объектом фобий ревнителем мусульманской веры. Более всего неприязни у коренного населения области к чеченцам и цыганам. Особую тревогу вызывает тенденция к противостоянию представителей самых многочисленных по составу конфессий. Причем, более всего фобии распространены среди мужчин молодого и среднего возраста достаточно благополучного страта и социально адаптированного к условиям современного состояния российского общества, то есть самого активного и агрессивного по своей природе, одного из самых важных по месту в социальной иерархии элементов сообщества российских граждан. Для понимания глубинных процессов, которые составляют основу формирования неприязненного отношения представителей одних этнических общностей к другим необходимо иметь представление о мотивации подобных проявлений. Характерным здесь являются исследования в СамГТУ: более всего фобий возникает по причине, исходящей от самого объекта, и в частности стандарта его поведения, которое характеризуется как «недостойное» – этот вариант предпочла четверть респондентов. Почти 14% объясняют свое отношение опасностью, идущей от стремления других этносов доминировать в обществе. Соответственно данная мотивация неприязненного отношения к «другим» занимает второе место. К культуре и религиозным верованиям «других» респонденты, продекларировавшие фобии, в массе своей демонстрируют вполне толерантное отношение. Лишь 5,6% из них не воспринимают чужую культуру. 3,7% обвиняют в появлении собственных фобий средства массовой информации. Единицы видят источник неприязни в своих религиозных убеждениях. В целом исследования по Самарскому региону показывают, что неприязнь к иноверцам и

соответственно к иным этническим группам более всего распространена среди людей, занимающих в отношении религии позицию, которую можно охарактеризовать как промежуточную. Человек стоит перед выбором, он неуверен, испытывает известный психологический дискомфорт, и потому здесь происходит явление фрустрации, которая выливается в поиске внешнего врага, на роль которого выбираются представители иных этносов и иноверцы. Согласно полученным данным фобии по основанию религиозному и этническому менее всего распространены среди людей твердых в вере и атеистов. Мотивации неприязни в целом по Самарскому региону распределены примерно в такой же пропорции как и среди студентов в СамГТУ.

Для понимания поведения молодой генерации россиян необходимо рассматривать предмет исследования в контексте конкретно-исторической обстановки. Пограничное состояние в вере, создающее в известной мере среду для формирования фобий, обусловлено не в последнюю очередь социальной средой, возникшей в результате процессов, происходивших в Советском Союзе и России за последние годы. Прежде всего это касается социальных последствий развала Союза и трудностями становления новой государственности. В духовной жизни общества произошли революционные преобразования со всей присущей всякой революции разрушительной силой, помноженной на традиционный российский размах. Вал демократических свобод, разрушение официальной идеологии с традиционной для нее стабильностью, религиозный и идеологический плюрализм, который неспособно «переварить» современное российское общество, включенность последнего в динамичный мировой процесс глобализации, когда конструируется «информационное общество», возрождение национальной культуры многочисленных малых народов, возрождение религиозной жизни и многое другое закономерно вызвали к жизни с одной стороны, потребность в толерантности в межэтнических отношениях, с другой стороны – хаос в духовной жизни общества с соответствующим социально-психологическим напряжением, порождающими конфликты и вызывающие разного рода фобии в том числе и в сфере межэтнических и межконфессиональных отношений.

Всякое взаимодействие людей, в том числе и межэтническое, сопровождается процессами, которые связаны с особенностями социально-психологического склада, присущего определенному возрасту. Энергия, любознательность, отзывчивость на все необычное, тяга к

переменам, коммуникабельность и некоторые другие качества молодого поколения способствуют развитию потенциала толерантности. Увлеченность, отсутствие достаточного жизненного опыта, прямолинейность, поспешность в принятии решений, повышенная чувствительность, мировоззренческая эклектика, идеологическая неразборчивость, душевная незащищенность, неустойчивость убеждений, способную привести к вероотступничеству и другие – наоборот могут способствовать фанатизму, заблуждениям, хаосу, душевной пустоте, экстремизму, высокому уровню суггестивности и прочим качествам, которые дестабилизируют толерантные отношения между людьми. Восприятие искажается, поведение становится неадекватным, складывается конфликтогенная среда. Этим в немалой степени обусловлены показатели по молодой генерации жителей Самарской области, эволюционирующие от толерантности к этнической замкнутости и частично даже к экстремизму, оставаясь в массе своей в целом в рамках межэтнического и межконфессионального мирного сосуществования и сотрудничества. Исследования показали, что даже те самарцы, которые по той или иной причине испытывают неприязнь к другим по основанию этнической и конфессиональной принадлежности в большинстве своем готовы к сотрудничеству с ними и соответственно к мирному сосуществованию.

Подводя итог сказанному, можно сделать вывод: на уровне идеологии и стратегии в целом религиозная организация (в данном случае речь идет о региональном уровне институции) изначально гарантирует толерантность в пространстве этнического и конфессионального взаимодействия. На индивидуальном уровне, а в иных случаях и групповом, таких гарантий нет, так как между институцией и субъектом возникает ряд опосредующих звеньев, и результат будет зависеть от эффективности каждого звена. Поэтому толерантность может в этом случае только декларироваться или демонстрироваться, а то и вовсе отсутствовать.

Вопросы, затрагивающие проблемы толерантности межэтнического взаимодействия и межконфессиональных отношений, ресурсов толерантности религиозных организаций в качестве самостоятельной тематики для коллегиального и тем более всеобщего в рамках регионального единовременного и межконфессионального сообщества, пока еще не стали приоритетными. Соответственно специальных каких-либо решений, постановлений, резолюций на уровне

региональных конфессиональных объединений не принималось. Не проводятся и специальные собрания в какой-либо форме научной общественности, где в качестве основной темы стали проблемы толерантности межэтнического и межконфессионального взаимодействия. Подобная тематика присутствует в качестве докладов отдельных авторов, например на ежегодных Иоанновских чтениях, проводимых Самарской епархией РПЦ совместно с госуниверситетом или на ежегодных Кирилло-мефодиевских чтениях в Самарском государственном техническом университете (СамГТУ). Тематика докладов связана с проблемами влияния религиозного фактора на межэтнические отношения, особенностями русского национального самосознания, особенностей формирования толерантности в молодежной среде, соотношения толерантности и религиозности и других. Разработка подобной тематики, ее озвучивание на научных форумах с участием религиозных деятелей происходит только по инициативе авторов в связи с их личным научным интересом и стремлением донести до религиозной общественности и идеологов церкви информацию, которая может быть использована в их работе. Хотя, например, значительным потенциалом толерантности обладает церковная история. Это становится очевидным даже из перечня некоторых достаточно широко известных примеров: разрешение совершения религиозных обрядов иноверцев в мечетях; резолюция Второго Ватиканского собора римско-католической церкви 1965 г., где была принята резолюция с утверждением, что ислам изначально всегда стоял на позициях межконфессионального диалога, а шариат – самая веротерпимая правовая система; в некоторых немецких лагерях времен 1 мировой войны для военнопленных создавались условия для традиционного образа жизни представителям мусульманских народов: глубоких исторических корнях дружбы единоверцев русского и осетинского народов; важная роль совместных усилий разных народов в борьбе с монгольскими поработителями или участия татар в отражении агрессии поляков против России.

Ресурсы толерантности религиозных организаций во многом зависят от особенностей национального самосознания людей, образующих то или иное конфессиональное сообщество. В Российской Федерации особое значение имеет самосознание русского народа как государствообразующего этноса, представляющее абсолютное большинство населения страны, в том числе и верующих. Поскольку в новую историческую эпоху с утратой прежней идеологической основы

государства, в связи с некоторыми последствиями процесса глобализации и прочими причинами наметилась тенденция возрастания значения религиозного фактора в формировании личности, постольку важное значение приобретает концепт национального самосознания религиозной институции, в данном случае в силу выше указанных причин Русской православной церкви. Поэтому Самарская епархия РПЦ за последние годы уделяет особое внимание проблемам русского национального самосознания. Наиболее рельефно это просматривается в православной прессе: в изданиях «Духовный собеседник», «Православная народная газета», «Благовест».

Однако в реализации ресурсов толерантности религиозных организаций есть свои трудности. К этому ряду относятся социальные мифы. Важнейшим препятствием толерантности в межэтнических и межконфессиональных взаимосвязях остается терроризм, ассоциирующийся по разным причинам у многих людей с исламом. В православной печати по этому поводу стало уделяться внимание новому аспекту терроризма: взаимосвязи терроризма и так называемой «политкорректности». В православной печати звучит тревога по поводу вредоносности терроризма для мусульманского сообщества. Дестабилизирующим фактором межконфессионального мира остается активная деятельность разнообразных сект, многие из которых даже не зарегистрированы. С разоблачением их вредоносной деятельности постоянно выступает игумен Вениамин (Лабутин) и некоторые другие священнослужители, преподаватели Самарской ДС. И конечно в поле зрения как церковных идеологов, так и светских авторов остается важнейшая причина межэтнических конфликтов – прямое насилие в отношении представителей определенного этноса. В православной печати обсуждается еще один важный барьер толерантности межэтнического и межконфессионального взаимодействия: политика двойных стандартов, проводимая во многих СМИ РФ в посткоммунистическую эпоху. В частности, постоянно муссируется некая проблема «русского фашизма», но никогда не поднимается вопрос о юридической ответственности публичного (в СМИ) оскорбления русского народа. Не обходит вниманием религиозная общественность и проблему создания под видом «свободы выбора» «вертепов», где идет нравственное растление людей, прежде всего молодых, что также служит барьером толерантности, хотя здесь православные авторы видят предмет для объединения усилий против

общего врага всех традиционных религиозных конфессий России, к чему призывал патриарх Кирилл, в том числе и с высокой трибуны ЮНЕСКО.

Концепция толерантности межэтнического и межконфессионального взаимодействия включает проблему иммиграции. В отношении мигрантов православные идеологи высказывают тревогу. К практической реализации ресурсов толерантности религиозных организаций следует отнести помещение материалов в церковной прессе, раскрывающие положительные качества представителей тех народов, которые на уровне обыденного сознания вызывают более всего фобий у коренного населения региона. Так, например, в Интернете на сайте Самарской епархии РПЦ размещались материалы, в которых рассказывается о таджиках – строителях, возводящих здание православного храма. Им прекратили выплачивать зарплату ввиду отсутствия средств. А они высказали пожелание продолжить строительство бесплатно (хотя в их заработках крайне нуждаются не только они, но и их семьи), мотивируя свой поступок заботой о возможности иноверцев совершать свои религиозные обряды. Или, например, рассуждения, представленные в «Духовном собеседнике» об особой духовности в горах Кавказа, где проживают «наши братья по вере». Святость в горах Кавказа очищает души всех людей от низменных страстей. К сожалению, пока таких материалов и в религиозной прессе, и в Интернете крайне мало.

В настоящее время РПЦ как и другие традиционные для России конфессии активизировала свою миссионерскую деятельность. В этом направлении православные религиозные организации придерживаются стратегии, основанной на толерантности. Однако миссионерская деятельность в сфере образования натолкнулась на серьезные препятствия. Важнейшим из них следует считать диаметрально противоположные позиции двух крупнейших традиционных конфессий по вопросу введения в образовательных учреждениях нового курса «основы православной культуры». Православные настаивают на безусловном введении новой учебной дисциплины. Мусульмане категорически против. Аргументы первых сводятся к количественному преобладанию православных верующих и необходимости нравственного оздоровления российского общества (лучше православная культура, чем нынешнее язычество, ведущее общество к деградации и вырождению). Тем более речь идет только о добровольном выборе детей и родителей, что не является, по мнению сторонников введения этого курса, нарушением

конституционного права граждан. Мусульманские религиозные деятели и представители активной части верующих, занимая полярно противоположную позицию в этом вопросе, аргументируют свою точку зрения юридической некорректностью введения факультатива, а также «ущемлением прав национальных меньшинств» с возможным ущербом для стабильности межэтнических и межконфессиональных отношений, что при определенных обстоятельствах чревато дестабилизацией ситуации в регионе. При этом характерна более жесткая постановка вопроса и соответственно предлагаемая: вообще в светских учебных заведениях любой формы обучения и принадлежности не изучать предметы религиозного содержания. При этом не делается различий между предметами религиозного содержания и предметами, изучающими религии в культурологическом аспекте. Хотя в религиозной мусульманской печати предлагается более мягкий вариант, допускающий преподавание в светских образовательных учреждениях дисциплины религиозного характера, где предмет – мировые религии.

Причем проблема на сегодняшний день не сводится просто к полемике в печати или на собраниях. На сайте Самарской епархии РПЦ в интернете были опубликованы данные о практической подготовке и уже проводимой работе по введению нового курса «основ православной культуры» в Самарской области. Согласно этим данным через Самарский институт повышения квалификации работников образования (СИПКРО) подготовлены сотни учителей по этой дисциплине. А в 85 школах Самары уже велось преподавание этого курса на правах эксперимента. Более того, считается, что введение «основ православной культуры» способствует укреплению «национального мира». В частности, в Интернете на сайте Самарской епархии РПЦ размещен материал под заголовком «Церковь укрепляет межнациональный мир». Там рассказывается о работе школ Сергиевского района Самарской области, где ученики постигают новую дисциплину «основы православной культуры». Поскольку среди учеников есть армяне, чуваша, мордва, то авторы делают выводы об укреплении «национального мира». Родители требуют увеличения часов на эту дисциплину, и планируется вдвое увеличить число школ, участвующих в эксперименте. В СИПКРО, согласно материалам, размещенным в Интернете, предлагается в рамках факультета дополнительного гуманитарного образования ввести подготовку учителей по новым нескольким направлениям в духе диалога культур. Нарращивают усилия в этом направлении и мусульмане.

Таким образом, потенциал толерантности религиозных организаций представляет собой сложное явление. Он складывается из разнообразных ресурсов. К ним следует отнести идеологию организации (вероучение, предания, наследие отцов церкви, пророков), императивы, прежде всего нравственные, которые предписывают верующим оптимальные в рамках религиозной организации варианты поведения, принципы стратегии по различным направлениям деятельности. Опыт, сконцентрированный в традициях, которые наследуются в формах исторической памяти народа. Важнейшей составной частью потенциала толерантности религиозной организации является верующие, клир и священноначалие. Именно от человеческого фактора, его качественных особенностей, прежде всего, зависит реализация потенциала толерантности той или иной конфессии. За последние десятилетия все большее значение приобретают средства массовой коммуникации как в обществе в целом, так и в жизни религиозной общины. Поэтому они стали важным информационным и идеологическим ресурсом любой религиозной организации. В современных условиях требуется большее внимание проблеме использования потенциала толерантности религиозных общин в контексте возрастания их ответственности в связи с усилением влияния религиозного фактора на общественную жизнь.

Исследования показали, что в целом в Самарской области потенциал толерантности работает эффективно. Четыре пятых верующих толерантны и входят в группу позитивной религиозной идентичности. Толерантность среди твердых в вере, людей благочестивых выше среднего. Из традиционных конфессий самые толерантные – мусульмане. Действует закономерность: больше твердости в вере – больше толерантности. Существуют территориальные различия. В малых городах она падает вдвое, а радикальные настроения возрастают, достигая максимума среди тех, кто стремится представителей «своих» во властные структуры. В г. Самаре показатель религиозного фанатизма более чем вдвое выше среднего среди учащейся молодежи. Радикальные установки распространены более всего среди бедных слоев населения. Вероятно, здесь имеет место фрустрация.

Абсолютное большинство позитивно относится к иноверцам. 12,3% испытывают неприязнь к представителям другого вероисповедания. Среди студентов СамГТУ этот показатель доходит до трети. Исследования показали, что твердость убеждений делает человека более лояльным. Среди твердых в вере и атеистов меньше всего неприязни по основанию

религиозной принадлежности. У сомневающихся и неопределившихся в вопросах веры – самый высокий показатель неприязни. Новые мигранты испытывают неприязнь более всего по отношению к православным (сами они в основном мусульмане). Особенно высокий показатель неприязни в малых городах. В масштабах всего массива исследования действует закономерность: степень распространения неприязни находится в обратной зависимости от уровня доходов. Самые высокие показатели неприязни у самых бедных слоев населения. Главным объектом неприязни стали мусульмане – 80% от всех испытывающих неприязнь к иноверцам. Есть различия по территориям. В малых городах и селах самый высокий уровень неприязни среди людей, имеющих самый высокий ценз образования. На селе новые мигранты имеют значительно более низкий уровень толерантности и высокий уровень неприязни относительно мигрантов других территорий. Материалы исследований свидетельствуют о наличии неприязни между представителями двух самых крупных конфессий и теми, кто фактически, не являясь верующими, ассоциирует себя с религиозной организацией по этническому признаку.

Религиозные организации в своей деятельности руководствуются идеологией, которой имманентно присуще качество толерантности. В крупнейших религиозных организациях на региональном уровне нет специализированных структур, занимающихся вопросами отношений в этно – культурном пространстве. Есть лишь отдельные примеры сотрудничества представителей священноначалия крупнейших конфессий на одной территории (в куйбышевском районе г. Самары) в конкретном направлении, основанное на личном энтузиазме и доброй воле. Деятельность церкви в этно-культурной сфере за последние годы не являлись предметом рассмотрения на каких-либо совместных форумах или в рамках региональной религиозной организации. Региональные религиозные организации не обладают специально разработанной стратегией с учетом специфики региона в области межэтнических и межконфессиональных отношений. Проявления активности в этой области носит спорадический характер и в основном связан с личной инициативой участников конкретной акции. К таким акциям можно отнести выступления в печати, участие в научных форумах, публичных выступлениях разного уровня, просветительскую деятельность. Подобная работа могла бы быть гораздо эффективней, если бы религиозные организации руководствовались совместно выработанной стратегией в

своей деятельности в сфере межэтнических и межконфессиональных отношений.

В ходе исследования были установлены основные препятствия на пути сохранения и развития толерантности в сфере этно-культурного взаимодействия религиозных организаций. К ним следует отнести: мифотворчество, деятельность деструктивных сил, прежде всего терроризм, ошибки и недоработки в политике, концептуальные подходы в некоторых СМИ, объективные факторы (кризисные процессы в макросоциуме, особенности демографических групп, социальная дифференциация, особенности политической жизни и прочее), недоработки и недостатки в сфере образования, насилие в отношении этнических групп, этническая и конфессиональная гиперидентичность. Дискуссионным остается вопрос о введении в образовательных учреждениях новых религиоведческих учебных дисциплин. Ход дискуссии и особенно попытки «явочным порядком» осуществления задуманного без соответствующих условий, прежде всего общественного согласия, могут способствовать возрастанию социального напряжения в самарском регионе.

Проведенный анализ, выводы и обобщения позволяют сделать некоторые рекомендации по оптимизации технологий формирования и сохранения толерантности в межконфессиональных отношениях в контексте этнокультурной среды регионального сообщества.

Структурам, отвечающим за работу с религиозными организациями, наращивать усилия по оказанию информационной, организационной и другой помощи религиозным и общественным организациям в их просветительской миссии по проблемам межэтнических и межконфессиональных отношений, используя научные конференции, общественные форумы, издательскую деятельность, воскресные школы, церковные кафедры, теле и радио эфир, научно-исследовательскую базу, банки информации в интернете и т.д.

Совместными усилиями ученых, идеологами и руководителями региональных религиозных объединений, опираясь на поддержку властных структур надо осуществлять дальнейшую научную разработку проблем формирования, поддержания и развития ресурсной базы толерантности религиозных организаций, особенно двух крупнейших традиционных конфессий. В теоретической области необходимо провести дополнительные исследования по проблемам механизма преодоления крайностей идеологических систем, которые создают идейно-теоретические

предпосылки агрессивного национализма и космополитизма, мировоззренческую базу конфликта и дестабилизации государства с полиэтническим составом населения. Обобщить богатое теоретическое наследие и продолжить работу по разработке концепции русского национального самосознания, привлекая усилия ученых, богословов, публицистов, всех заинтересованных организаций и частных лиц.

Всем заинтересованным сторонам следует исходить в своей деятельности из факта участия в формировании, поддержании, развитии и функционировании потенциала толерантности религиозных организаций объективных и субъективных факторов. Поэтому нельзя, ссылаясь на отсутствие внешних признаков напряженности, принижать значение субъективного фактора, особенно целенаправленной работы. За внешним благополучием нельзя забывать о той немалой части населения области, испытывающей неприязнь к иноверцам, особенно молодежи, где более всего экстремистских настроений, особенно в малых городах области. Ослабление воздействия одного из факторов может привести к рецидиву варианта Кандопоги, Москвы (убийство футбольного фаната) и др.

Следует сосредоточить усилия на преодолении выше отмеченных барьеров, возникающих на пути сохранения и наращивания потенциала толерантности религиозных организаций. В этой связи полезно продолжить дискуссию о введении новой религиоведческой дисциплины в образовательных учреждениях области с привлечением более широкого круга общественности. Исходить при принятии решений из компромиссного варианта с учетом имеющегося опыта в регионе, руководствуясь принципами толерантности и диалога культур в пространстве национальных и межконфессиональных отношений. При этом мусульманским религиозным организациям следует более активно работать в направлении подготовки кадров, разработки учебно-методической базы, решении организационных вопросов.

Исследования показали, что необходимо предпринимать дополнительные усилия всем организациям и лицам, причастным к обучению и воспитанию молодежи, по преодолению религиозного и этнического экстремизма среди учащейся молодежи. Религиозным организациям наряду с властными структурами, НКО, учреждениями культуры и другим заинтересованным сторонам следует обратить особое внимание на относительно высокий уровень напряженности отношений между представителями крупнейших религиозных конфессий в малых городах в контексте проблем адаптации новых мигрантов и их восприятия

местным населением. В этой работе укреплять межконфессиональное сотрудничество. Проводить больше встреч со священнослужителями, тематических вечеров, ярких запоминающихся своей художественной выразительностью шоу и т.п. с широким использованием современной техники, специальные акции под девизом «религия против терроризма» и прочее. При этом на систематической основе проводить мониторинг по тематике обозначенной проблемы.

Большинство считающих себя верующими придерживаются мнения об отрицательном влиянии религиозного фактора на национальные отношения. Поэтому всем заинтересованным сторонам, опираясь на поддержку СМИ, следует предпринять энергичные меры по преодолению этого стереотипа, порожденный мифами и невежеством. Соответствующую работу надо проводить, прежде всего, в образовательных учреждениях. Самое главное здесь – довести до сознания молодых людей представление о толерантном по своей сути религиозном вероучении. Здесь существенную помощь могли бы оказать религиоведческие учебные дисциплины. Хотя актуальным остается использование возможностей и классических курсов. Так, например, ресурсы толерантности значительно пополняются за счет изучения истории. Необходимо больше уделять внимание ее изучению в образовательных учреждениях, воскресных школах, обращая внимание, прежде всего, на примеры позитивного характера во взаимоотношениях народов и мирного сосуществования различных религиозных объединений. Следует широко пропагандировать положительный опыт преподавания истории, например, изучения арабских завоеваний в медресе «Нур». Шире привлекать достижения исторической науки последних лет, избегая при этом политической и идеологической ангажированности и использования разного рода мифологем. Необходимо при этом использовать современные методики, гарантирующие доступность материала для самой широкой аудитории.

У традиционных конфессий в вероучении нет идеологии разрушения общества и государства. Но есть общая задача – процветание России. Осознание этого необходимо перенести из области абстракции в русло стратегии межконфессионального взаимодействия, что станет дополнительным ресурсом толерантности межконфессиональных и национальных отношений.

Исследования показали, что религиозные организации за последние годы активизировали свое участие в общественной жизни, в том числе в

сферах, доступ к которым в течение длительного времени был закрыт (армия, пенитенциарная система). Однако эта деятельность проводится только в рамках своей конфессии. Совместная работа пока проходит как исключение из общего правила по инициативе энтузиастов. Вызовы современного общества требуют наращивания совместных усилий. Общие задачи борьбы с алкоголизмом и наркоманией, экстремизмом, безнравственностью и деградацией создают базу для разработки общей стратегии религиозных организаций, которая будет способствовать наращиванию потенциала толерантности межконфессиональных отношений, что благоприятно отразится и на национальных отношениях.

Общеизвестно возрастание значения СМИ в жизни современного общества. Однако именно СМИ нередко становятся источником информации, способствующей росту напряженности в этно-культурном взаимодействии и межконфессиональных отношениях. Поэтому религиозным организациям следует добиваться, используя достижения демократических преобразований последних лет, доступа к теле и радио эфиру, газетным полосам, где более открыто заявлять о своей общегражданской позиции, а не превращать выделенное эфирное время просто в трибуну религиозной пропаганды. В Самарской области открыты сайты двух крупнейших религиозных конфессий. Тема толерантности в сфере этнокультурного взаимодействия и конфессиональных отношений должна занять на них достойное место. Там, как и в других СМИ, необходимо на систематической основе использовать материалы о фактах проявления толерантности в межэтнических и межконфессиональных отношениях, особенно связанные с группами негативного восприятия.

НЕКОТОРЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ АКТУАЛЬНОЙ ЧИТАТЕЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

В статье рассматривается проблема читательской культуры современной студенческой молодежи. На материалах конкретного социологического исследования анализируется отношение студентов к литературе, оценивается ее влияние на нравственное сознание молодежи, определяются факторы, детерминирующие развитие литературного вкуса.

Ключевые слова: *молодежь, книжная культура, литературные вкусы, жанровые предпочтения, вуз, семья, нравственное сознание.*

Одним из индикаторов творческой зрелости человека являются его литературные вкусы, интересы и предпочтения. Снижение ценности чтения в современном российском обществе воспринимается как общеизвестный факт, негативно характеризующий состояние социума. Когда-то Россия считалась «самой читающей страной в мире», сегодня же мы мало отличаемся от жителей любой европейской страны. Из сакральной ценности книги все больше превращаются в обычный товар, оцениваемый с точки зрения их утилитарной ценности. Такое отношение к книгам сложилось в процессе перехода от одной системы ценностей к другой, сопровождавшегося разложением старых культурных кодов. Однако такие изменения, как правило, происходят постепенно, затрагивая не все социальные группы одновременно и в равной степени. В данной работе проводится анализ отношения к книге и чтению в группе студенческой молодежи.

Значительную часть досуга молодых людей сегодня заполняют электронные средства массовой информации – кино, видео, интернет, радио, игры, посредством которых формируется внутренний мир молодого человека, его художественные предпочтения, ценностные ориентации и культурные установки. Поэтому крайне слабый интерес молодежи к книгам имеет сегодня четко выраженную проблемную характеристику. Ведь в процессах формирования духовности значительную роль играет чтение литературы. Литература уникальна в том смысле, что формируя общечеловеческие ценности, приоритеты и

взгляды, не только развивает эстетические и нравственные потребности личности, но и способствует подъему духовной культуры общества в целом. Однако в последние десятилетия книга утрачивает своё значение перед иными источниками необходимой нравственно – эстетической информации, такими как, телевидение и Интернет. К сожалению, тема увлечения литературой среди молодежи остается малоизученной социологами, в большей степени эта проблема изучается и обсуждается в контексте существования и функционирования библиотек (Акимова, 2016; Дубин, 2008; Лерманская, 2016).

Эмпирические данные, анализ которых представлен в данной публикации, были получены в ходе исследования, проведенного под руководством автора в 2015-2016 учебном году в Самарском государственном техническом университете. Целью исследования являлось не только изучение многообразия литературных вкусов, но и попытка выявления факторов, влияющих на формирование такой культурной практики в студенческой среде. К числу факторов, так или иначе влияющих на формирование личности молодого человека, были отнесены субъекты как институционального, так и не институционального уровня – вуз, семья, друзья, СМИ. К основным задачам социологического исследования были отнесены:

- анализ гендерного аспекта отношения молодежи к книге;
- определение структуры литературных предпочтений студентов;
- выявление степени влияния семьи и вуза на формирование книжной культуры молодежи.

В исследовании использовался комбинированный тип выборки – случайным образом был выбран один из факультетов СамГТУ, где среди студентов 3 курса был проведен сплошной опрос. Таким образом, было опрошено 100 студентов, что составляет 80% от списочной численности. В качестве аналитической базы для прослеживания динамики чтения как культурной практики студентов СамГТУ, были использованы результаты социологического исследования, проведенного по сходной тематике в 2013 году в СамГТУ (Титкова, 2014). Методологической базой исследования является деятельностная концепция культуры, с позиций которой о культуре личности правильно судить не столько по ее культурному багажу, сколько по ее реальной социальной деятельности и поведению, по полноте самореализации сущностных сил человека (Коган, 1992).

Прежде всего, нас интересовала самооценка респондентами позитивного отношения к чтению и частота последнего. Сразу необходимо отметить гендерную специфику аудитории – к постоянно читающим, отдающим предпочтение именно этому виду культурной практики, отнесли себя 17% мужчин и 30% женщин, то есть девушки читают больше и чаще. Интересно также и то, что доля не любящих читать примерно одинакова, и составляет около 10% как среди мужчин, так и среди женщин.

Жанровые предпочтения студентов также имеют ярко выраженную гендерную окраску. Так, лидерами чтения в женской аудитории являются фантастика, фэнтези, классическая литература, а также любовные романы и поэзия. И если по первому пункту рейтинга мы наблюдаем совпадение интересов – мужчины тоже больше всего любят читать фантастику, то по остальным позициям совпадений нет. В мужской аудитории предпочитают научно-популярную и учебную литературу (см. табл. 1).

Однако так ли это на самом деле? Социологам хорошо известно, что ответы на вопросы-меню, особенно с большим выбором «блюд» вряд ли можно считать полностью достоверными. Конкретизация временных параметров жанровых предпочтений позволила нам получить более достоверную информацию. Оказалось, что ограничение ответа на вопрос о жанрах читаемых книг рамками одного года несколько изменили представление о рейтинге популярности книг в молодежной среде (см. табл.2). Оказалось, что читают вовсе не то, что презентуют: наиболее популярной оказалась все-таки классическая литература, как русская, так и зарубежная. На втором месте любовные романы зарубежных авторов и фантастика как классическая, так и проектная, а также фэнтези. Студенты читают также современную зарубежную прозу, и, к сожалению, мало интересуются современной российской прозой.

В этом распределении значительно ярче видна разница между юношами и девушками – юноши больше ориентированы на классическую и проектную фантастику, а девушки – на интеллектуальное чтение. Однако и те и другие не забывают русскую классику.

Вопрос о последней прочитанной книге дает, на наш взгляд, наиболее адекватное представление о предпочтениях студентов в мире литературы. Первые 2 места занимает зарубежная литература – как классика, так и фантастика. На 3 месте – классическая русская литература. Затем идут зарубежная проза и фэнтези, любовные зарубежные романы, научно популярная литература и проектная фантастика. Результаты

данного распределения показывают направления, считающиеся наиболее популярными и трендовыми. Именно эти книги читает подавляющее большинство людей, не сильно увлекающихся литературой, но регулярно читающих. Примечательно, что современная проза не интересна респондентам. Кроме того, зачастую популяризатором чтения является американская киноиндустрия, регулярно снимающая фильмы по сюжетам своих авторов. Получается, что сначала смотрят фильм, а потом читают (см. табл.3).

На провокационный вопрос: «Какие 3 книги вы бы взяли на необитаемый остров?» мы получили следующие ответы, собранные в тематические блоки (см. табл.4).

Судя по распределению ответов студентов, для трети опрошенных важнее всего физическое выживание, поэтому они предпочитают иметь под рукой книги, которые помогут именно выжить в экстремальных условиях. Для половины опрошенных студентов вопрос духовного выживания решается с помощью старой, доброй классики, как зарубежной, так и отечественной. Видно, что фантастике и фэнтези остается мало места в условиях, максимально приближенным к фантастическим. Порадовало то, что нашлись студенты, которые хотели бы на необитаемом острове вспоминать свою Родину и ее историю.

Одной из задач исследования был поиск ответов на вопрос о том, кто и как формирует сложившиеся ориентации в мире литературы. Данные о каналах получения информации о книгах – важная характеристика актуальной читательской культуры, которая связана с общим состоянием социальной жизни, с институциональной структурой российского общества. В сегодняшнем чтении студентов присутствие таких агентов литературной социализации, приобщения к книжной культуре, как система образования, библиотека, а также печатные СМИ, стало минимальным. Соответственно, к минимуму свелась и роль экспертного (критического) сообщества. Относительное большинство читающих респондентов узнают о книгах у своих друзей и знакомых, в семье, у родственников. Прежние институты книжной культуры – библиотека, школа, вуз, литературная критика – не только утратили символическое значение и авторитет, но и роль в структурировании процессов массового чтения, представлении и распространении влиятельных образцов. Идет так называемый процесс культурного усреднения, когда молодые люди ориентируются не на авторитетные инстанции в лице профессионалов, а на своих друзей и сверстников.

За нужной книгой 50% студентов «идут в Интернет», около 40% – в магазин, 10% – к друзьям, соседям, и только 16% предпочитают библиотеку. На книжной полке студента технического университета мирно уживаются и художественная (42%) и техническая (21%) и учебная (24%) литература.

Центральным моментом исследования являлась попытка определения значимости литературы для современных студентов и ее влияния на мировоззрение и формирование нравственных устоев личности. Именно в этой серии вопросов, на наш взгляд, может проявляться корреляция с нравственными установками, существующими в семье, а также с образованием родителей. Перевод данных в индексную форму делает их более наглядными (см. табл.5).

Здесь мы наблюдаем связь между рассматриваемыми признаками, очевидно наличие влияния семьи на формирование отношения к художественной литературе.

Необходимо также отметить, что большинство студентов (73%) высоко оценивают влияние на них художественной литературы, и считают, что именно под воздействием литературы они стали более осмысленно оценивать окружающий их мир, понимать, что чтение не только приятное и увлекательное времяпрепровождение, но и приносящее пользу, как в культурных, так и в профессиональных коммуникациях.

О степени сформированности нравственной позиции студенческой молодежи свидетельствует распределение ответов на вопрос о допустимости некоторых поступков, неодобряемых в обществе. Наиболее негативно в студенческой среде оцениваются такие поступки как употребление наркотиков, самоубийство, сексуальные связи с человеком своего пола. Наиболее лояльно отношение к обогащению за счет других, даче взятки, уклонению от налогов, а также уклонению от службы в армии (см. табл. 6).

Таким образом, студенты наиболее болезненно воспринимают ситуации, складывающиеся в личностной сфере, и более равнодушно реагируют на то, что происходит на институциональном уровне общества. Вероятно, такие стереотипы отношения к различным поступкам и ситуациям сформированы в комплексе обществом, культурой и семьей. Учитывая современную тенденцию смягчения общественных норм морали и глобализацию принципов социальной толерантности, становятся понятными причины, по которым современные молодые люди

менее догматично относятся к морали, иначе понимают сложность моральных проблем.

Еще одной гипотезой исследования было предположение о влиянии на формирование книжной культуры и отношения к литературе социокультурной среды вуза. Ведь к основным функциям системы высшего образования относится не только функция подготовки специалиста-профессионала, но и функция воспитания и социализации, развития творческого потенциала личности. Только в ходе целостного процесса профессионального и общекультурного развития возможна подготовка творческой личности, успешно реализующейся в социуме. Однако выяснилось, что для большинства респондентов вуз – это в основном учебные занятия (88%), а из культурно-досуговых практик, предлагаемых вузом, наибольшей популярностью пользуются в основном спортивные секции (60%). Досуговые практики студенческой молодежи сегодня вообще не отличаются большим разнообразием. Однако настораживает тот факт, что вуз как активный агент социализации, не использует всех возможностей влияния на молодежь. Результаты исследования свидетельствуют о том, что лишь ничтожно малая часть студентов участвует в общественной и культурной жизни университета, использует возможности интеллектуального и нравственного развития в социокультурном пространстве вуза.

В результате исследования мы пришли к некоторым выводам.

– Снижение интереса к чтению – это общемировая тенденция, обусловленная глобализацией СМИ и бурным развитием индустрии развлечений, вытесняющих чтение и как престижный источник получения информации и как приятную и престижную форму досуга. Причины, способствующие снижению интереса к литературе, кроются кроме всего прочего и в общем современном стиле жизни, который в целом можно назвать потребительским. При таком стиле жизни общество требует от индивида определенных предпочтений во всем, в том числе и в литературе.

– Вместе с тем сравнительный анализ нашего исследования и ряда других исследований по данной проблеме свидетельствует о волнообразном изменении интереса к книге, чтению и литературе в целом (Борусяк, 2010; Дубин, 2008). Возвращаясь к сегодняшним литературным предпочтениям молодежи, необходимо отметить, что примерно только четверть наших студентов предпочитают читать, но при этом предпочтение отдается «классической» литературе, проверенной многими

поколениями читателей, и неважно, что это – классика фантастики или прозы.

– Наблюдается влияние семьи если не на конкретные литературные предпочтения, то, во всяком случае, на формирование общего отношения к литературе как к ценности.

– К сожалению не обнаружено значимого влияния социокультурной среды вуза на формирование вкуса к литературе.

В заключение хочется сказать, что отношение к чтению связано с развитием личности вообще. И с этой точки зрения снижение интереса к чтению является одним из проявлений комплексного системного кризиса, пути выхода из которого лежат значительно шире отношения молодежи к литературе.

Таблица 1

**Предпочитаемые жанры книг в зависимости от пола
(в% к числу опрошенных)**

Литературные жанры	Пол					Итогов ый ранг
	Муж	Ранг жанра	Жен	Ранг жанра	Всего по выборке	
Классика	26.0	3	44.0	2	35.0	2
Фантастика, фэнтези	54.0	1	47.0	1	51.0	1
Любовные романы	1.5	9	35.0	3	18.0	3
Учебная литература	15.0	4	6.0	8	10.0	6
Научно-популярная литература	29.0	2	3.0	9	16.0	4
Поэзия	6.0	8	20.0	4	13.0	7
Публицистика	6.0	8	3.0	9	5.0	9
Детективы	13.5	5	18.0	6	15.0	5
Криминальные мелодрамы	9.0	7	3.0	9	6.0	8
Юмористические рассказы	12.0	6	15.0	7	13,5	6
Исторические романы	6.0	8	20.0	5	13.0	7

Таблица 2

**Жанровые предпочтения за последний год
(в % к числу опрошенных)**

Литературные жанры	Пол		Всего по выборке
	Муж	жен	
Классическая отечественная литература	30.0	32.0	31.0
Классическая западная литература	5.4	9.0	7.0
Резонансные авторы, так называемое интеллектуальное чтение	10.0	18.0	14.0
Книги, присущие ряду субкультурных движений	10.0	-	5.0
Популярные современные западные авторы	6.0	23.0	14.5
Популярные современные отечественные авторы	1.6	9.0	5.0
Контркультурная проза	3.0	9.0	6.0
Проектная фантастика	30.0	6.0	18.0
Классическая фантастика	20.0	9.0	14.5

Последняя прочитанная книга

Всего по тематическому блоку	Название книги и ее жанр
19	Зарубежная классика: Э. Ремарк: «Жизнь взаимы», «Черный обелиск», «На западном фронте без перемен»; Р. Стивенсон «Остров сокровищ»; Г. Маркес «100 лет одиночества»; О. Уайльд «Портрет Дориана Грея»; А. Кристи «Убийство в восточном экспрессе», «Десять негритят»; В. Скотт «Уэверли»; А. Конан-Дойл «Приключения Шерлока Холмса»; М. Твен «Приключения Тома Сойера» и др.
14	Зарубежная фантастика: Стивен Кинг: «Лангольеры», «Дорожные роботы», «Зеленая миля», «Мертвая зона»; О.С. Кард «Игра Эндера», Дж. Мартин «Игра престолов»; Р. Бредбери «Вино из одуванчиков», «451° по Фаренгейту»; У.Голдинг «Повелитель мух»; Дж. Дэшнер «Бегущий в лабиринте» и др.
12	Русская классика: И. Тургенев «Отцы и дети»; Л. Толстой «Война и Мир»; Ф. Достоевский «Преступление и наказание»; Н. Гоголь «Вий», «Тарас Бульба»; М. Булгаков «Мастер и Маргарита», «Белая Гвардия»; Замятин «Мы»; А. Беляев «Голова профессора Доуэля» и др.
9	Современная зарубежная проза: Дэн Браун: «Точка обмана», «Инферно»; У. Грум «Форрест Гамп»; Э.Л. Джеймс «50 оттенков серого»; Э. ван Эйдженен «Популярность», «Дневник подростка-изгоя»; Ч. Паланик «Бойцовский клуб», «Призраки» и др.
9	Фэнтези: Толкиен «Хоббит, туда и обратно», «Сильмаррион», «Гарри Поттер»; Г. Лавкрафт: «Зов Ктулху», «Проклятие некроманта»; Зыков «Безымянный раб»; Ю. Никитин «Иммертехник» и др.
7	Любовные романы зарубежные: Дж. Майер: «До встречи с тобой», «Только мне не говори», «Любовь живет три года», «Жить заново»; Р. Берн «Тайна»; П. Коэльо: «Алхимик», «Если я останусь» и др.
5	Научно-популярные: К. Саган «Космос»; «100 выдающихся личностей»; «Женщина: учебник для мужчин»; «Турбинные установки»; А. Сардаков «Мужчина всегда прав», Стариков: «1917: разгадка Русской революции».
3	Проектная фантастика: Д. Глуховский: «Метро 2033»; «Метро 2035»; «Энтогенез»; «Сталкер».

Таблица 4

Книги, нужные на необитаемом острове

Всего по тематическому блоку	Какие три книги вы бы взяли с собой на необитаемый остров?
37	Справочники по выживанию: по тропическим растениям, охоте и рыбалке, садоводству, строительству, медицинской помощи и т.д.
23	Зарубежная классика: В. Скотт «Уэверли», Э.М. Ремарк «Триумфальная арка», Ж. Верн «Таинственный остров», О. Уайльд Портрет Дориана Грея, Даниэль Дефо «Робинзон Крузо» (14 ответов!), Г. Маркес «100 лет одиночества», У. Голдинг «Повелитель мух» и др.
21	Русская классика: Л. Толстой «Война и Мир» (12 ответов!), Л. Толстой «Анна Каренина», М. Лермонтов «Герой нашего времени», М. Булгаков «Мастер и Маргарита» и др.
6	Зарубежная проза современная: Р. Хобб «Сага о шуте и убийце», С. Кинг «Зеленая миля», Ч. Паланик «Поколение XX века», Дж. Мартин: Игра престолов и др.
4	Фэнтези: Р. Джордан «Колесо Времени», Толкиен «Властелин колец», Толкиен «История Средиземья» и др.
2	«История России»

Таблица 5

Взаимосвязь оценки значения литературы и образования родителей

(индекс меняется от +1 (полное согласие) до -1 (полное несогласие))

Оценка значения художественной литературы	Образование родителей			В целом по выборке
	Высшее	Средне-специальное	Среднее	
	Индекс согласия с суждением	Индекс согласия с суждением	Индекс согласия с суждением	
Она воспитывает в людях высокую нравственность, удерживает от аморальных поступков	+0,7	+0,68	+0,4	+0,6
Она способствует сохранению национальной культуры и традиций	+0,56	+0,5	+0,4	+0,52
Она утешает, помогает пережить жизненные трудности	+0,36	+0,2	+0,2	+0,26
Она мешает научному познанию мира	-0,66	-0,4	-1	-0,68

Оценка допустимости поступков, неодобряемых в обществе

Поступки и ситуации	Индекс допустимости
Политическое убийство	-0,53
Измена Родине	-0,85
Употребление наркотиков	-0,9
Самоубийство	-0,82
Обогащение за счет других	-0,25
Пьянство	-0,56
Проституция	-0,65
Сексуальные связи с человеком своего пола	-0,86
Дача (получение) взятки	-0,27
Публичное проявление неприязни к лицам другой национальности, другой веры	-0,5
Уклонение от налогов	-0,35
Нарушение законов	-0,54
Супружеская измена	-0,66
Уклонение от службы в армии	-0,45

Литература

Акимова А. Читательская культура молодежи: мифы и реальность [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.1september.ru/2006/08/16.htm> (Дата обращения: 15.06.2016).

Борусьяк Л. Чтение как ценность в среде молодых российских интеллектуалов // Вестник общественного мнения. 2010. № 3 (105). С. 53-65. 3.

Дубин Б. Институты, сети, ритуалы // Pro et Contra. – 2008. Т. 12. № 2-3. Март-июнь. – С. 24-35.

Дубин Б., Зоркая Н. Чтение и общество в России // Вестник общественного мнения. 2008. № 6 (98). – С.30-52.

Коган Л. Н. Социология культуры / Учебное пособие. – Екатеринбург: Уральский государственный университет, 1992. – 120 с.

Лерманская В. Проблемы современной литературы [Электронный ресурс]. URL: <http://www.proza.ru/2014/04/09/1553> (Дата обращения: 1.06.2016).

Титкова М.С., Малахова О.Ю. Литературные предпочтения современной студенческой молодежи // Сб. материалов региональной научно-практической конференции, посвященной 100-летию СамГТУ «Высшее образование в России: история и современность». /Под ред. В.Н. Полищук. Самара, 2014. С.181-184.

SUMMARIES

**«THE UNIVERSITY IS, FIRST AND FOREMOST, PEOPLE...»
(To the 50th birthday of the rector SamGTU D.E. Bykov)
Kuryatnikov V.N.**

The article is devoted to the activities of the rector Bykov D.E. Reveals the multifaceted activities of the the head of the largest universities of the Volga region.

Key words: SamGTU, D.E. Bykov, rector, department, science, history.

Archeology

**NEW FINDS OF EARLY MEDIEVAL BITS
NEAR 23 KM OF SAMARA
Bogachev A.V., Lakocenin D.V.**

The article introduces into scientific circulation new findings of the bits VIII – IX c.c., accidentally discovered near 23 Km of Samara.

Key words: bits, horse harness, early medieval, the Hungarians, the Bulgarians.

**BURIAL MASK OT THE VOLGA BULGARIA
IN THE SYSTEM OF ANTIQUITIES UGRIC PEOPLES
E. P. Kazakov**

This article analyzes the funerary masks early Volga Bulgaria, associated with deep and complex representations of the pagan population. Revealed that they brought Ugrians Ural-Kama involved in the formation of ethnicity and culture of the Volga Bulgarians. specifically, that attributes such masks were formed in ancient times in Central Asia, and in the Middle Ages were widely practiced by many peoples in the region: Ugrians, Seljuk, Turkic, etc.

Key words: Early Volga Bulgaria, the ideological representation of the pagan population of IX-X centuries., funerary masks, migration of tribes in Eastern Europe during the Middle Ages.

**BAKHILOVSKOE SETTLEMENT ERA OF THE GREAT MIGRATION
ON THE TERRITORY
(BASED ON STUDIES G.I. MATVEEVOI 1992 YEAR)**

Matveeva G.I., Nikitina A.V.

The article presents the materials of excavation of early medieval Bakhilovskoe settlements of Samarskaya Luka.

Key words: imenkov culture, the early middle ages, ceramics.

History and sociology

**TEACHING KUIBYSHEV REGION
(THE SECOND HALF OF THE XX CEN.)**

Voloshina O.B.

The article examines the processes occurring in public education in the second half of the 20th century.

Key words: teaching staff, pedagogical training institutions, distance learning, system of professional development of teachers.

**TRANSFORMATION AND MILITARIZATION OF SOVNARKHOZ'S OF SAMARA,
SARATOV, SIMBIRSK AFTER ELIMINATION OF POWER OF THE KOMUCH**

Morozov V.Y.

The article is devoted to problems of construction of the councils of national economy in terms of creating of war economy

Key words: GSNH, economic council, Samara, Saratov, Simbirsk, centralization of the economy, militarization, military supplies.

RUSSIAN WORLD OF SERGEI ALEXANDROVICH YESENIN

Kirichenko O. V.

The article is devoted to creativity of Sergei Yesenin in the context of the ethnic beliefs of the poet. Analyzes their influence on the preservation of ethnic culture.

Key words: Sergei Yesenin, ethnicity, popular culture.

NATIONAL-HISTORICAL TRADITIONS IN SOVIET MUSICAL CULTURE DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR 1941-1945

Tuzova O.V.

The article the article considers the functioning of the national component of the historical ideas of the Fatherland in a musical and cultural space of the country on the example of the period of the Great Patriotic War: in the composition work, repertory view, in an organized Amateur music making, and so on.

Key words: musical culture, Soviet culture, the Great Patriotic War, the national-historical tradition.

EVACUATION PROCESSES IN MORDOVIA ASSR IN 1941-1948.

Fedotov V.V.

On the basis of a wide range of archival material evacuation processes are discussed in Mordovia in 1941-1948. The article deals with the material and social care for refugees, assisting them in their social adaptation. Disclosed work activity, the public mood in the rear of the evacuees and their relationships with the indigenous population. Assesses the performance of the authorities who supervised the evacuation of the population.

Key words: Great Patriotic War, the evacuation of the refugees, Mordovia ASSR reevacuation, social policy, rear.

TOLERANCE: THE EXPERIENCE OF INTERRELIGIOUS COOPERATION IN THE SAMARA REGION

Kandaurov S. P.

The article is devoted to the measurement of the potential of toleratnosti interfaith relations and the factors of its growth in the example of the Samara region.

Key words: tolerance, potential tolerance, religious organizations, interfaith relations, positive religious identity, hostility towards other religions, religiosity, Orthodoxy, Islam.

SOME CHARACTERISTICS OF THE CURRENT READING CULTURE OF STUDENT'S YOUTH

Petinova T. M.

The article deals with the problem of reading culture of modern students. On the materials of concrete sociological research analyzes the attitude of students towards literature, evaluated its impact on the moral consciousness of young people, the factors that determine the development of literary taste.

Key words: young people, book culture, literary tastes, genre preferences, school, family, moral consciousness.

- Богачев
Алексей
Владимирович** Доктор исторических наук, декан факультета гуманитарного образования Самарского государственного технического университета
E-mail: figaro9@rambler.ru
- Волошина
Ольга
Борисовна** Кандидат исторических наук, доцент кафедры социологии, политологии и истории Отечества Самарского государственного технического университета
E-mail: islander92@mail.ru
- Казakov
Евгений
Петрович** Доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани Академии наук РТ Национального центра археологических исследований
E-mail: ncai@mail.ru
- Кандауров
Сергей
Петрович** Кандидат философских наук, доцент кафедры социологии, политологии и истории Отечества Самарского государственного технического университета
E-mail: sergkand@rambler.ru
- Кириченко
Олег
Викторович** Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН
E-mail: Kirichenko.oleg.1961@mail.ru
- Курятников
Владимир
Николаевич** Доктор исторических наук, доцент, профессор Самарского государственного технического университета
E-mail: figaro9@rambler.ru
- Лакоценин
Дмитрий
Васильевич** Начальник отдела в департаменте (Департамент культурного наследия, Отдел государственного контроля за вывозом и ввозом культурных ценностей)E-mail: dmitri.lakotsenin@mkrf.ru
- Матвеева
Галина
Ивановна** Кандидат исторических наук, профессор кафедры российской истории Самарского государственного университета (1933-2008 гг.)

- Морозов Вячеслав Юрьевич** Кандидат исторических наук, доцент кафедры социологии, политологии и истории Отечества Самарского государственного технического университета
E-mail: sasanid@mail.ru
- Никитина Анна Валерьевна** Аспирант кафедры психологии и педагогики Самарского государственного технического университета
E-mail: nikitina.an.v@yandex.ru
- Петинова Татьяна Михайловна** Кандидат философских наук, доцент кафедры социологии, политологии и истории Отечества Самарского государственного технического университета
E-mail: petinovatm@yandex.ru
- Тузова Ольга Владимировна** Кандидат исторических наук, доцент кафедры социологии, политологии и истории Отечества Самарского государственного технического университета
E-mail: ovtuzova@mail.ru
- Федотов Виктор Владимирович** Кандидат исторических наук, доцент кафедры социологии, политологии и истории Отечества Самарского государственного технического университета
E-mail: figaro9@rambler.ru

Список сокращений

ВАУ – Вопросы археологии Урала

ИА АН СССР – Институт археологии АН СССР

ИО АИЭ – Известия Общества археологии, истории этнографии при Казанском университете

ТИЭ – Труды Института этнографии

FU- Finno-ugrica

Научное издание

Вояджер: мир и человек

В авторской редакции
Верстка *И.О. Миняева*

Подп. в печать 27.07.2016.
Формат 60x84 ¹/₁₆. Бумага офсетная
Усл. п. л. 10,98. Уч.-изд. л. 10,93
Тираж 100 экз. Рег. № 120/16

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Самарский государственный технический университет»
443100, г. Самара, ул. Молодогвардейская, 244. Главный корпус

Отпечатано в типографии
Самарского государственного технического университета
443100, г. Самара, ул. Молодогвардейская, 244. Корпус № 8